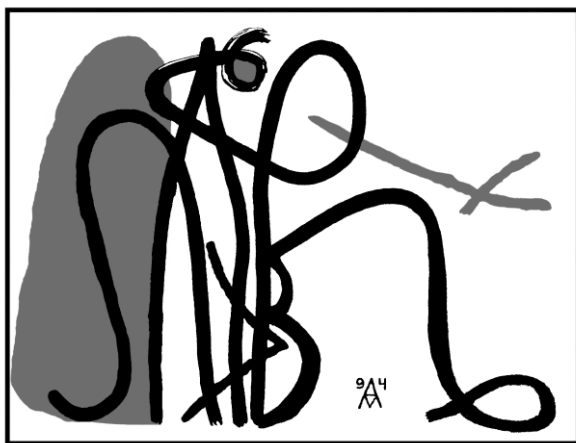

Уральское психолингвистическое общество
Кафедра общего языкознания и русского языка

Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности

Екатеринбург 2019

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Уральское психолингвистическое общество
Институт филологии, культурологии и межкультурной коммуникации
Кафедра общего языкознания и русского языка

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Выпуск 17

**Труды Уральского психолингвистического
общества**

**Екатеринбург
2019**

УДК 81'23
ББК Ш100.6
П 86

Редакционная коллегия:

Т. А. Гридина, д. филол. н., проф. (главный редактор)

Н. И. Коновалова, д. филол. н., проф.

И. А. Ваулина, к. филол. н., ст. преп.

Рецензенты:

О. А. Михайлова, д. филол. н., проф. (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина).

М. Э. Рут, д. филол. н., проф. (Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина).

ISSN 2411-5827

П 86 Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности [Текст] : Труды Уральского психолингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т, Урал. психолингвист. об-во, Каф. общ. языкознания и рус.яз. ; глав. ред. Т. А. Гридина. – Екатеринбург : [б.и.], 2019. Вып.17. – 230 с.

Данный выпуск посвящен обсуждению психолингвистических проблем, связанных с изучением природы языкового сознания в свете различных дискурсивных практик современного социума. Представлены исследования конкретных речевых феноменов с применением психолингвистических экспериментальных методов и методик. Обсуждаются гендерные, социокультурные, возрастные проекции порождения и восприятия вербальных знаков, ассоциативные механизмы формально-смысловой организации и рецепции художественного текста, игровое перекодирование культурных прецедентов в медиадискурсе, проблемы билингвизма. Характеризуются формы внедрения экспериментальных психолингвистических технологий в процесс преподавания. Сборник адресован специалистам-филологам, психологам, аспирантам и студентам, учителям-практикам, а также всем, кто интересуется проблемами психолингвистики.

©ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Абрамова Н. С. Кластерный анализ как метод диагностики культурно-речевой компетентности реципиента художественного текста.....	5
Беглова Е. И. Названия женщины по роду занятий (гендерный и функциональный аспекты).....	16
Бубнова И. А. Функциональная неграмотность: неучтенные риски или запланированный результат?.....	23
Бутакова Л. О. Комплексная психолингвистическая реконструкция семантики «возрастной» лексики.....	32
Ваулина И. А. Факторы восприятия звукосемантических единиц: психолингвистический эксперимент.....	47
Вепрева И. Т., Уонг Минь Туан О психолингвистическом эксперименте при исследовании ономастического концепта (на материале перцептивного образа Вьетнама).....	55
Гоголина Т. В. Основные средства выражения семантической категории сомнительности: экспериментальные данные	67
Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Ассоциативные проекции слова в игровом медиатексте.....	73
Доброва Г. Р. Различия в развитии лексикона мальчиков и девочек	94
Еливанова М. А., Семушина В. А. Фоносемантическая неоднородность поэтических текстов со смысловой альтернативностью в восприятии синестетов	105
Иванова Е. Н. Опыт дискурсивного представления лексикона исторической языковой личности	116
Казаченко О. В. Индивидуальное значение слова как составляющая образа мира	126
Менг К., Протасова Е. Ю. Вырасти с двумя языками: опыт молодых билингвов в Германии	136
Мухин М. Ю. На перекрестке статистики, идиостилистики и психолингвистики	146
Норман Б. Ю. «Отдаленное знакомство слов».....	155
Ружицкий И. В. Ассоциативный словарь в преподавании русского языка как иностранного	179

<i>Стексова Т. И.</i> К проблеме выбора одной из возможных синтаксических конструкций (по данным психолингвистического эксперимента)	190
<i>Харченко В. К.</i> «Чужое слово» в динамике детской речи ...	200
<i>Щербакова Н. Н.</i> Использование данных ассоциативного эксперимента для выявления проблем адаптации первокурсников	208
<i>Сведения об авторах</i>	217
<i>SUMMARY</i>	220

Н.С.АБРАМОВА

*(Уральский государственный медицинский университет
Минздрава России, г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'23:81'42

ББК Ш100.6

КЛАСТЕРНЫЙ АНАЛИЗ КАК МЕТОД ДИАГНОСТИКИ КУЛЬТУРНО-РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ РЕЦИПИЕНТА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментально-го диагностического исследования уровня сформированности перцептивно-рефлексивной составляющей культурно-речевой компетентности обучающихся в процессе восприятия текста. Ведущей экспериментальной методикой является кластерный анализ, в основе которого лежит процедура классификации языкового материала. Данное исследование позволяет расширить возможности практического применения традиционной психолингвистической методики в качестве диагностической процедуры в процессе филологического образования. Объектом читательской рецепции является игровой текст, представляющий собой особый тип художественного текста, в котором *сюжетообразующим и смыслообразующим началом является языковая игра* (Т. А. Гридина). Специфика текстов этого типа обуславливает особенности их восприятия. Применение экспериментальной методики позволило автору определить зависимость адекватности восприятия и понимания игрового текста от уровня культурной компетентности реципиента и сформированности лингвокреативных умений, необходимых для интерпретации нестандартного языкового знака.

Ключевые слова: психолингвистический эксперимент, восприятие текста, речевая компетентность, кластерный анализ, игровой текст, художественный текст, уровни сформированности.

Являясь одной из основных в психолингвистике, проблема восприятия текста находится под пристальным вниманием исследователей. «В идеале любой коммуникативный акт должен завершаться восстановлением смысла сообщения, причем смысл, извлеченный из воспринятого текста читателем, должен быть тождествен смыслу, вложенному в текст его автором» [Попова 2013: 5]. Однако в реальной речевой практике на адек-

ватность восприятия текста влияют многие субъективные факторы, в том числе различный культурно-речевой опыт говорящего и воспринимающего. «Хорошо, если автор литературного произведения попадает на “своего” читателя – но нет никакой гарантии, что все его идейные послылы (“мессенджи”) будут верно распознаны и приняты получателем» [Норман 2018: 182]. Если речевой опыт и коммуникативные установки, объем фоновых знаний и система ценностных координат читателя не соответствуют авторским, текст остается непонятым.

Это особенно актуально, когда объектом восприятия является игровой текст, представляющий собой специфичный тип художественного текста, который характеризуется особой содержательной, структурной и языковой организацией, в частности, активным использованием приемов языковой игры.

В большинстве существующих трактовок понятия «игровой текст» акцентируется та или иная его «особенность»: своеобразная техника сюжетостроения, предполагающая условность художественного мира и амбивалентность восприятия [Кубасов 2012; Гридина, Кубасов 2017а; Гридина, Кубасов 2017б]; игровая структура («лабиринтизм», «калейдоскопичность»), интертекстуальность [Люксембург 2006]; формальные свойства текста – языковая игра как главный принцип игрового стиля [Рахимкулова 2003].

Наиболее точным, отражающим не формальные, а сущностные свойства игрового текста, является определение, данное Т. А. Гридиной: «Игровой текст – это текст, в котором языковая игра является сюжетообразующим и смыслообразующим началом, основным кодом трансляции авторской идеи и требует дешифровки» [Гридина 2018: 273]. Изъятие из такого текста игровых языковых элементов невозможно: «Игремы (единицы языковой игры), транслирующие авторскую идею, из такого текста неустранимы, без них он рассыпается, “самоаннигилируется”» [Гридина 2016: 238].

Своеобразие игрового текста требует от читателя высокой культурно-речевой компетентности, в т.ч. наличия лингвокреативных умений, необходимых для понимания нестандартного содержания и «декодирования игровых импликатур» [Гридина 2012: 275]. Использование экспериментальных психолингвисти-

ческих методик позволяет смоделировать процесс восприятия игрового текста и определить его особенности [Абрамова 2016]. Так, результаты эксперимента с применением методики кластерного анализа, наглядно демонстрируют зависимость адекватности понимания игрового текста от уровня сформированности культурных и речевых компетенций реципиентов.

Кластерный анализ (КА) – психолингвистический метод, в основе которого лежит процедура классификации языкового материала. Основание для классификации испытуемые определяют самостоятельно и произвольно. Традиционно в психолингвистике кластерный анализ используется при исследовании субъективной семантики в качестве прямого метода установления внутренних семантических связей [Петренко 2005]. В рамках нового научного направления «Лингвистика креатива», инициированного Т. А. Гридиной (см. изданные под ее редакцией монографии [Лингвистика креатива 2012, 2013, 2014, 2018]), кластерный анализ применяется в качестве способа диагностики уровня речевого и интеллектуального развития [Коновалова 2015], в том числе лингвистической креативности конкретной языковой личности [Гридина, Коновалова 2015]. Кроме того, возможно использование кластерного анализа в практике школьного обучения интерпретации готового текста [Пятова 2016]. Всё это позволяет расширить возможности практического использования данной методики, в частности, при изучении аспектов восприятия игрового текста.

Объектом экспериментального исследования на основе кластерного анализа стал игровой текст С. Д. Кржижановского – рассказ «Грайи» (1922 год).

Выше говорилось, что одной из специфичных особенностей игрового текста является интертекстуальность – «создание многопланового аллюзивно-пародийного поля, в пределах которого читателю приходится напряженно искать культурологические и литературные отсылки и аналогии, объекты пародии и заимствования, и этот поиск оказывается подчас более значимым, чем насыщенная событиями внешняя фабула» [Люксембург 1999]. Игровые тексты С. Д. Кржижановского «пронизаны» интертекстуальностью. Среди его новелл особое место занимают произведения, которые представляют собой обыгрывание прецедент-

ных тем и сюжетов: философских («Бог умер», «Паук и Спиноза»), мифологических («Прикованный Прометеем», «Три сестры», «Орфей в аду», «Мост через Стикс»). Таким образом в художественном мире С. Д. Кржижановского творится новая мифология, опрокидывающая привычный взгляд на известные идеи и образы.

В ходе исследования испытуемым (обучающимся Уральского государственного педагогического университета по программе ВО «Родной язык и психолингвистика», 37 человек в возрасте 18-30 лет) был предложен фрагмент рассказа «Грайи», адаптированный под условия эксперимента.

Респондентам были предложены две первые части рассказа. В новом мифе от С. Д. Кржижановского *мудрый Зевес* (здесь и далее – курсивом выделены цитаты из стимульного текста) поставил сестер-Грай охранять путь на Парнас, где *на вольных лугах пасся Пегас*. Первая часть новеллы, которая предвещает дальнейшие события, рассказывает о том, как погибли Грайи. Их смерть открыла людям доступ в запретные парнасские выси, *на строчкастые, чернобуквные дуга парнасских склонов, где качались, буквами из букв вырастая, длинные, короткие, чернильной чернью налитые, графитной пылью присыпанные строки*. Вторая часть стимульного текста представляет собой историю «покорения» людьми Парнаса (*строки и строфы рвали руками, стригли садовыми ножницами, косили косами, иные поэмы попали под подошвы, сломались и спутали рифмы*); организацию комиссии по благоустройству Парнаса, постановившей парнасские строки рассортировать по алфавитам, поэтическим родам, видам, подвидам, на вершину Парнаса допускать только предьявивших удостоверение с печатью Коллегии Большого Пера, всем остальным – *строк не рвать, Муз с собой не водить. За каждую незаконно сорванную букву виновные ответят перед трибуналом критики*. Финал предьявленного для работы текста – это поимка Пегаса и его пленение *Обществом правильной пегасиной охоты: на Пегаса шли, вооружившись множеством гусиных и стальных перьев и остро очиненных карандашных графитов; стреножили; обкорнали крылья; поставили в стойло – всякий за небольшую плату мог прокатиться на золотокопы-*

том коне по песчаному кругу манежа, лица с удостоверениями – вне очереди.

Для приближения к пониманию смысла рассказа «Грайи» необходимо знание о символике образа Пегаса в искусстве и особенностях литературного процесса в Советском Союзе 1920-30-х годов – то, что должно входить в базовые фоновые знания студентов филологических факультетов. Ведь текст, предложенный для работы, отражает категорическое неприятие С. Д. Кржижановским любых попыток контролировать литературу и ограничивать творческую свободу писателя.

Согласно рабочей гипотезе эксперимента, классификация испытуемыми ключевых слов текста, объединение их в кластеры должна способствовать определению особенностей их текстовой актуализации и выявлению скрытых смыслов, в частности, при формулировке основной идеи, когда происходит смысловое «сворачивание» текста.

Эксперимент проходил в несколько этапов. Для актуализации фоновых знаний и стимулирования ассоциативного наполнения заголовочного имени-стимула на первом этапе был проведен свободный ассоциативный эксперимент (САЭ). Полученные от респондентов ассоциаты – в основном формальные (*гравий, игра, грани, грабить, край, Гавайи, святой грааль*), лишь единичные ориентированы на культурный фон (*мифы, Греция*).

На следующем этапе испытуемым предлагалось прочитать стимульный текст и выписать ключевые слова (22-24) – тот каркас текста, который формирует его смысл. Заранее был подготовлен контрольный список слов: *Грайи, Парнас, Пегас, строки, человек, глаз, бездна, продолжать подъем, доступ свободен толпами, жадность, комиссия по благоустройству, правила, ликвидировать беспорядок, неуловимым, Общество правильной пегасиной охоты, стреножили, обкорнали крылья, удостоверения, наш*. По итогам этого этапа эксперимента количество совпадений выбранных респондентами ключевых слов с контрольным списком составляет от 7 (5 чел.) до 18 (2 чел.). Кроме слов, вошедших в контрольный список, были частотны следующие: *старухи* (предполагаем, что в данном случае мы имеем дело с компенсацией отсутствия исходных фоновых знаний, которое продемонстрировал САЭ на первом этапе, Грайи – это *старухи*

25 / 3 *старухи* 2); *буквы* 22 (как правило, наблюдалось дублирование *буквы* и *строки* из контрольного списка); *плененный* 21 (слово из активного словаря респондентов, для сравнения: характеристика *стреноженный* из контрольного списка встрети-лась только 6 раз); *Зевес* 18.

Последним этапом исследования была собственно процедура кластеризации. Испытуемым предлагалось объединить попарно ключевые слова из составленного ими списка. Затем объединить каждую пару с другой, самостоятельно определив основание для объединения, и далее продолжить укрупнение кластеров. После окончания кластеризации респонденты должны были дать названия наиболее крупным из полученных кластеров, объяснить причину объединения слов. В итоге было предложено сформулировать общую идею прочитанного текста.

При обработке материалов, полученных от респондентов, были сделаны следующие выводы.

Объединение в кластеры первого уровня (пары) вполне ожидаемо определялось сюжетной линией (в скобках указана частотность):

Грайи – старухи (11); *Строки – буквы* (11); *Пегас – наш* (8); *Общество пегасиной охоты – жадность* (8); *Парнас – Зевес* (7); *Человек – глаз* (4); *Бездна – толпами* (4); *Доступ открыт – ликвидировать беспорядок* (4); *Комиссия по благоустройству – правила* (4); *Обкорнали крылья – плененный* (4).

Интерес представляют самые крупные кластеры – последний уровень кластеризации – и основания для объединения, указанные испытуемыми, в соответствии с которыми мы выделили 3 основные группы. К сожалению, культурных и языковых компетенций респондентам не хватило, чтобы приблизиться к пониманию текста Кржижановского – причины объединения в кластеры отражают поверхностность восприятия, сосредоточенность на формальных, содержательных компонентах текста.

Так, первая группа кластеров последнего уровня объединяет ключевые слова, которые формируют каркас непосредственной истории гибели Грай:

старухи, глаз, Грайи, бездна, Зевес, человек, Парнас, доступ, стеречь.

Ниже представлены без редактирования формулировки-объяснения, данные участниками исследования при пояснении условия для кластеризации, которые мы объединили в смысловые группы (формулировки даны без редактирования):

- связано с единым местом события «пассивного сражения» человека и старух / конфликт, борьба / мифическое на горе;

- Парнасская высь / правители и хранители «выси», доступ в которую – бездна / верховные божества / отдельная группа про высших существ, живущих на Олимпе;

- то, что относится непосредственно к Грайям / связанное со старухами / история старух, их миссия и дальнейшая судьба / сначала старухи охраняли и гору и коня, потом погибли, началась охота, коня пленили;

- начало / первая часть / по развитию событий;

- слова из мифа.

Только один из участников эксперимента вышел за пределы формального восприятия текста, выбрав вместо наиболее частотного ключевого слова *человек* оценочное *нечестивец*. Объяснение причин объединения в кластер отражает результат рефлексии испытуемого над авторским словом: «В этой группе развивается мифологический сюжет. Грайи и Пегас – существа необыкновенные. Человек, который их победил, – тоже (тяжкий подъем, сражение с мифическими чудовищами). Он же проложил дорогу для “обычных людей”».

Вторая группа кластеров – это в основном объединения слов, формирующих образ «покорения» людьми Парнаса:

комиссия, правила, жадность, ликвидировать беспорядок, доступ свободен, Общество правильной пегасиной охоты, строки, буквы, толпами, стойло, издательства, рассортированы.

Условия для объединения были даны следующие:

- связано с открытием доступа к Парнасу и беспорядками / через что нужно было пройти человеку и с помощью чего можно было стать поэтом (добиться успеха) / люди стали выходить на гору, ими овладела жадность, появился беспорядок, появились правила по пользованию / т.к. доступ открылся, стали доступны буквы, люди идут толпами / люди создают беспорядок, для ликвидации которого пишутся правила, создаются комис-

сии, ограничивается доступ, человеческая жадность / про людей, пришедших на Парнас, натворивших там бед, для них сделали правила посещения, они отловили Пегаса и его волю забрали / говорит о поступке людей и результате их действий / пришел человек и к чему это привело

- то, что относится к человеку / людская сущность / нравственное – проблемы взаимодействия общества и человека, ценности / человеческое, земное / люди, живущие на земле / на что способен пойти человек ради получения наживы

- вторая часть / середина

Третий кластер последнего уровня отражает историю пленения Пегаса:

Общество правильной пегасиной охоты, Пегас, наш, плененный, крылья обкорнали, заарканить, удостоверение, неуловимый, стреножили.

Комментарии большинства респондентов, к сожалению, не позволяют сказать, что идея недопустимости тотальной подконтрольности творчества и вдохновения, символом которого в мировой культуре является образ Пегаса, была понята:

- связано с одним мифологическим героем / то, что относится к Пегасу / охота на Пегаса / судьба Пегаса / жалость к Пегасу / связанное с Пегасом / бедный Пегас и люди-убийцы / говорится о невинном животном, природу которого заключили в неволю.

Из 37-ми испытуемых только один приблизился к пониманию эпизода, объясняя причины такой кластеризации:

- слова, связанные с правилами и запретами. «Обкорнали крылья» – метафора для попыток регулировать искусство, творчество извне, сверху.

На последнем этапе эксперимента участникам предлагалось, сформулировать основную идею текста. Для испытуемых это оказалось самой сложной частью работы. Отказов – 11 (30%). Часть из предлагаемых формулировок бессодержательны, они не являются адекватными и соотносимыми с содержанием стимульного текста – здесь и далее в скобках приводятся ответы испытуемых без редакции (Какое-либо отношение провоцирует определенному действию, что приводит к результату, у каждого результата есть свои причины и следствия, которые привели именно к данному результату. Любое отклонение в поведении

или отношение приведет к иному исходу; Войне всегда приходит конец, исход, но мудрость жизненная позволяет победить, выжить и определить, каким будет исход; Из данных групп мы можем узнать развитие событий, персонажей, результат и последствия деятельности героев; Идея в объединении греческого и славянского языков; Русский язык в человеческой жизни).

В отдельные группы можно объединить формулировки, связанные с проявлениями человеческого эгоизма, жадности и жестокости (Люди очень жадные и эгоистичные. Они пытаются привнести изменения в природе; Жизнь и поведение общества через мифологический рассказ; Люди часто губят других, беспомощных, ради личной наживы. И вроде хотели хорошего – знаний, а получилось как всегда; Эгоизм человека. Ради удовлетворения своих потребностей, ради своей выгоды человек идет на всё; Автор передает в данном тексте отношение общества к природе и ее творениям, как они не ценят то, что имеют) и взаимоотношениями бессмертных богов и смертных людей (Столкновение с чудесным оборачивается разрушением этого чудесного или попытками его контролировать; Мир выдуманных мифологических существ на Земле описывается поэтом, писателем; Верховные (боги, пегасы, старухи) и Живущие на земле (люди) – параллельные миры; Грайи не смогли уберечь *чернобуквные* луга от врага – толпы двинулись к высям). Последний пример примечателен, т.к. обращает внимание на то, что только один из участников исследования не остался «бесчувственным» к удивительному игровому слову Кржижановского.

Какие выводы можно сделать по результатам проведенного исследования? Конечно, игровой текст, как и любое литературное произведение, требует «своего» читателя, того, кто «добровольно забирается в его структурный, лингвистический и аллюзивный лабиринт» и способен «понять его внутреннее устройство, освоить систему соединяющих его ходов, уловить заложенную в нем сеть взаимосвязей» [Люксембург 1999]. Процедура кластерного анализа показала недостаточность сформированности культурно-речевых компетенций участников, которые позволили бы им выявить даже не скрытые смыслы интеллектуальной прозы Кржижановского, а то, что задано прецедентным сюжетом. Результаты эксперимента продемонстрировали по-

верхностное восприятие текста, его понимание на житейско-бытовом уровне (сначала старухи охраняли и гору и коня, потом погибли, началась охота, коня пленили). Безусловно, полученные данные могут свидетельствовать о необходимости специальной, целенаправленной работы, в том числе по формированию лингвистической креативности обучающихся в процессе филологического образования.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова Н.С. «Встречный текст» реципиента: экспериментальные методы изучения аспектов восприятия игрового текста // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2016. №14.

Гридина Т.А. «Делать из мухи слона»: ассоциативная проекция игрового слова в художественном тексте // Лингвистика креатива-2: Коллективная монография / под общей ред. проф. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012.

Гридина Т.А. Коды языковой игры в художественном миромоделировании (виртуальные миры С.Д. Кржижановского) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 10. Материалы международной научной конференции «Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования» памяти Н.А. Кожевниковой (19–21 ноября 2016 г.). – М., 2016.

Гридина Т.А. Смысловая перспектива слова в игровом художественном тексте // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под общей ред. Т.А. Гридиной. – Екатеринбург, 2018.

Гридина Т.А., Коновалова Н.И. Креативные стратегии текстопорождения как отражение процессов кластеризации // Уральский филологический вестник. Вып. 4: Материалы Всероссийского семинара с международным участием «Психолингвистика в образовании и аспекты изучения лингвокреативных способностей, 27 ноября 2015 г. – Екатеринбург, 2015.

Гридина Т.А., Кубасов А.В. Игровой текст как форма авторского художественного миромоделирования (статья первая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 2017а. №14.

Гридина Т.А., Кубасов А.В. Игровой неологический дискурс и проблема диагностики художественного кризиса писателя (статья вторая) // Текст. Книга. Книгоиздание. 20176. №15.

Коновалова Н.И. Ресурсы речевой психодиагностики в образовательном процессе // Педагогическое образование в России. 2015. №11.

Кубасов А.В. Креативные стратегии литературы русского экспрессионизма: случай С.Д.Кржижановского // Лингвистика креатива: коллективная моногр. / Отв. ред. Т.А.Гридина. – Екатеринбург, 2012.

Люксембург А.М. Лабиринт как категория набоковской игровой поэтики // «RELGA», электронный журнал. – №16 [22] 21.08.1999. – Режим доступа: <http://www.relga.ru>.

Люксембург А.М. Игровая поэтика: введение в теорию и историю // Игровая поэтика. Выпуск 1. Сборник научных трудов ростовской школы игровой поэтики. Под ред. А.М.Люксембурга и Г.Ф.Рахимкуловой. – Ростов н/Д. 2006.

Норман Б.Ю. «Креатив» говорящего vs «креатива» слушающего: компромисс взаимопонимания // Лингвистика креатива-4: коллективная монография / под общей ред. Т.А.Гридиной. – Екатеринбург, 2018.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – СПб., 2005.

Попова О.В. Изучение процессов восприятия научно-учебного текста: психолингвистический аспект: монография. – Омск, 2013.

Пятова Е.А. Метод классификации слов как ключ к пониманию текста // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2016. №14.

Рахимкулова Г.Ф. Олакрез Нарцисса: Творчество Владимира Набокова в зеркале языковой игры. – Ростов н/Д., 2003.

©Абрамова Н.С., 2019

Е. И. БЕГЛОВА

*(Нижегородская академия МВД России,
г. Нижний Новгород, Россия)*

УДК 81'373

НАЗВАНИЯ ЖЕНЩИНЫ ПО РОДУ ЗАНЯТИЙ (ГЕНДЕРНЫЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ)

Аннотация. В статье анализируется синонимический ряд слов и фразеологических единиц, служащих названиями женщин по роду занятий, противоречащих моральным устоям общества в разные периоды его развития в разных странах, функционирующих в речи на протяжении эпох. Особое внимание уделяется гендерному аспекту, проявляющемуся в отношениях мужчины к женщине, прослежена динамика этих отношений, обусловленная изменением статуса женщины, находящейся в одинаковых условиях с мужчиной, в частности ролью женщины в передвигающихся войсках. Определены основные функции слов и фразеологических единиц в речи, составляющих синонимический ряд названий женщины, ведущей аморальный образ жизни: эвфемистическая и эзотерическая. Выявлено, что эти функции в некоторых словах обусловлены наличием в их лексическом значении главной и имплицитной периферийной сем, а также этимологией и значением лексических и фразеологических единиц; значение этих слов и фразеологических единиц обусловлено метафорическим переносом.

Ключевые слова: слово, фразеологическая единица, синонимы, гендерный аспект, лексический анализ, лингвокультурологические аспекты, лингвокультурология, психолингвистические аспекты, психолингвистика.

В данной статье предметом лексического и частично психолингвистического, лингвокультурологического анализа явилась устаревшая лексика, именующая женщину по роду её занятий, а также её синонимы в современном русском языке, включая фразеологические единицы. Заметим, что в некоторых названиях женщин изначально отражено стереотипное отношение мужчины к женщине как к слабому полу, уступающему мужчине в интеллекте, силе, знаниях и пр. Для нас интерес представляет ряд слов и фразеологических единиц, в которых отражаются отношение мужчины и общественная оценка к женщине определённой

ного рода занятий, нарушающих этические нормы общества в разные периоды его развития в разных странах.

Согласно сложившимся традициям, по этическим нормам общества в разных странах в XVI–XVIII вв. женщина занимала второе место по отношению к мужчине, она должна была выполнять то, что он ей прикажет, психологическое воздействие мужчины на женщину было велико. Мужчина либо боготворил женщину, либо унижал. Так, в Европе в XVI–XVIII вв. женщина, оказавшаяся в передвигающихся военных войсках, воспринималась как женщина, выполняющая роль предмета комфорта и доставления наслаждения мужчине. Исторические события служат подтверждением того, что мужчина относился к женщине как к помехе, например, во время войн, так как она считалась слабой и не способной выполнять действия, которые выполнял мужчина в определённых ситуациях. Как свидетельствуют исторические источники, в 1570 году к войску, которое должен был привести в Италию французский полководец Филипп Страцци, присоединилось такое количество женщин, что стало почти невозможно передвигаться. И тогда Страцци принял решение: отобрав самых привлекательных женщин, он приказал остальных 800 утопить в реке [Уранов 2018: 23].

Слова, именующие женщину по роду занятий, по своему лексическому значению отражают не только их род занятий, но и содержат коннотации, эксплицирующие отношение мужчины к женщине в определённые периоды развития общества и в конкретных ситуациях. Так, отмечается ряд слов, именовавших женщин, сопровождавших войска, *маркитанка*, *кантиньерка*, *вивандьерка*, которые устарели и с точки зрения современного русского литературного языка являются историзмами (*маркитанки*) или архаизмами (*кантиньерка*, *вивандьерки*). Произведём лексико-семантический анализ данных слов.

Маркитанка – в переводе с итальянского языка – «торговка». В словаре фиксируется лишь одно из названных слов: *маркитанка* – в XVIII–XIX вв. торговка преимущественно съестными припасами и напитками, сопровождающая армию в походе [ССИС 1994: 361]. Некоторые историки полагают, что первоначально заниматься этим ремеслом женщины стали из коры-

стных соображений – в обмен на любовь можно было не только получить еду и защиту, но и немного заработать за оказанные услуги. У маркитанок был даже свой гимн, отражающий особенности их занятий: «Мы, маркитанки, обслуживаем по собственному желанию наших господ! Мы ворует, что можем украсть, мы стряпаем обед и шьём, подметаем, моем и чистим, ухаживаем за ранеными. А после работы мы не прочь повеселиться! И хотя ландскнехты часто угощают нас тумачами, мы, маркитанки, предпочитаем им служить...» [Уранов 2018: 23]. То есть первоначально слово *маркитанка* имело имплицитную сему «сексуальная рабыня», причём эта сема доминировала по отношению к семе «женщина, приносящая пользу обустройством быта солдат». Со временем отношение мужчин к женщинам-маркитанкам изменилось. Из женщин доступных они стали *кантиньерками*. В данном слове лексическое значение сужается в сравнении с лексическим значением слова *маркитанка*. ***Кантиньерка*** – в переводе с французского языка – «кухарка». Как свидетельствуют исторические источники, в XV–XVII вв. во времена походов часто возникала проблема с нехваткой продовольствия. Усилий фуражиров, занимавшихся вопросами снабжения, иногда не хватало, особенно в тех краях, которые были разорены войной или пострадали в результате природных катаклизмов. Кантиньеркам было разрешено продавать в своих передвижных лавках продовольствие, которое они покупали у местных жителей на пути следования войск. Во время привалов на них возлагалась обязанность разводить костры и готовить пищу, у них же можно было приобрести иголки и нитки для починки обмундирования. То есть кантиньерки получили статус прислуги, которая должна была создавать все условия для поддержания боевого духа мужчин-воинов, кормить и одевать их. В слове *кантиньерка* доминирует сема «женщина, приносящая пользу», обусловившая положительную оценку женщины со стороны мужчины, соответственно и общественную положительную оценку.

Еще один тип спутниц передвижных войск – ***вивандьерки***. *Вивандьерки* – в переводе с французского языка – «боевая подруга»: ***Вивандьерки*** или вместе с солдатами в бой. При себе

они имели бочонок бренди, кружку и набор трубок с табаком. Бренди – для снятия болевого шока у раненых, табак для успокоения выживших после боя [Уранов 2018: 23]. Главной семой лексического значения слова *вивандьерка* является «помощница в бою», особой семой – сема «лекарь» и имплицитруется сема «доступная женщина». Таким образом, *маркитанки, кантиньерки, вивандьерки* – это названия женщин, сопровождавших военные обозы во время военных действий. При этом каждое слово обозначает определённый тип женщины, отражающий её род занятий, приносящий пользу войску в целом, однако в лексических значениях названных слов имплицитруется сема «доступная женщина». Это женщины, выполняющие, как и солдаты, своеобразные обязанности. Женщина доказывала мужчине то, что она может выполнять такие же важные для общества обязанности, как и мужчина, то есть таким способом завоёвывала права. Так было с маркитанками: оценив их род деятельности как помощь войску, маршалы и генералы создавали военизированные подразделения женщин, одев их в поношенную солдатскую одежду. Маркитанки правили повозками, были прачками, а иногда строили укрепления. Маркитанки получили своё звание с изображением женщины, с которым они выходили на строительство укреплений под мелодии флейты и барабанов. В связи со всем этим изменяется отношение мужчин (солдат) к женщинам как к помощницам, вдохновительницам: солдаты старались сделать жизнь маркитанок безопасной. В XVI–XVII вв. умышленное убийство маркитанки каралось смертной казнью без суда и следствия. Так происходит изменение отношения мужчины к женщине в обозных войсках. Позднее во время военных походов разрешалось заключать церковные браки, которые благословлял военный священник, сопровождавший войско. Следует отметить тот факт, что трудное положение *маркитанок, кантиньерок, вивандьерок* в войсках приносило свои плоды: многие из них становились обеспеченными, что позволяло им впоследствии приобретать имущество и титулы.

Итак, каждое слово, именующее женщину, сопровождавшую передвижные войска, отражает не только положительное значение женщины с общественной точки зрения, но и психологию

отношения мужчины к женщине в историческом развитии (от отрицательного – к положительному). Так называемая *древняя профессия* женщин сопровождалась принесением реальной помощи мужчинам во время военных действий, что изменило их отношение к женщине в лучшую сторону.

Слова *маркитанка*, *кантиньерка*, *вивандьерка* составляют следующую гиперо-гипонимическую парадигму: женщина – доступная женщина (*маркитанка*) – женщина, выполняющая определённые функции (доставляющая наслаждение, обустривающая быт для мужчины, помощница в бою) (*кантиньерка*, *вивандьерка*). Все они являются синонимами, находящимися в отношениях включения лексических значений, главным из которых является слово *маркитанка*, имеющее общее лексическое значение, включающее значения слов *кантиньерка* и *вивандьерка*.

Род занятий женщины, нарушающий этику общества, породил разные названия женщины, скрывающие, вуалирующие или смягчающие эти занятия. Синонимический ряд слов, служащих именованиями женщины, нарушающей этические правила общества своим поведением, пополнялся на протяжении эпох новыми словами и фразеологическими единицами в разных языках. Следует отметить то, что эти лексемы выполняют в речи эвфемистическую и частично эзотерическую функции. Проанализируем некоторые из них с лингвистической и частично лингвокультурологической точек зрения.

Так, в Испании словом ***маха*** именовали простолудинок, которые зарабатывали продажей собственного тела, о чём свидетельствуют исторические данные: *«После смерти мужа, когда закончился траур, герцогиня (13-ая герцогиня Альба, первая красавица Мадрида, полное имя которой Мария дель Пилар Тереса Кастана де Сильва и Альварес де Толедо. – Е.Б.) уговорила художника (знаменитого Франсиско Гойю, с которым познакомилась на балу в 1791 году и дружила впоследствии; ему тогда было 45 лет – Е.Б.) нарисовать её махой (махами в Испании называли простолудинок, которые зарабатывали продажей собственного тела). Она не раз наряжалась в простые платья, разгуливая по столице, и все мадридцы признавали в ней маху.*

Такой девушкой из народа она мечтала остаться в памяти потомков. Но Франсиско Гойя считал, что женщина, рождённая аристократкой, в костюме *махи* будет выглядеть неправдоподобно» [Волинский 2018].

В русском языке отмечаются следующие фразеологические единицы со значением «доступная женщина»: *женщина лёгкого поведения* – неодобрительное, проститутка; калька с французского языка [РФ ИЭС 2007: 220]; *жрица Венеры, жрицы наслаждения* – книжно-поэтическое, эвфемистическое; *женщина лёгкого поведения* [РФ ИЭС 2007: 228]; *дама с камелиями* – эвфемистическое, ироническое; *женщина лёгкого поведения* [РФ ИЭС 2007: 174]; *вавилонская блудница* – книжное; крайне развращённая, распутная женщина; название соотносится с названием города Вавилон, который, по библейской легенде, был городом соблазнов и разврата [ФСМ 1986: 38]; *рабыня любви* [Шулежкова 2002: 235]; *жертва общественного темперамента* [Шулежкова 2002: 235]; *ночная бабочка* – новое, проститутка; от немецкого *nachtschwarmerin* [РФ ИЭС 2007: 37]. Следует отметить тот факт, что с лексической и этимологической точек зрения названные фразеологические единицы появились в результате метафорического переосмысления значений слов-компонентов; часть из них является кальками с французского языка (*женщина лёгкого поведения, жрица Венеры*) и немецкого языка (*ночная бабочка*), часть связана с Библией и мифами (*вавилонская блудница, жрица Венеры*).

Таким образом, итальянское слово *маркитанка*, французские слова *кантиньерка, вивандьерка*, именующие женщин, сопровождавших военные обозы в XV–XVII вв., в лексическом значении которых имплицировалась сема «доступная женщина», испанское слово *маха* и фразеологические единицы, функционирующие в русском литературном языке, *вавилонская блудница, дама с камелиями, жрица Венеры, жрица любви, жрица наслаждения, ночная бабочка* отражают не только род занятий женщины, противоречащий этическим нормам общества в разные периоды его развития, но и демонстрируют динамику отношения мужчины к женщине, отражая гендерные и психологические особенности этих отношений. Названные лексе-

мы и фразеологические единицы в речи выполняют эвфемистическую и эзотерическую функции.

Эзотерическая функция обусловлена, с одной стороны, наличием в лексическом значении некоторых слов главной и имплицитной периферийной сем (*маркитанка, кантиньерка, вивандьерка*), с другой – этимологией и значением лексических и фразеологических единиц; значение связано, прежде всего, с метафорическим переносом. При этом некоторые фразеологические единицы содержат компоненты, прямое значение которых соотносится с библейскими и мифическими образами (*вавилонская блудница, жрица Венеры*), некоторые фразеологические единицы отражают ироническую или отрицательную общественную оценку женщины определённого рода занятий и психологию отношений между мужчиной и женщиной (*женщина лёгкого поведения, жертва общественного темперамента, ночная бабочка*), а также раскрывают знаковую (с точки зрения культуры общественных отношений) сущность женщины, нарушающей моральные нормы общества (*дама с камелиями, рабыня любви, вавилонская блудница, жрица Венеры*).

ЛИТЕРАТУРА

- Волынский В.* Под номером 13 // Загадки истории. 2018. № 6.
- РФ ИЭС – Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. Изд-е 3-е., испр. и доп. – М., 2007.
- ССИС – Современный* словарь иностранных слов. – СПб., 1994.
- Уранов С.* Обозные женщины // Загадки истории. 2018. № 31.
- Фразеологический* словарь русского литературного языка конца XVIII–XX вв. / под ред. А.И. Фёдорова. – М., 1995.
- ФСМ – Фразеологический* словарь русского языка / под. ред. А.И. Молоткова. – М., 1986.
- Шулежкова С.Г.* Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. – М., 2002.

©Беглова Е. И., 2019

И. А. БУБНОВА

*(Московский городской педагогический университет,
г. Москва, Россия)*

УДК 81'23

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ НЕГРАМОТНОСТЬ: НЕУЧТЕННЫЕ РИСКИ ИЛИ ЗАПЛАНИРОВАННЫЙ РЕЗУЛЬТАТ?

Аннотация. В статье обсуждается проблема функциональной неграмотности, представляющей собой совершенно новую форму цивилизационного риска. Рассматривается связь данной характеристики современной личности с процессом глобализации, под влиянием которого произошла полная трансформация русской классической школы. Анализируются сходства между некоторыми качествами человека, в том числе и функциональной неграмотностью, как типичными чертами среднестатистического представителя сегодняшнего молодого поколения, и моделью личности будущего, описанной в трудах Б.Рассела. Приводятся данные экспериментального исследования, подтверждающие, что запланированные в середине XX века личностные характеристики в настоящее время становятся реальностью. Выдвигаются аргументы в поддержку точки зрения о том, что между активно продвигаемой в российское общество моделью человека и концепцией столкновения цивилизаций, предложенной С.Хантингтоном, существует неразрывная связь.

Ключевые слова: функциональная неграмотность, глобализация, тип человека, личностные характеристики, образование, модель человека будущего, столкновение цивилизаций.

Одной из активно обсуждаемых сегодня в науке проблем является проблема функциональной неграмотности – неспособности человека читать и писать на уровне, необходимом для выполнения даже простейших общественных задач. Речь в данном случае идет именно о неумении декодировать сообщения, извлекать смысл текста, неважно, касается это обычной инструкции или текста художественного. В российскую действительность это понятие вошло только в конце 90-х годов, хотя в США и Западной Европе о постоянном снижении уровня целого ряда интеллектуальных навыков начали говорить значительно рань-

ше, когда ученые целого ряда развитых стран стали публиковать данные о количестве неграмотного или полуграмотного населения, указывая на серьезную угрозу, создаваемую таким положением для всех сфер жизни общества.

Представляется, что ситуация, которая сложилась к настоящему времени в современной России, является не менее катастрофической, чем та, о которой уже давно пишут западные специалисты. Как отметила в одном из своих выступлений министр просвещения, навыками функционального чтения, а, иначе говоря, навыками понимания прочитанного, не владеет четверть населения нашей страны, прежде всего, это замечание касается именно молодого и среднего поколений российских граждан, наиболее активных в профессиональном отношении. Что касается решения проблемы, то, по мнению О.Ю. Васильевой, оно заключается во внедрении в рамках федерального проекта «Современная школа» в образовательный процесс как новых методов обучения и воспитания, так и новых программы, при этом все нововведения должны быть основаны на достижениях западной науки и соответствовать критериям, предлагаемым Международной программой по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA), согласно которым и будет оцениваться качество общего российского образования [Васильева 2018].

Невозможно отрицать то, что проблема функциональной неграмотности представляет собой совершенно новый тип цивилизационного риска, и, следовательно, требует тщательного исследования и выработки комплекса мер для ее решения. Однако нельзя отрицать и того факта, что в нашей стране она, по крайней мере в значительной степени, стала следствием полного слома системы классического образования, его трансформации, в которой ведущую роль сыграл фактор глобализации. При этом функциональная неграмотность, в полной мере проявившаяся у нас в начале XXI века, компьютеризация, переход на дистанционные методы обучения, снижение роли преподавателя, человека, который не только обучает, но, прежде всего, воспитывает личность, как и многие другие черты современной российской школы (как базовой, так и высшей), произошедшие, как утверждается, по вполне объективным причинам, в результате ради-

кальных изменений в мире и современных информационных технологий – это лишь видимые проявления глобализационного процесса. Как представляется, не лишено оснований предположение, что за всеми этими изменениями скрывается то, что С.Хантингтон [Huntington 1993] называет «столкновением цивилизаций», а А.С.Панарин – новой мировой психологической войной, начавшейся еще в конце XX века [Панарин 2002] и имеющей своей целью достижение полного и окончательного перехода «человеческой личности от естественного состояния к разумному состоянию, что равносильно переходу от существования в условиях, налагающих на нас «местный» отпечаток, к существованию универсально всеобщему» [Панарин 2003: 6]. При этом такое «универсально всеобщее» предполагает не только стирание любых культурных различий, но и превращение человека, независимо от того, в какой стране он живет и к какой культуре принадлежит, в «человека-массу», погруженного в свой внутренний виртуальный мир, создание которого – это вопрос, во-первых, знания специфики человеческой психики, а, во-вторых, технологий, широко применяемых сегодня.

В итоге ведущая роль в формировании человека (а то, что требуемый обществу тип человека всегда формировался, ни у кого сомнений не вызывает) принадлежит уже не образованию, отступившему на второй план и направленному сегодня не на развитие когнитивных способностей, а на выработку компетенций. Она принадлежит массмедиа и рекламе, совместно с «новым типом» образования создавшими абсолютно новый тип человека – индивида, который, не относя себя ни к какой-либо определенной нации, культуре, коллективу, утратив способность жить даже в паре, приобрел взамен совершенно уникальные возможности и качества. Этот человек, пришедший на смену прежнему, отличается тем, что:

- считает устаревшими и неактуальными ценности и формы общественной жизни, требующие постоянного напряжения и самопожертвования во имя «абстракций», воспеваемых лишь в исторических книгах;

- предпочитает не заводить друзей, а общаться сразу со всем миром в виртуальном пространстве,

- освобожден от необходимости усердно трудиться, чтобы приобретать знания, в любой момент предоставляемые ему по-исковиком.

Но центральное его свойство заключается в том, что ранее внутренняя познавательная способность (которая, собственно, и выделяла человека из всех других биологических видов) переместилась вовне, в компьютер, а над пустым местом над шеей, где раньше находилась голова, сегодня, как полагает часть ученых, «обитает новый гений, изобретательный ум, чистая познающая субъективность» [Серр 2016: 26–28].

Иными словами, суть произошедшего революционного переворота состоит в кардинальной смене субъекта мышления, появление которого знаменует окончание не только эры теоретических знаний, которые не нужны сегодня, но и специалистов, а, вместе с тем, и нивелировку культурных отличий. Такая позиция аргументируется тем, что в наше время повсеместно востребовано лишь то, что отвечает спросу, то, о чем мечтает и что ищет потребитель, – беспорядочные, легкодоступные, отбираемые серендипным методом сведения, отрицающие научные классификации и рациональность. Все это, как утверждают многие ученые, журналисты, писатели, общественные деятели, свидетельствует о вступлении человечества в новую эпоху. «С некоторых пор мы живем в цивилизации доступа, – заявляет М.Серр. – Языковым и познавательным выражением этой культуры как раз и становится код.... Код – это конкретный живой человек... Из кода рождается новое его. .... Субъект? Да. Объект? Да. И еще – двойник. Двумикий, как пациент, больной по своему, но открытый, как пейзаж, медицинскому взгляду. Компетентный и некомпетентный...» [Серр 2016: 72–74].

Но действительно ли мы имеем дело с иным субъектом мышления? И действительно ли все, произошедшее сегодня в образовании, – это результат закономерного развития мирового сообщества?

И здесь хочется обратиться к мыслям Бертрана Рассела, который еще в середине XX века утверждал, что в недалеком будущем с развитием современных методов пропаганды психология масс приобретет политически чрезвычайную важность, причем: «самым важным является то, что называется "образованием»

ем". Религия все еще играет определенную роль, но все меньшую, а вот роль прессы, кино и радио возрастает... Можно предполагать, что наступит время, когда любой сможет убедить любого в чем угодно, если ему удалось заполучить объекта молодым, а государство предоставит финансовые средства и технику» [Russel 1963: 29]. Рассуждая об «объекте» далее Рассел предсказывает, что «в созданных условиях научной диктатуры социальные психологи будущего будут вести различные классы школьников, на которых они будут отрабатывать различные методы выработки уверенности, что снег черный. Очень быстро будут получены различные результаты. Во-первых, будет доказано, что семья мешает. Второе – обработка не даст существенных результатов, если она начнется после десятилетнего возраста. Третье – стихи, положенные на музыку с повторами, очень эффективны. Четвертое – мнение, что снег белый, нужно считать проявлением болезненной склонности к эксцентричности. Но я забежал вперед. Ученым будущего предстоит отточить эти максимы и точно подсчитать, во что обойдется убеждение одного школьника в том, что снег черный, и насколько дешевле будет убедить его в том, что снег темно-серый» [Russell 1963:30].

Не меньший интерес представляет и то, кто и с какой целью, по мнению философа, будет руководить «объектом»: «Точно так же, научные правители будут давать одно образование обычным мужчинам и женщинам, и другое тем, кто должен унаследовать научную власть. **От обычных людей ожидается послушность, трудолюбие, пунктуальность, бездумность и довольство. Из этих качеств довольство, по всей вероятности, будет важнейшим.** На его достижение будут брошены все силы психоанализа, бихевиоризма и биохимии. Детей с ранних лет будут обучать так, чтобы у них не возникало никаких комплексов... их питание не будет зависеть от желания их родителей... **Обучение по книгам будет не больше, чем это абсолютно необходимо** ... Их будут, в большей части, готовить к ручному труду... Эксперты будут определять, к какой работе они имеют склонность. **Обычные уроки, если они только еще останутся, будут проводится в виде фильмов или по радио**, так что один учитель одновременно сможет давать уроки всем ученикам в стране... **Всех мальчиков и девочек с раннего возраста будут учить**

"сотрудничеству", то есть, делать то, что делают остальные» [Russell 1931: 251-259] [выделено нами. – И.Б.].

Сегодня уже очевидно, что многие из пророчеств Б.Рассела воплощены в жизнь. Замена в процессе образования книг на электронные устройства, лекции, транслируемые на огромные аудитории, одинаковые потребности и планы, бездумность, неспособность понимать смысл, прогнозировать последствия своих действий как одно из главных проявлений функциональной неграмотности, существование которой признается сегодня большинством ученых. Вопрос с довольством настоящим и будущим не кажется столь очевидным, поэтому для выявления степени удовлетворенности своим образом жизни нами был проведен пилотный эксперимент, в котором приняли участие 25 респондентов, студентов вуза. В ходе исследования был применен метод стандартного семантического дифференциала с заданием, сформулированным следующим образом: «Оцените, пожалуйста, ваше представление о своем образе жизни. Перед вами список попарно сгруппированных прилагательных, выражающих качественно противоположные характеристики. Обведите цифру, которая, по вашему мнению, наиболее точно определяет степень выраженности данного качества у вашего образа жизни».

Полученные данные использовались затем для построения семантической универсалии «Мой образ жизни», которая представляет собой совокупность признаков оцениваемого объекта, выбранных не менее, чем 75% респондентов (для группы не менее, чем 25 человек), т.е. с дисперсией, составляющей не более 25%, что позволяет говорить о значимости именно этого критерия для данной группы испытуемых. Как правило, такая универсалия анализируется лишь качественно [Артемьева 1980].

В универсалию групповой оценки студентами своего образа жизни по результатам эксперимента вошли следующие признаки: *хороший, приятный, родной, любимый, радостный, дорогой, свежий, чистый, жизнерадостный*. И эти результаты весьма интересны, если принимать во внимание следующее: 1) групповые представления о своем образе жизни основаны только на факторах оценки и активности, фактор силы в нем отсутствует; 2) оценка своего образа жизни положительная.

Полученные данные позволяют предполагать, что свойство довольства, по крайней мере, в определенной группе современной молодежи, уже сформировано. Безусловно, это предположение нуждается в дальнейшей проверке, однако сами по себе полученные результаты свидетельствуют о том, что техники и методы, используемые сегодня как в образовании, так и в других сферах жизни, оказались достаточно эффективными.

Более того, эти техники продолжают оттачиваться целой армией специалистов, с помощью которых для целого поколения подлинная действительность и конкретный опыт продолжают замещаться (или уже замещены?) виртуальным миром, симулякрами, постепенно блокирующими способность индивида воспринимать существующую вокруг реальность и превращающими интенциональное и энтероцептивное сознание человека, сформированное в процессе антропогенеза, в интероцептивное, полностью закрытое внешнему миру. Причем, что следует подчеркнуть особо, главное назначение создаваемых симулякров состоит не в достижении с их помощью, как это декларируется, полной свободы личности. Их использование дает реальную возможность решить совершенно иную задачу, которая вполне ясно сформулирована в работе Ж.Делеза: «... проблема касается теперь уже не разграничения сущности-видимости или модели-копии. Симулякр не просто вырожденная копия, в нем кроется **позитивная сила, которая отрицает и оригинал и копию, и модель и репродукцию**» [Deleuze 1969: 302] [выделено нами. — *И.Б.*]. Смысл данного высказывания очевиден: если симулякры определяют всю современность, то они должны окончательно погрузить человека в мир самообмана, чувственного восприятия, освободить его от усилий, связанных с решением реальных жизненных проблем, и, соответственно, с ограничениями, налагаемыми моралью и разумом. Фактически же симулякры возвращают человека на биологический уровень, уровень инстинктов, причем уже сегодня современные информационные технологии позволяют предлагать сенсорные заменители, дающие еще большее удовлетворение, чем реальный опыт, что и объясняет так волнующую психологов интернет-зависимость молодых людей, растущую популярность не характерных для человека с устойчивой системой смысложизненных ориентаций

развлечений, его полное «раскрепощение» в угоду своим инстинктам. В ближайшей перспективе, как представляется, постоянное противопоставление реального виртуальному, замена накопления (в высшем смысле слова, как сохранения в памяти знаний, опыта, воспоминаний и т.д.) ненасытным потреблением, подмена интереса, порождающего мотив жизнедеятельности, сиюминутным желанием, становясь основой формирования дефицитарного образа жизни, т.е. жизни, ориентированной на снижение уровня напряжения, импульсивное удовлетворение возникающих желаний и гомеостаз [Маслоу 2016], приведет к возникновению метапатологий – ненависти к другим, садизма и жестокости, непризнания законов, цинизма и многого другого, характерных для целого поколения. И тогда все то (в том числе и функциональная неграмотность), что сегодня еще активно обсуждается, ужасает, вызывает протесты в обществе, превратится в норму, признанную официальной наукой.

Таким образом, вопрос о том, насколько постепенное изменение самой природы человека, ярко проявляющееся, прежде всего, в феномене функциональной неграмотности, является следствием неучтенных последствий, с одной стороны, полного разрушения принципов русской классической школы, а, с другой, внедрения новых методов и технологий в образование, остается открытым, а само это явление, как представляется, требует самого пристального внимания ученых.

ЛИТЕРАТУРА

- Артемьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. – М., 1980.
- Маслоу А.* Мотивация и личность. – СПб., 2016.
- Панарин А. С.* Глобальное политическое прогнозирование. – М., 2002.
- Панарин А.С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. – М., 2003.
- Сепп М.* Девочка с пальчик. – М., 2016.
- Deleuze G.* Logique du Sens. – Paris: Les Editions de Minuit, 1969.
- Russell B.* The Impact of Science on Society. – AMS PRESS, INC. N.Y., 1968.
- Russell B.* The scientific outlook. – London, 1931.

Издания на электронных носителях и материалы, взятые из Интернета

Ольга Васильева: Четверть россиян не владеют функциональным чтением [Электронный ресурс] / URL:<https://rg.ru/2018/07/30/olga-vasileva-chetvert-rossiian-ne-vladeiut-funkcionalnym-chteniem.html> (Дата обращения 1.02.2019)

Huntington, S.P. The Clash of Civilizations? — Foreign Affairs, Vol. 72, № 3, Summer 1993, pp. 22-49. p.22 [Электронный ресурс] /URL:<https://www.foreignaffairs.com/anthologies/2015-04-09/clash-civilizations-debate> (Дата обращения: 28.08.2018)

©Бубнова И. А., 2019

Л. О. БУТАКОВА

*(Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, Россия)*

УДК 81'23

КОМПЛЕКСНАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕМАНТИКИ «ВОЗРАСТНОЙ» ЛЕКСИКИ¹

Аннотация. Способы экспериментальной реконструкции субъективной семантики слова – одна из актуальных проблем современной психолингвистики. В статье доказывается эффективность применения к одному и тому же стимульному списку нескольких психолингвистических процедур: свободного и направленного ассоциативных экспериментов, рецептивного эксперимента, выступающих одновременно средством стимулирования разных видов речевой деятельности реципиента и получения объемной модели значения как достояния индивида. Свободный ассоциативный эксперимент проявляет стабильные и подвижные части субъективного значения, направленный ассоциативный эксперимент (достраивание языкового знака) устанавливает имеющуюся в ментальном лексиконе ситуативную структуру, семантический дифференциал выявляет эмотивно-чувственное значение стимула.

Ключевые слова: психологическое значение, субъективная семантика, смысл, ассоциативное поле, когнитивная структура ассоциативного поля, ситуативная структура значения, эмотивно-чувственное значение, психолингвистика.

Способы экспериментального описания значения семантики языкового знака как субъективного феномена находятся в центре внимания психолингвистов [Залевская 2014].

Цель данной статьи – показать возможные способы реконструкции лексем, связанных с представлениями о возрасте на ос-

---

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507 «Пожилой человек в современных русскоязычных дискурсах: комплексное лингвистическое исследование».

нове комплекса психолингвистических процедур, требующих реализации разных типов речевой деятельности, выводящих «на поверхность» разные структуры ментального лексикона. В парадигме значения слова как динамической функциональной системы [Залевская 2005, 2011, 2014] были проанализированы разные фрагменты языкового сознания носителей русского языка [Бутакова 2013, Бутакова, Гуц 2013, Бутакова, Гуц, Козловская 2018].

Актуальность исследования обусловлена неослабевающим вниманием лингвистов и психолингвистов к исследованиям ментального лексикона, языкового сознания, значения слова как достояния индивидов разного возраста, пола, социальной принадлежности и пр. [Гуц 2005; Залевская 2011, 2014; Курганова 2012; Мягкова 2000; Леонтьев А.А. 2003а, б; Рогожникова 2009 и др.]. При этом необходимо, решая задачу объемной реконструкции смысловой области, связанной с языковым знаком, использовать возможности неоднотипного экспериментального подхода.

Методология, методы и методики исследования

В основе общей методологии исследования – теоретические подходы к речевой деятельности Л. С. Выготского, Н. И. Жинкина, А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, А. А. Залевской, В. Ф. Петренко; сознанию и его структуре А. Н. Леонтьева, А. А. Леонтьева, Ф. Е. Василюка, В. Ф. Петренко, значению как «живому мультимодальному гипертексту» А. А. Залевской. В рамках обозначенной парадигмы все, связанное с языковым знаком в сознании носителя языка, описывают в виде динамического субъективного семантического пространства, выявляемого с помощью свободного и направленного ассоциативных экспериментов (АЭ и НАЭ), которые продолжают применяться с различными целями [Горошко 2001а, б, Залевская 2011, 2014].

Гипотеза исследования: применение к одному и тому же стимульному списку в одной и той же аудитории реципиентов нескольких психолингвистических процедур (свободного и направленного ассоциативных экспериментов, рецептивного эксперимента) стимулирует разные виды речевой деятельности и тем самым выводит на поверхность разные фрагменты ментального лексикона, что служит основанием для создания объемной

модели значения как достояния индивида и выявления когнитивной организации пространства, связанного со стимулом.

С помощью свободного ассоциативного эксперимента можно определить качество ассоциативной связи, стабильные и подвижные части субъективной семантики. Направленный ассоциативный эксперимент (в том числе проводимый по методике дополнения языкового знака) нацелен на выявление ситуативной структуры стимула: предъявление деформированного речевого сообщения провоцирует реципиентов восполнить «утраченное» определенными фрагментами, имеющимися в их лексиконе [Леонтьев 1977: 6; Гуц, Худякова 2018: 112-122]. Эмотивно-чувственная часть семантики устанавливается с помощью семантического дифференциала (СД), давая возможность количественного представления нагрузок по разным шкалам. Методики применяются в последовательности от САЭ и НАЭ к СД.

Принципы экспериментальной реконструкции содержания всего, что связано в языковом сознании носителя языка с языковыми знаками, следующие (см. подробно в: [Бутакова 2018: 215-229]).

Материал исследования – результаты трех типов экспериментов, проведенных в апреле – мае, октябре – ноябре 2018 г. в школах г. Омска. Испытуемые – 275 человек 11-17 лет. Стимульный список включал 23 слова, среди которых были лексемы с семантикой преклонного возраста, разбавленные «шумами». Стимульный список НАЭ состоял из пяти незаконченных высказываний, которые необходимо было завершить так, чтобы были реализованы позиции, заданные в зависимости от семантики стимула, например, *Старость какая, В старости делают что, В старости находятся / живут где, В старости находятся / живут с кем, К старости отношение какое, Старость дает что; Пожилой человек это, С пожилым человеком можно, Пожилой человек может / должен* и пр. Эксперименты реализуют часть проекта, посвященного реконструкции образа пожилого человека в разных типах современных русскоязычных дискурсов и в языковом сознании носителей русского языка разного возраста [Бутакова 2018 а,б,в; Бутакова, Гуц, Орлова 2018].

Результаты. Применение комплексного подхода к стимулу *старость* позволило обнаружить ряд тенденций. Качественный

состав ядра – периферии АП изменился по сравнению с составом РАС, что указывает на появление стратегии смыслового интерпретирования стимула как принадлежность к миру человека. Количественное сходство распределения частотных и малочастотных реакций сохраняется: ядро САЭ 2018 – 50,4% (в РАС 49%), ближняя периферия САЭ 2018 – 15,7% (в РАС 19,6%), периферия САЭ 2018 – 30% (в РАС 31,37%). Качественные изменения: в САЭ 2018 антропоцентрических реакций в ядре – 25,19%, на ближней периферии – 3,93%, на периферии – 4,72%. В РАС реакции такого типа зафиксированы только на периферии – 2,94%. Данная тенденция связана с реализацией стратегии «субъективизации: при моделировании КС поля обнаружилось значительное преобладание в слое субъектов наименований людей по возрасту и родственным связям (*дедушка* (17, 13,4%), *бабушка* (10, 7,9%), *дед*, *муж*, *родоки*), что связано с возрастом реципиентов. Объемность когнитивного слоя проявлений старости через предметные атрибуты и состояния свидетельствует о частом выборе стратегии предметизации как одной из ведущих при ассоциировании, при которой старость соотносится чаще всего с *пенсией* (10, 7,9%), *морицинами* (5. 3, 94%), реже – с *огородом* (2), *диваном*, *лекарствами*. В слое состояний и качеств частотны лексемы позитивного оценочного типа (*молодость*, *радость*, *доброта*), одиночные или малочастотные реакции, передающие негативные эмоции и состояния разных модальностей, с ними связанные (*грусть*, *болезни*, *бедность*) (см. схему).

КС АП СТАРОСТЬ САЭ 2018

Субъекты: 43 r 33,07%

- **Субъекты по возрасту и родственным связям:**

дедушка (17); бабушка (10); внуки; дед; муж; родоки; **31 r 24,4%**

- **Субъекты по социальному статусу, отношению:**

пенсионер (2); старик (5); пожилой человек (3); человек, который пожил в этом мире **11 r 8,7%**

- **Природные субъекты: дуб; 1 0,78%**

Она обладает чем [проявление через обладание]: **46 36,22%**

- **Атрибуты внешности и предметы:**

Пенсия (10); морщины (5); огород (2); ветхая одежда; диван; кресло-качалка; лекарства; седеют волосы; трость; **23 18,11%**

- **Состояния, качества:**

Молодость (5); грусть (4); мудрость (4); болезнь; бедность; болезни; боль; доброта; одиночество; печаль; радость; скука; помощь; **23 18,11%**

Какой [качественная характеристика]:

старый (3); мудрый; неподвижный; старше; старший; **7 5,5%**

Это когда [время]: 15 11,8%

Это сколько по времени длится [временной параметр]:

Жизнь (2); большой возраст; возраст за 60; время; много лет; многолетие; прожил много времени; **8 6,3%**

Что впереди [перспектива]: наше будущее; смерть (6) 7 5,5%

Это как [оценка]: плохо 1 0,78%

Образ: я старый и хмурый старечек; старость не радость (3); не радость; не радость; **6 4,72%**

В РАС когнитивная структура АП выглядит иначе по количеству слоев и их наполнению. Самым объемным является слой образов, включающий интертекстуальные (точные и вариативные) ассоциации – «старость не радость» (см. схему). В САЭ 2018 г. этот слой невелик по частотности, но заполнен этими же реакциями. В РАС пропорционально увеличению слоя образа уменьшен слой субъектов, причем если в САЭ 2018 г. представлены реакции с перевесом в «мужскую линию» представления субъектов, то здесь иная гендерная картина.

КС АП СТАРОСТЬ РАС

Субъекты: 4 3,9%

- **Субъекты по возрасту и родственным связям:**

бабушка; старушка 1; человек 1; **3 2,9%**

- **Природные субъекты: дряхлый пенёк 1 1 0,98%**

Она обладает чем [проявление через обладание]: 17 16,6%

- **Атрибуты внешности и предметы:**

дом 1; клюка 1; свадьба 1; **3 2,9%**

- **Состояния, качества**

радость 3; молодость 2; мудрость 2; беда 1; беспомощность 1; болезнь 1; одиночество 1; скука 1; уважение 1; юность 1 **14 13,72%**

Какой [качественная характеристика]:

дряхлая 2; в возрасте 1; немощный 1; необеспеченная 1; одинокая 1; **6 5,88%**

Это когда [время]: 9 8,8%

- **Это сколько по времени [временной параметр]**

возраст 2; время 1; долго 1; **4 3,9%**

- **Это когда / что [перспектива]:** близка 1; еще не скоро 1; смерть 2; конец 1; **5 4,9%**

Это как [оценка]: жалко 1; неизбежно 1; **2 1,96%**

Что делает [действия-перемещения]: пришла 2; будет 1; подходит 1; приближается 1; придет 1; тяготит 1; **7 6,86%**

Образ: не радость 44; не в радость 6; на радость 2; не хочу 1; **53 51,96%**

Направленный АЭ проявил смысловые области, которые не обнаружили в САЭ. Кластер качественной характеристики (высказывание *Старость какая ...*) содержит области позитивного отношения, связанного со счастьем, покоем, весельем и радостью (19,7%) (см. схему), негативного отношения, связанного с продолжительностью, бедностью, одиночеством, болезненностью, скукой (87%), антропоцентрическую область (4,72%). Заметно, что негативная область самая большая и наиболее разнообразная.

Область качественной характеристики:

Положительная: счастливая; хорошая (4); мудрая; спокойная (3); крутая (2); веселая; все хорошо куча денег яхта машина дом в Майами кокс. суч; жизнь только началась; насыщенная; подвижная; простая; радость; радость, гордость, счастье; шасливая (19,7%).

Отрицательная: старая (15); скучная (11); плохая (9); трудная (6); долгая; не радость (5); бедная; одинокая (3); болезненная; грустная; пожилая (2); !?; алчная; бедность; больная; грусть; забывчивая; короткая; не в радость; не веселая; не жиз-

нерадостная; не очень хорошая; не радостная; недолгая; нудная; одинокая; паршивая; печальная; печальная, одинокая; плохая; болит, все ломит, таблетки; скучная, больная; скучная, старая; сложная; страшная; тяжкая; фиговая (70,87%).

Человеческие проявления / качества: внуки, дети; дома; местная; седая; умеренная; человеческая (4,72%).

Отказы (4,72%).

Область занятий / деятельности содержит 4 кластера, два из которых больше остальных по объему, содержат много когнитивных структур, актуализируемых одновременно за счет приведения нескольких ассоциаций (*сидят на стульчике пьют чай; огород, читают* и т.п.). Кластер отдыха и развлечений наполнен обобщенными (*отдыхают* (17), *ничего* (3); *лежат*) и конкретными реакциями, передающими активный и пассивный отдых (*гуляют; прогуливаются на воздухе; готовят* и пр.; *сидят дома; сидят на стульчике*). Лексика физического перемещения и статического размещения в пространстве преобладает в данном кластере. Кластер работы и занятий является вторым по величине, пересекается с кластером развлечений за счет совмещенных реакций. В нем зафиксирован разброс реакций от обобщенных реакций *ничего; ничего; то, что делали / не делали в молодости* до конкретных реакций, передающих разные подробности приготовления еды, вязания, работы на даче. Этот кластер образовали единичные реакции (см. схему).

Область занятий (деятельности)

Отдых и развлечения: отдыхают (17); ничего (3); лежат; смотрят телевизор; читают (2); гуляет, ездит отдыхать, сидеть с внуками; гуляют; гуляют вокруг чего-либо; игры; кроссворд гадают, ничего, отдыхать; огород, читают; отдыхают и ходят в магазин; отдыхают, готовят; отдыхают, прогуливаются на воздухе; сабаируют пазлы; сидят; сидят дома, живут на пенсию, гуляют; сидят на скамейке; сидят на стульчике пьют чай; сидят смотрят телевизор; смотреть телевизор; ходят; читают, смотрят тв, гуляют ходят (35,4%).

Работа / занятия

Вяжут (3); вяжут носки; все тоже самое, как в молодости; вяжут носки, шарфы; вяжут, пекут пирожки; готовить кушать; го-

товят; копают огороды; на Даче садить овощи, фрукты, цветы; недоконченное; нечего; ничего; ничего, огород; огород, читают; отдыхают и ходят в магазин; отдыхают, готовят; помидоры сажают работа, уход за детьми; работают; работают в огороде; работают на даче; работают, болеют; работают, гуляют; соления; солят овощи; то, что не делают в молодости (23,6%).

Забота о семье, ее членах, домашних питомцах:

ждут внуков (2); гуляют с внуками; еду; занимаются спортом, играют с внуками; играют с внуками; воспитывают внуков; воспитывают внуков, готовят, забота; заботятся о внуках; заводят котов; кроссворд гадают, внуков воспитывают, вяжут; отдыхают, заботятся о семье; подают пример внукам, учат мудрости детей; работа, уход за детьми; ругают внуков; ухаживают за детьми или животными (12,6%)

Болеют /испытывают влияние возраста / уходят на пенсию / завершают жизнь

стареют (4); пенсию умирают; уходят на пенсию; ходят в больницу (2); болеют; болеют, мало делают; вспоминают; грустят; доживают жизнь; ждут пенсии; живут; зубы; зубы в стакан кладут; не радуются; пенсию; плакают по пенсии; погибают; пьют таблетки; живут на пенсию, гуляют; сидят на пенсии; скучные дела; ходят по больницам; челюсть в стакан ложут (22,8%).

В кластер, связанный с болезнями, проявлениями возраста, уходом на пенсию, смертью, собраны малочастотные (*стареют* (4), *пенсию умирают; уходят на пенсию; ходят в больницу* (2) и единичные реакции, репрезентирующие грустный сценарий завершения жизни. Кластер по объему близок к предыдущему кластеру и аналогичному фрагменту АП, что указывает на стабильность выражения данного когнитивного сценария в разных типах речевой деятельности незрелых реципиентов.

Четвертый кластер данной области меньше в два раза, наполнен единичными и малочастотной реакциями, указывающими на полезность людей, пребывающих в возрасте старости. В вариативной форме здесь представлен ограниченный набор реакций, связанных с внуками (*ждут внуков* (2); *гуляют с внуками; занимаются спортом, играют с внуками; играют с внуками; вос-*

питывают внуков; воспитывают внуков, готовят, забота; заботятся о внуках; заботятся о внуках), детьми (подают пример внукам, учат мудрости детей), домашними животными (заводят котов).

Смысловая область пространства старости охватывает 4 неравнообъемных кластера: пространство дома, локус страны / города, неограниченное пространство, условия проживания. Самым большим является первый кластер, в нем содержатся реакции, представляющие пространство дома и родного дома (*дома (36), в доме (31), в частном доме (5)*), квартиры, дачи, коттеджа (см. схему). В нем наиболее частотными являются реакции *дома* и *в доме*.

Область пространства

Пространство дома: *дома (36); в доме (31); в частном доме (5); в квартире (3); в коттедже; в родном доме; на даче (2); в доме своем; в домике; в землянке; в однокомнатной кв.; в особняке; в своем доме; в спортзале; дача, в квартире; дома, в квартире, на диване; на Даче - в частном доме; там, где давно обосновались; у себя дома (74,8%).*

Локус страны / местности: *в деревне (14); в городе (2); в Баку; в городе / деревне; в деревне возле озера; в деревни; в Колхозе; в Москве; в России; в стране; за городом (19,7%).*

Неограниченное пространство: *везде; где-то (1,96%)*

Условия: *в хороших условиях (0,98%)*

Второй кластер меньше в 5 раз, что говорит о значительном преобладании представлений о старости как о пространстве замкнутом феномене, связанном с границами дома в первую очередь. Знаменательно, что проживание в доме для престарелых не актуализируется вообще.

Пространство страны / местности не столь разнообразно. Первым рангом частотности в нем обладает реакция *в деревне (14)*, в вариативном виде этот же пространственный смысл встречается еще раз. Остальные кластеры предельно малы.

Область субъектов совместного проживания в старости так же образована 4 кластерами, среди которых самым большим является кластер семьи, родных и близких. В нем есть четко выраженное ядро, сформированное 8 реакциями, имеющими ранги частотности выше 3, самый высокий ранг у реакции *с семьей*

(10), на втором месте *с женой; с мужем* (7). В данном кластере четко видны две линии реагирования: ассоциирование стимула с семьей из нескольких поколений и с мужем / женой. Домашние животные прилагаются к обеим линиям, кроме того, они составляют отдельный кластер, значительно меньший по объему (см. схему).

Область субъектов совместного проживания:

Семья / родные / близкие: с семьей (10); с женой; с мужем (7); с бабушкой; (6); с внуками; с родными (5); с дедушкой; с детьми (4); с родными (3); с бабкой; с родственниками (2); рядом с семьей; с бабушкой и дедушкой; с близкими; с внуками - с детьми; с возлюбленными; с второй половинкой и животными; с дедом; с дедушкой (старым мужем); с дедушкой, животными; с дедушкой, с кошками; с детьми с мужем; с животными, с семьей; с котом, собакой, и женой; с мужем / внуками; с мужем / женой; с мужем / женой / котом (котами); с мужем и собакой; с радными; с родными (любимыми); с родными, котами; с родственником; с супругом; с сыновьями и внуками; с сыном с дочкой или с мужем; самной; со своей второй половинкой; со своей половинкой **(64,6%)**.

Животные: с котом (6); с кошками (3); с котами; с кошкой (2); в двоим с 101 котом; с животными; с животными или одни; с животными, с семьей; с кошками, или собаками; с собакой **(4,96%)**.

С другими субъектами: в двоим; вместе; с другими пенсионерами; с людьми; с сиделками; **(3,93%)**.

Одни: одни; (5); ни с кем; одни - с детьми; одни / с родными; одни или с домашними животными; одни или с родными; с животными или одни; скорее всего одна **(9,4%)**.

Область отношения к старости охватывает три кластера – позитивного, негативного и нейтрального отношения, среди которых самым большим является первый кластер. Его ядро образовано четырьмя частотными лексемами, среди которых наибольшими рангами отличаются реакции *уважительное* (18); *доброе* (17); *хорошее* (12). Эти же смысловые линии прослеживаются в разных вариантах однословных и комплексных ассоциациях и на периферии.

Область отношений стимула старость

Положительное (уважение, эмоции): уважительное (18); доброе (17); хорошее (12); положительное (4); отличное; (3); уважение (2); благородное; вежливое; вежливое, уважение; вежливость; все еще будет; все еще впереди; доброе милое; доброе, вежливое; доброе, позитивное; доброта, сожаление; дружжелюбное; ласковое, неторопливое; лучше чем к молодости; серьезное; трепетное; уважение, бережность; уважительное, доброе; уважительное, доброжелательное; уважительное, но не хотелось бы... (в этом "участвовать"); умное (59,8%).

Негативное (оценки, эмоции): плохое (9); негативное; старое (2); грустное, печальное; другое; другое, серое; заболевшие, плохое, мудрое; короткое; критикующее; не лучшее; не очень; плохое, не хочу умирать / чтобы кто-то умирал; потребительское; странное; страшное; фиговое (10,2%).

Неясное / нейтральное: нормальное (4); нейтральное; спокойное (3); безразличное; никакое; ну нормальное; обычное; среднее; странное; такое (13,4%).

Область результатов старости состоит из 6 кластеров, среди которых самым большим является кластер материальных результатов, связанных с пенсией (именно эта реакция самая частотная).

Область результатов старости

Материальные результаты: пенсию (20); внуков (11); деньги; пенсию и внуков (2); зарплату; огород; пенсию, опыт; проездной, деньги, внуков; пенсию, внуков (31,5%).

Моральные, физические, эмоциональные, духовные результаты: мудрость (9); опыт (5); радость; умиротворение (2); бодрость в 5:00; бодрость в 6:00 утра и пирожки; воспоминания о молодости; добро; доброту; жизненный опыт; жизнь; знание о жизни, мудрость; многое понять; мудрость, учение; покой; помощь; понимает и хлопоты; преимущество; радость, покой (26,8%).

Возраст, болезни, смерть: морщины (4); болезни; возраст; смерть (3); боль (2); болезни, деньги; боль в суставах; вялость, усталость; грусть; дырявая память; не красивое лицо, и больное тело; не радость; неудобство; печаль, ранения в перестрелках;

плохое здоровье; скоро человек уйдет на пенсию; слабость; слабость, тоску, лень; слабые кости; смерть кота и дом; старость (24,4%).

Время / отдых: отдых; (3); возможность отдохнуть от работы, ничего не делать; время; время отдыха; время прожить на отлично; много времени; отдохнуть от работы в молодости; свободное время (7,8%).

Отсутствие результата: ничего (3); ничего; ничего, внуков (3,93%).

Эмотивно-оценочное значение описываемого стимула позитивно по всем шкалам, но интенсивность невелика, что соотносится с эмоционально-оценочными реакциями в разных сегментах полученных ассоциативных полей. Особенно это касается результатов направленного АЭ. Этими же результатами можно объяснить разницу интенсивности проявления факторов. Самым низким оказался показатель по параметру *веселый – грустный* (0, 65). Эта величина отражает амбивалентность отношения школьников к семантике стимула. Чуть выше, но также в зоне недостаточности выражения признака, оказался результат по параметру *полный – пустой* (0,83), что коррелирует с составом сегментов смысловых областей занятий и результатов. Более высокий показатель (достаточная выраженность признака) по шкале *хороший – плохой* (1,2) соотносим с наличием большего по объему кластера положительного отношения в области отношения НАЭ. Самым высоким, но не выходящим за границы достаточности проявления, оказался параметр *светлый – темный* (1,54), что можно связать с составом смысловых областей занятия, результатов, отношения.

Выводы. Использование нескольких психолингвистических методик для одной и той же аудитории реципиентов позволяет получить разные проекции смысловой области, стоящей за знаком в сознании носителей языка, преодолеть одномерность психолингвистической модели, обнаружить стратегии, совпадающие при любом типе ассоциирования, выявить семантические сценарии (включая эмоциональные и оценочные), связанные в сознании реципиентов со стимулом, их стабильные и подвижные части.

Применение направленного ассоциативного эксперимента (методики дополнения языкового знака) дает возможность выявить культурно-обусловленные, ценностные составляющие фрагмента языкового сознания носителей языка, далеких от того возраста, номинацией которого выступал стимул.

ЛИТЕРАТУРА

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н. Ассоциативно-семантический словарь как основа для моделирования ценностных фрагментов языкового сознания носителей языка // Вопросы психолингвистики. № (2) 18. 2013. – С. 158-174.

Бутакова Л.О. Значение как достояние индивида (экспериментальное исследование) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. 4. Коллективная монография. Н.Д. Голев и др. Отв. ред. Н.Д. Голев. Кемерово, 2013. С. 12-36.

Бутакова Л.О. Значение слова как достояние индивида (на примере этически значимых лексем правда / ложь) // Вестник Кемеровского госуниверситета. 2012. №4 (52) Т.1. С. 198-205.

Бутакова Л.О. Методологические проблемы комплексных исследований социально-коммуникативных характеристик определенной возрастной группы // Этнопсихолингвистика. 2018. №1. С. 215-229.

Бутакова Л.О. Старость как концептуальный феномен: региональный и возрастной аспекты ассоциативной семантики // Psycholinguistics. Series: Philology. Украина. Переяслав. №23(2) (2018). С. 25-39.

Бутакова Л.О. Старый – молодой – дед: динамика субъективной семантики слова // Филологический класс. 2018. №2 (52). С. 95-102.

Бутакова Л.О. Языковое сознание как описательная модель языка жителей города // Горизонты психолингвистики. Материалы Международной научно-практической конф., посвященной 80-летию проф. А.А. Залевской (Тверь, 23-24 октября 2009 г.). – Тверь, 2009. С. 54-60.

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Козловская Е.А. Детство в дискурсивном пространстве региона: комплексный анализ ценностных

фрагментов языкового сознания и институциональных коммуникаций. – Омск, 2018.

Бутакова Л.О., Гуц Е.Н., Орлова Н.В. Проект «Региональное языковое сознание: возрастной аспект» // Вопросы психолингвистики. 2018. №2 (36). С. 146 – 168.

Гольдин В.Е. Коммуникативные стратегии в ассоциативном эксперименте // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: XVI международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов (Москва, 15–17 июня 2009 г.). – М., 2009. С. 203–204.

Горошко Е.И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. – Харьков-Москва, 2001а.

Горошко Е.И. Языковое сознание: ассоциативная парадигма. Дис... докт. филол. наук. – М., 2001б.

Гуц Е.Н. Динамика ассоциативных полей слов, входящих в ядро языкового сознания подростка // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы: XVI междунар. симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации: тезисы докладов (Москва, 15–17 июня 2009 г.). – М., 2009. С. 205–206.

Гуц Е.Н., Бутакова Л.О. Возрастные особенности ассоциативной семантики // Значение как феномен актуального языкового сознания носителей языка. Тезисы второй Всероссийской научной конференции. – Воронеж, 2016. С. 17 – 19.

Гуц Е.Н., Худякова Н.О. Направленный ассоциативный эксперимент как инструмент изучения ценностных составляющих языковой картины мира пожилого человека // Этнопсихолингвистика. 2018. №1. С. 112-125.

Залевская А.А. Значение слова через призму эксперимента. – Тверь, 2011.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. – Лондон, 2014.

Залевская А.А. Слово. Текст. Избранные труды. – М., 2005.

Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: дисс... д. фил. н. – Тверь. 2012.

Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М., 1977. С. 5-16.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. – М.: СПб., 2003а.

Леонтьев А.А. Слово в речевой деятельности: Некоторые проблемы общей теории речевой деятельности. – М., 2003б.

Мягкова Е.Ю. Эмоционально-чувственный компонент значения слова. – Курск, 2000.

Рогожникова Т.М. Ассоциативный эксперимент с испытуемыми преклонного возраста / Рогожникова Т.М. и др. Галерея ассоциативных портретов. – Уфа, 2009. С. 53 – 56.

©Бутакова Л. О., 2019

И. А. ВАУЛИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'23

ФАКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Аннотация. Статья посвящена одному из наименее исследованных аспектов экспрессивности русского слова – фоносемантическому, в основе которого лежит идея о взаимосвязанности и взаимообусловленности формальной и содержательной сторон языкового знака (подражание звуком звуку и передача звуком образа). Фоносемантическая экспрессивность как явление сложное, субъективное нуждается в психолингвистической верификации. Предлагается изучение фоносемантической экспрессивности слова методом кластерного анализа, который заключается в том, что случайный набор стимульных слов (фоносемантов) должен быть систематизирован по усмотрению каждого конкретного респондента с соблюдением алгоритма кластеризации, пока все выделенные кластеры не будут сведены к одному обобщающему признаку. На каждом этапе от испытуемых дополнительно требуется указать основание кластеризации. Стимульный материал был представлен звукоподражательными и звукоимовными единицами (всего 16 слов). В результате эксперимента выявлены следующие стратегии кластеризации стимульных слов: сближение лексем на рациональной основе, по общности их денотативного содержания, актуализация потенциальной ситуативной связи явлений, опора на системные связи стимулов. В результате эксперимента сделан вывод о том, что ведущими факторами восприятия звукоизобразительных единиц отобранной группы являются, во-первых, выразительность их звуковой оболочки, во-вторых, коннотативные семы, которые часто превалируют над денотативным содержанием.

Ключевые слова: фоносемантическая экспрессивность, психолингвистический эксперимент, кластерный анализ, психолингвистика.

Фоносемантическая экспрессивность слова как область научного знания, ориентированная на субъективное, индивидуально-личностное восприятие языкового знака, нуждается в исследовании с опорой на данные языкового сознания носителя языка.

В связи с этим для современной лингвистической науки актуальным является изучение фоносемантической экспрессивности слова с использованием психолингвистических методов и методик, таких, как свободный и направленный ассоциативный эксперименты, методика прямого толкования, метод вероятностного прогнозирования, метод семантического дифференциала и мн. др. [см. Гридина 2015а, 2015б; Ваулина 2015, 2016, 2018, Ищенко 2010, Никрошкина 2010, Панькина 2009 и др.].

Представляется продуктивным исследование фоносемантической экспрессивности слова методом кластерного анализа, предполагающего «предъявление испытуемым «случайного» набора слов, который должен быть систематизирован по усмотрению каждого конкретного участника эксперимента с соблюдением следующего алгоритма: на первом этапе классификации слова объединяются попарно, затем формируются кластеры из двух пар (объединяемых на каком-то общем основании), затем составляются кластеры из 8 слов (4 пары предварительно выделенных «объединений») и т.д., пока все выделенные кластеры не будут сведены к одному обобщающему признаку. В результате каждым респондентом выстраивается собственное «дерево кластеризации» (с совпадающими и не совпадающими классификационными сегментами). На завершающем этапе испытуемым предлагается дать названия наиболее крупным из полученных кластеров и обозначить в целом их совокупность (через отнесение к какой-то обобщающей категории)» [Гридина, Коновалова 2015: 59]. На каждом этапе от испытуемых дополнительно требуется указать основание кластеризации. При использовании в качестве экспериментального материала фоносемантически маркированной лексики полученные кластеры могут быть рассмотрены с точки зрения актуализации в сознании испытуемых различных структурных и/или семантических факторов восприятия лексем при их объединении (т.е. какие аспекты формальной или содержательной структуры языковых единиц выходят на первый план), кроме того, могут быть выявлены наиболее актуальные для респондентов стратегии кластеризации фоносемантов.

Для эксперимента из Малого академического словаря [МАС 1999] были отобраны звукоподражательные и звукоимитационные

ские лексемы (подражание звуком звуку и передача звуком образа), характеризующиеся высокой степенью экспрессивной выразительности (всего 16 слов): *драндулет, рычать, фыркать, лопотать; карга, хрыч, проныра, профан, вздор, лира, фуфыра, хлыщ, горбатый, гора, ахинея, идеал*. Лексемы первой группы (звукоподражательные) несут в себе перцептивно яркий звукообраз, звукосимволическая выразительность лексем второй группы стимулов позволяет фонетическими средствами акцентировать их оценочное содержание (например, общее благозвучие существительного *лира*, мелодичность его звучания соотносится со смысловым наполнением – «струнный щипковый музыкальный инструмент» [МАС 1999]; слово *карга* своим звучанием передает представление о злобной, сгорбленной старухе и т.д.). Известно, что экспрессивная выразительность звукообразительных слов складывается из ряда параметров, таких, как яркость и необычность их фонетического оформления, специфика денотата (его звуковой/ оценочный характер), наличие в структуре значения звуковых сем или коннотаций эмоциональности, экспрессивности, оценочности. Выводы о звукоподражательной или звукосимволической экспрессивности лексем делались на основе их структурно-семантического анализа с учетом данных о коннотативном статусе звуков и звукосочетаний, полученных в экспериментальных исследованиях [Воронин 1982, Журавлев 1991, Михалев 1995].

В качестве испытуемых к участию в эксперименте были привлечены студенты Уральского государственного педагогического университета (19-20 лет, всего 15 человек).

Инструкция была сформулирована в соответствии с основными этапами проведения эксперимента по методу кластерного анализа (см. выше).

Рассмотрим ведущие стратегии кластеризации слов-фоносемантов респондентами.

1. Сближение лексем на рациональной основе, по общности их денотативного содержания, ср., например, кластеры *фыркать, рычать* – звуки, которые издают животные; *фуфыра, карга, проныра, профан* – номинации людей; *карга, хрыч, проныра, профан* – характеристика личности по свойствам характера. Бо-

лее крупные кластеры по данному основанию носят обобщающие названия «звук», «человек» и др.

2. Актуализация потенциальной ситуативной связи явлений, «вписывание» их в типовой ситуативный контекст (часто имеет шуточный характер): *профан*, *лопотать* – неудачное собеседование; *карга*, *хрыч*, *вздор*, *фыркать* – в семье ругаются; *ахиня*, *лопотать*, *профан*, *хлыщ* – ситуация спора; *фуфыра*, *хлыщ* – молодая семейная пара; *карга*, *хрыч* – пожилая семейная пара. Крупные кластеры, основанные на сближении такого типа, – «человеческая жизнь», «чья-то интересная жизнь», «телесериал», «какой-то большой скандал» и др. При этом на экспрессивность, ненейтральность восприятия стимульных слов указывает эмоционально-оценочный характер оснований кластеризации: **неудачное собеседование**, *ругаются*, **скандал** и др.

3. Опора на системные связи стимулов, синтагматику: *горбатый*, *драндулет* – так говорят про «Запорожец», *лопотать* *вздор*; парадигматику: *ахиня*, *вздор* – синонимы, *проньера*, *профан* – антонимы (хотя в данном случае респондент ошибочно квалифицирует указанные лексемы как антонимичные).

4. Сближение стимулов на базе эмоционально-оценочно-экспрессивных коннотаций: *карга*, *хрыч* – негативное название человека, ср. более крупный кластер – *карга*, *хрыч*, *фуфыра*, *хлыщ*, *профан*, *лопотать*, *вздор*, *ахиня* – отрицательная оценка (в данный кластер попадают и звукоподражательные, и звуко-символические лексемы, что говорит о том, что респондент не учитывает при объединении денотативный аспект содержания стимулов, акцентируя внимание исключительно на их оценочном наполнении). Часто в один кластер, объединенный общим основанием «оценка», входят как положительно маркированные, так и отрицательно маркированные звукоподражательные и звуко-символические лексемы: *профан*, *рычать*, *идеал*, *лира* – оценочные слова. В некоторых случаях объединение основывается исключительно на эмоциональной составляющей значения как **выражении эмоций**: *вздор*, *ахиня*, *рычать*, *фыркать* – выражают недовольство. Ряд кластеров отражает языковую рефлексю респондентов относительно коннотативной окраски и стилистического регистра стимульных единиц: *проньера*, *про-*

фан, горбатый, драндулет – ругательства; *лира, идеал* – возвышенные слова.

5. Наибольший интерес для нашего исследования представляет классификация экспериментального материала с опорой на звукообраз, на фоносемантику лексем. С этой точки зрения выделяются такие стратегии кластеризации, как:

– опора на эмоциональное восприятие звуковой оболочки слов: *карга, хрыч, фуфыра, хлыщ* – раздражающие меня слова; *идеал, лира* – красивые слова, приятны на слух; *драндулет, хрыч, хлыщ, рычать* – грубые и резкие слова; *фуфыра, рычать, проныра, хлыщ* – резкость звучания; *хлыщ, рычать* – неприятно звучат;

– рефлексия относительно звукового состава стимулов: *фыркать, рычать, горбатый, драндулет* – все содержат громкие звуки; *карга, хрыч* – рычащие слова; *карга, фыркать, драндулет, рычать* – неприятный звуковой состав; *лира, идеал, драндулет, фыркать* – противоположны по звучанию (можно предположить, что респондент объединяет две пары слов по принципу «благозвучные и неблагозвучные», создает кластер на основе противопоставления).

6. Сближение по структурному сходству, формальному созвучию, лишенное смысловых оснований: *лира, гора* – два слога; *хрыч, хлыщ, лира, фуфыра* – рифма; *проныра, фуфыра* – похоже звучат.

7. Актуализация культурных прецедентов: *горбатый, гора* – фильм; *гора, горбатый, идеал, лира* – «Я сказал горбатый!».

8. Грамматический критерий классификации является наименее частотным: *лира, гора, проныра, идеал* – существительные; *фыркать, рычать* – глаголы.

Показательны также названия, данные респондентами целой совокупности стимульных слов на последнем этапе кластеризации: *непривычные, какие-то нестандартные слова; интересная жизнь; слова из каких-то старых смешных историй* (указывают на «необычность», на фонетический экзотизм слов с точки зрения носителей языка, их перцептивную яркость), *положительная и отрицательная оценка; оттенки человеческих эмоций* (актуализируется эмоциональное, оценочное наполнение лексем).

Таким образом, основанием для объединения в кластеры звукоизобразительных слов выступают разнообразные параметры их структуры и семантики. На базе полученных данных мы можем делать выводы о том, какие аспекты формы и содержания фоносемантов являются наиболее значимыми, «яркими» для испытуемых. Эксперимент показал, что ведущими факторами восприятия звукоизобразительных единиц отобранной группы являются, во-первых, выразительность их звуковой оболочки, во-вторых, коннотативные семы, которые часто превалируют над денотативным содержанием.

Интерес представляет установление корреляций между отраженными в сознании говорящих ассоциативными связями фоносемантов и их текстовой актуализацией. С этой целью испытуемым предлагалось создать небольшой текст (любого жанра и стиля), в котором были бы представлены все слова экспериментальной выборки. Приведем некоторые примеры. Характерно, что тексты в большинстве своем представлены в виде шутливой истории, выполненной в юмористически-сниженном ключе, стимульные фоносеманты используются как средство экспрессивной номинации героев, а также для создания общего эмоционального настроения повествования.

1. Решили карга и хрыч пожениться и сыграть свадьбу. Пригласили на церемонию своих друзей: проныру, профана, хлыща и фуфыру. После загса все поехали кататься на горбатом драндулете к высокой горе. Там они решили прогуляться и встретили ежика, который бежал от них и фыркал, потом им встретилась собака и долго рычала им вслед. Во время прогулки хрыч лопотал карге всякую ахинею, разную ерунду о любви и о том, что она его идеал, а по радио в это время играл музыкант на лире.

2. Давным-давно в одной забытой Богом деревне жили люди, согнанные из других деревень за свой скверный характер: ворчуны, профаны, проныры, хлыщи, бабка-карга да старый хрыч, молодые фуфыры. Эта деревенька была очень далека от идеала – все только фыркали, рычали друг на друга. Из всего транспорта остался лишь старый драндулет, на котором не добираться до города. Естественно, никто не играл на лире, все только лопотали что-то себе под нос, когда читали газету с новостями. Новости доходили до деревни очень долго, так как

она располагалась на высокой горе, а почтальон, старый горбатый хлыщ, ходил очень медленно. Жители постепенно впадали в беспамятство, несли полную ахиною, вздор и в конце концов окончательно перестали понимать друг друга.

3. Стоит горбатая гора

Под ней слышны «хлыщ-хлыщ»,

Толкают драндулет карга,

Профан и старый хрыч,

Рычат и фыркают они,

Но тут пришла фуфыра

И ахиною понесла

Про некого проныру.

Про идеал завелся спор

Лились стихи и лира.

Закончился весь этот вздор,

Лишь лопотала фуфыра.

Экспериментальное исследование с применением метода кластерного анализа, таким образом, дает богатый и интересный материал для выявления специфики экспрессивности словофоносемантов, позволяет под новым углом взглянуть на особенности восприятия звукоизобразительных слов носителями языка, с точки зрения «зоны междусловной ассоциативной связи» [Гридина 1996: 57].

ЛИТЕРАТУРА

Ваулина И. А. Звукосимволическое слово в аспекте его порождения и восприятия // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2018. № 2.

Ваулина И. А. Ангел или херувим? Фоносемантический фактор восприятия лексического значения// Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2015. № 14.

Ваулина И. А. Фоносемантический компонент значения слова в свете экспериментальных данных // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2016. № 14.

Воронин С. В. Основы фоносемантики. – Л., 1982.

Гридина Т. А. Что такое «АЛЬДЫПЫП»: фоносемантические проекции детского окказионального слова (экспериментальные

данные) // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. 2015а. № 4.

Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова как основа лингвистической креативности: экспериментальные данные // Вопросы психолингвистики. 2015б. № 25.

Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. – Екатеринбург, 1996.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Креативные стратегии текстоворождения как отражение процессов кластеризации (экспериментальные данные) // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2015. № 1.

Журавлев А. П. Звук и смысл. – М., 1991.

Ищенко Д. С. Фоносемантические и цветофоносемантические художественные ассоциации в поэтической речи (на материале творчества В.Я. Брюсова): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. – Краснодар, 2010.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. – М., 1999.

Михалев А. Б. Теория фоносемантического поля: дис. д-ра филол. наук: 10.02.19. – Пятигорск, 1995.

Никрошкина С. В. Экспериментальное исследование универсального звуко-символизма на материале разноструктурных языков (русского, китайского, армянского и английского): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. – Барнаул, 2010.

Панькина Е. В. Экспериментально-теоретическое исследование восприятия звукоподражаний в разнотипных языках иноязычными носителями (на материале русского, английского, алтайского и монгольского языков): дис. канд. филол. наук: 10.02.19. – Кемерово, 2009.

© Ваулина И. А., 2019

И. Т. ВЕПРЕВА, УОНГ МИНЬ ТУАН
(Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н.Ельцина, г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'23:81'373.2

О ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЭКСПЕРИМЕНТЕ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ ОНОМАСТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЦЕПТИВНОГО ОБРАЗА ВЬЕТНАМА)²

Аннотация. В статье приводятся результаты экспериментального исследования, выявляющего перцептивный образ Вьетнама. На предварительном этапе исследования на базе энциклопедических словарей была построена когнитивная матрица ономастического концепта *Вьетнам*, ядром которой является название географического объекта. Периферийную часть матрицы образуют различные сферы знания о географическом положении, государственном строе, экономике, культуре, религии, истории и др. Сводное описание реакций, полученных в ходе эксперимента, показывает, что в языковом сознании носителей русского языка сформирован перцептивный образ Вьетнама. В качестве ведущих концептуальных признаков представлены признаки, характеризующие местоположение страны, климатические и природные условия, культуру, инфраструктуру, язык, религию. Перцептивный образ Вьетнама в сознании носителя языка коррелирует с концептуальными понятийными признаками научной картины мира.

Ключевые слова: эксперимент, ономастический концепт, психолингвистика, перцептивный образ, когнитивная матрица, образ Вьетнама.

Цель нашей работы – выявление перцептивного образа Вьетнама в ходе экспериментального исследования, определение объема этнокультурной информации концепта *Вьетнам* в язы-

---

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №19-012-00399 А «Аксиологический потенциал современной русской метафоры»

ковом сознании носителей русского языка. Перед изложением результатов эксперимента обоснуем ход нашего исследования.

С 90-х годов XX века термин *концепт* закрепляется в отечественном и зарубежном языкознании и становится одним из базовых понятий в работах по когнитивной лингвистике и лингвокультурологии. Несмотря на то, что «научный рынок перенасыщен подобными публикациями <...>: модными терминами «ментальность» и «концепт» их авторы пользуются как словечком «сезам», открывающим вход в заветную пещеру» [Колесов 2010: 19], в настоящее время концепт продолжает оставаться одним из центральных терминов в современной лингвистической науке. Наряду с исследованиями базовых для русской культуры концептов современная когнитивная лингвистика обращается к разработке ономастических концептов, эффективно выявляя этнокультурные особенности когнитивных единиц, а также средства репрезентации данных особенностей.

Имя собственное, вербализатор ономастического концепта, имеет особую семантику. Так, изучение разными отраслями наук топонимов, одного из классов ономастикона (наряду с антропонимами), позволяло топонимику — науку о географических названиях — считать не частью лингвистики, а особой областью знаний, сложившихся на стыке лингвистики, истории и географии. Но, как писал основатель Уральской ономастической школы проф. А.К. Матвеев, «собственные имена (СИ) — *nomina propria* (NP) — суть слова, поэтому их изучение в качестве одного из атрибутов языка, как и изучение всех других слов, является предметом и прерогативой лингвистической науки» [Матвеев 1974: 8]. Будучи единицами лингвистического анализа, имена собственные манифестируют особую специфическую семантику, которая ставит перед исследователями вопрос, наличествует ли лексическое значение у собственного имени. Символично в этом плане использование кавычек Н.И. Толстым в названии статьи: «Еще раз о «семантике» имени собственного» [Толстой 1970: 200].

Обобщая высказывания целого ряда ученых по поводу имени собственного, скажем, что функция имени собственного — «идентифицирующая (отождествлять предмет) и дифференци-

рующая (отличать предмет от других предметов)» [Норман 2009: 39]. Эту специфику имени собственного можно пояснить через понятия «референт» и «денотат»: «У имен собственных есть референт, но нет денотата; в этом отношении они сближаются с местоименными словами» [там же: 40].

Когнитивная наука привнесла много нового в лингвистический аппарат. Концепт как базовая единица когнитивной семантики, в котором принято описывать понятийную сторону языка, дает возможность по-другому взглянуть и на специфику онима, рассмотрев вопрос о его семантике.

Имена собственные стали рассматриваться как корпус неязыковых, т.е. фоновых знаний, ассоциаций, представлений исторического, этнографического и культурного плана, как символ, обладающий расширенной ассоциативной сетью потенциальных значений, как средство сохранения исторической памяти народа и орудие формирования и выражения ономастического знания в человеческом сознании [Щербак 2008: 11]. Эти и подобные характеристики привели к появлению новой концепции имени собственного и к возникновению термина «ономастический концепт».

Понятие *ономастический концепт*, по мнению Н.Н. Болдырева, формируется языковым и речевым значением имени собственного, а также его экстралингвистическими характеристиками – это единица «осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев 2016: 4]. Проблема изучения имени собственного как экспликатора концепта ставится и находит свое решение в ряде диссертационных работ, например, Л.Е. Адясовой о концепте *Советский Союз* [Адясова 2015], О.А. Гришиной о концепте *Америка* [Гришина 2004], А.И. Белоусовой о концепте *Россия* [Белоусова 2011], О.А. Куданкиной о концепте *Германия* [Куданкина 2005], Ши Ся о концепте *Китай* [Ши Ся 2008] и др.

Проблема выявления структуры ономастического концепта является актуальной для ономатологов, которые в своих работах опираются на общепринятую в отечественной лингвистике кон-

цепцию: структура концепта включает образующие концепт базовые структурные компоненты разной когнитивной природы – чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле, описывается как перечисление когнитивных признаков, принадлежащих каждому из этих структурных компонентов концепта [Воркачев 2002; Карасик 2013].

Имена собственные обрабатываются языковым сознанием особым образом. Имя собственное связывается не с объектом, а с объемом информации об объекте. Средством доступа к информационной базе концепта являются энциклопедические словари. Концепт *Вьетнам*, представляя собой фрагмент коллективного сознания, имеет языковую реализацию, отраженную в энциклопедических источниках, благодаря которым может быть выявлено его ядерно-понятийное содержание как составляющая научной картины мира.

На базе рассмотренных нами энциклопедических словарей, включающих издания дореволюционные, советского и постсоветского времени, мы построили когнитивную матрицу, которая, по мнению Н.Н. Болдырева [Болдырев 2014: 57], считается наиболее подходящей структурой формирования значений ономастических концептов, когнитивным фоном которых является многоаспектное знание.

Когнитивная матрица концепта *Вьетнам* построена по типу «ядро – периферия». Ядром матрицы является название географического объекта. Периферийную часть матрицы образуют различные аспекты (сферы) знания о географическом положении, государственном строе, экономике, культуре, религии, истории и др., обращение к которым необходимо для понимания содержания топонима.

В то же время для моделирования организации топонимического концепта эффективным является обращение к индивидуальному сознанию человека, в котором происходит связь лингвистических и экстралингвистических факторов (таких как условия жизни человека, профессия, пол, образование, возраст, культурный уровень общества, носителей топонимикона). А значит, исследование топонима переходит к выявлению индивидуальных представлений людей об окружающем мире. При-

влечение экспериментальных методик в качестве одного из методов изучения концептов отражено во многих концептологических исследованиях [Вепрева, Петкау 2012; Коновалова 2000; Стернин 2006 и др.].

Одним из этапов нашего исследования является проведение психолингвистического эксперимента, целью которого является выявление образной составляющей концепта *Вьетнам*. Нами был проведен направленный ассоциативный эксперимент в форме анкетирования, в котором приняли участие 204 носителя русского языка (81 юноша и 123 девушки – студенты Уральского федерального университета). Выявление образной составляющей концепта *Вьетнам* проводилось на основе анкеты, включающей 5 ассоциативных вопросов, которые позволяют добыть чувственно-образное знание об изучаемом объекте у информантов. В ходе психолингвистического эксперимента респондентам было предложено ответить на следующие вопросы:

Вьетнам – какой он? Какие краски Вьетнама Вас будут радовать? Какие запахи Вы будете вдыхать? Какие звуки доносятся до слуха? С чем ассоциируется у Вас зрительный образ Вьетнама?

Количественная обработка результатов проведенного опроса позволила определить классификационные признаки концепта *Вьетнам*, которые будут сравниваться с набором концептуальных сфер, выявленных на основе анализа энциклопедических словарей.

Реакции информантов на первый общий вопрос *Вьетнам – какой он?* помогают сформировать ядерный набор когнитивных признаков. Прежде всего, Вьетнам характеризуется как незнакомая и малоизученная страна:

загадочный / незнакомый / необычный / странный / таинственный / экзотический / экзотичный / чужой / неведомый / неизведанный / неизвестный / неисследованный / непонятный / малоизвестный / малоизученный / загадочный / непредсказуемый / мистический (71 реакция = 34,7 %).

Ономастические концепты, которые становятся объектом изучения лингвистов, обычно обладают широкой интерпретационной зоной, богатым лингвокультурологическим содержанием. В

отличие от концептов такого рода концепт *Вьетнам* может быть определен как концепт-минимум [Wierzbicka 1985]. Знание концепта-минимума – это неполное владение смыслом, которое, однако, по Вежбицкой, не должно быть ниже некоторой границы. В качестве иллюстрации приведем пример из ее книги «Lexicography and Conceptual Analysis», связанный со смыслом концепта *велосипед*: «If some one does not know that pedals and a seat are parts of a bicycle, he does not understand fully what a bicycle is his concept is incomplete» (Если кто-то не знает, что педали и сиденье являются частями велосипеда, он не понимает полностью, что такое велосипед, его знание концепта будет неполным) (Перевод наш. – *Ведрева, Уонг Минь Туан*). При этом содержание концепта-минимума не может быть ниже некоторой границы, за которой следует считать, что носитель языка данным концептом просто не владеет: «If he does not know that one wheel goes behind (not beside) the other he does not know that bicycle mean she lack the concept» (Если он не знает, что одно колесо идет позади другого (а не рядом), то он не владеет смыслом слова и концепта ‘‘велосипед’’) (Перевод наш. – *Ведрева, Уонг Минь Туан*) [Wierzbicka 1985: 104–107].

Отмечая, что Вьетнам – малоизвестная страна, респонденты, тем не менее, называют признаки, входящие в разные концептуальные сферы когнитивной матрицы концепта. Указывают:

– на климатические условия страны: *горячий / жаркий / солнечный / тропический* (40 реакций = 19,6%); *влажный, дождливый* (7);

– географическое расположение: *далекий* (15 реакций = 7,3%); *восточный / азиатский* (10 реакций = 4,9%); *водный, прибрежный* (1 реакция);

– особенности природного ландшафта: *зеленый, джунгли* (15 реакций = 7,3%);

– особенности экономики и государственного устройства: *развивающийся* (4); *коммунистический* (2); *социалистический, советский* (1).

В хроматологическом образе концепта *Вьетнам* приоритетным является

зеленый цвет (104 реакции = 50,9%). Кроме этого, были указаны *красный* (90 реакций = 44,1%); *желтый* (68 реакций = 33,3%); *голубой / синий* (55 реакций = 26,9%); *оранжевый* (21 реакция = 10,2%); на периферии – *яркий* (17), *серый* (8), *бирюзовый* (7).

Мы связываем полученные реакции с базовыми природными элементами страны: богатой растительностью, голубым небом, ярким солнцем.

Ольфакторный образ концепта *Вьетнам* включает запахи природы и города. Ядро перцептивного образа концепта составляют классификационные природные признаки:

- запах *моря* / *морепродуктов* / *морской соли* / *морского бриза* / *морского воздуха* / *морского ветра* / *пляжа, песка, соли*; *запахи воды* (49 реакция = 23,9 %);

- запах *тропических* / *вкусных* / *свежих фруктов* (31 реакция = 15,1%);

- запах *очаровательных* / *экзотических* / *тропических* / *цветочных* / *благоухающих* / *душистых цветов* / *цветущих растений* / *ароматы нежных роз* (22 реакции = 10,7%);

- запахи *деревьев* / *листьев* / *растений* / *водорослей, вынутых на солнце* / *зелени* (13 реакций = 7,3%);

- запахи *приятных* / *свежих трав* (9 реакций = 4,4%);

- запахи *леса* / *джунглей* (9 реакций = 4,4%); *свежесть* (11 реакций = 5,3%); *тропические запахи* (4 реакции = 1,9%);

- запахи *сырости* / *влажный запах, воздуха, дождя* (6 реакций = 2,9%). Ольфакторный образ природы дополняет концептуальные сферы когнитивной матрицы Вьетнама – «климат», «природные особенности», «географическое расположение».

В ядро запахов городской цивилизации входят:

- запахи *приятных (ароматных) специй* / *восточных пряностей* / *приправ* (43 реакций = 20,9%);

- запах *загрязненного воздуха* / *выхлопной* / *угарный газ от мотоциклов* / *скутеров в городе* / *нефть* / *бензин* / *пыль* / *дым* / *задымленный город* (19 реакций = 9,3%);

- запах *кухни: национальной* / *местной* / *вьетнамской* / *восточной* / *традиционной* / *уличной* (10 реакций = 4,9%); *острой* / *сладковато-острой еды* (5 реакций = 2,4%);

- запах *соусов* (3 реакции = 1,4%); *благовонный / вкусный / приятный / ароматный / сладкий* (9 реакций = 4,4%);
- запах напитков: *чая / ароматного чая / кофе / кафе* (8 реакций = 3,9%);
- запахи *рыбы / рыбные* (6 реакций = 2,9%);
- запахи разложения и грязи: *гниения на море отбросов / мусора / грязных дорог / неубранных улиц / канализации* (6 реакций = 2,9%).

На периферии:

- запахи *жизни / веселой ночной жизни* (2);
- запахи *бальзама «Звездочка»* (2),
- запахи храма: *буддийских храмов / древних храмовых комплексов* (2),
- запахи *неприятные, непривычные для России* (2);
- запах *счастья* (1).

Ольфакторный образ городской цивилизации позволяет опосредованно оценить знание экономики страны носителями языка: Вьетнам – страна с большими городами, с храмами и развитой инфраструктурой; знание культуры страны, включающей национальную кухню; знание религии.

Аудиальный образ концепта *Вьетнам* дополняет перцептивную картину Вьетнама. Это, во-первых, звуки городской жизни:

шум города, шум городской жизни (8 реакций = 3,9%); *Шум / звук / гул улиц* (10 реакций = 4,9%); *гул / шум / гудки / звуки мотоциклов, машин, многочисленных мопедов, скутеров, стук колес, шум мотора мопедов, звуки моторов, двигателей / скутеров, звуки автомобилей, шум / сигналы транспорта* (39 реакций = 19,1%); *шум рынка (ов) / звук базара* (14 реакций = 6,8%).

Во-вторых, респонденты отмечают также:

- звуки природы: *звуки (живой) природы (рек, водопадов, шума деревьев)* (11 реакций = 5,3%);
- пения птиц: *пение, щебетание (экзотических) птиц / птичьи трели, пение / стрекот птиц* (42 реакции = 20,6%);
- звуки моря: *звуки / шум / моря (морских волн), прибоя моря / океана / морской волны* (32 реакции = 15,6%); *шум / звук океа-*

на (5 реакций = 2,4%); звуки воды (18 реакций = 8,8%); хруст пляжного песка (1).

– лесного шума: шум / шелест деревьев, листьев, шуршания листвы, деревьев (16 реакций = 7,8%); звуки ветра (10 реакций = 4,9%); шум дождя (4); жужжание насекомых, кузнечиков (5); шипение змей (1).

Третья группа ответов – звуки чужого языка, вербализирующие концептуальную сферу «язык»:

– нерусские, шумные **разговор(ы)** людей, жителей, прохожих, продавцов, на рынке, на вьетнамском языке (16 реакций = 7,8%);

– **речь** множества вьетнамцев, незнакомая, чужая, вьетнамская, местная, жителей, неизвестная (16 реакций = 7,8%);

– (громкие) **голоса** людей, жителей, продавцов, толпы с рынка, множество голосов (10 реакций = 4,9%);

– **молитвы** монахов из храма (1).

Четвертая группа – музыкальные звуки:

– **музыка** мелодичная, национальная, азиатская, ресторанов, ночной, гармоничной музыки, на восточный мотив (17 реакций = 8,3%);

национальный гимн и **песни** уличные народные, уличных музыкантов (6 реакций = 2,9%);

– звуки национальных, традиционных, музыкальных, восточных **инструментов** (5); скрипка / виолончель / гитара / барабаны / прекрасные звуки духовных инструментов / звук национальной музыки / колокольчика (1); приятные, легкие, глубокие, азиатские мотивы (1). Ответы респондентов относятся к концептуальной сфере «культура».

Визуальный образ концепта Вьетнам дополняет характеристику природного ландшафта страны:

– тропическая, необычная, яркая, красивая природа, пейзажи (сказочные, красивые, с красотой залива Халонг) (13 реакций = 6,3%); открытое море, морской пейзаж, океан, территория, окруженная водой; райский пляж, голубая, прозрачная вода (31 реакция = 15,1%); джунгли, тропический лес, пальмы, тропики, много зелени (38 реакций = 28,5%); горы, высокие горы с облачной дымкой над вершинами, множество гор (10 реак-

ций = 4,9%); *реки (мелководные, Меконг), большое количество каналов (6 реакций = 2,9%); поле, рисовые поля, плантации (7 реакций = 3,3%).*

Вторая группа ассоциаций связана:

– с градостроительным обликом Вьетнама: *разнотипные постройки с древними пагодами, небольшие улочки, старинная / древняя архитектура, мавзолей Хо Ши Мина, дорога в зелени, с большими домами и многочисленными рынками, маленькие яркие дома, исторические памятники, миниатюрные дома, небольшие городки, города с огромным количеством транспорта, а также толкучка на улицах; с маленькими уютным городком, мегаполисы, шумные города, где люди перемещаются на мотоциклах и велосипедах (16 реакций = 7,8%);*

– с храмами: *большие, буддийские, со множеством храмов и императорских дворов, всевозможные храмы, статуи, древние храмы, темно-синее озеро с розовыми лотосами, рядом с которым стоит буддийский храм; необычные храмы (13 реакций = 6,3%);*

– с рынками: *рыночками, палатки торговые, с большим количеством рынков, рынки, шумный восточный базар, ряды торговых точек (12 реакций = 5,8%).*

Полученные ответы, связанные с визуальным образом, дают возможность оценить знание информантами истории Вьетнама: исторические факты военного противостояния Вьетнама с США в 1964–1975 гг. прочно связали образ Вьетнама с войной:

– *война с США, протесты в Вашингтоне; солдат в джунглях, американский солдат в тропиках, которому оторвало руку; свобода от США, М-16, цельнометаллическая оболочка, бомбежка.*

Подведем итоги. Особенности описания ономастического концепта связаны с тем, что показания обыденного языкового сознания исследователю приходится «добывать» экспериментальным путем в связи с отсутствием лексикографической фиксации топонимов в толковых словарях. Сводное описание реакций, полученных в ходе эксперимента, показывает, что в языковом сознании носителей русского языка сформирован перцептивный образ Вьетнама. В качестве ведущих концептуальных

признаков представлены признаки, характеризующие местоположение страны, климатические и природные условия, культуру, инфраструктуру, язык, религию, историю. Эти аспекты полностью накладываются на концептуальные сферы когнитивной матрицы, выявленной с опорой на энциклопедические словари. Перцептивный образ Вьетнама в сознании носителя языка коррелирует с концептуальными понятийными признаками научной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Адясова Л. Е. Концепт *Советский Союз* и его языковая экспликация в современном российском медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2015.

Белюсова А. И. Ономастический концепт «Россия» в заголовочном комплексе газетного дискурса: лингвокогнитивный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Череповец, 2011.

Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. – Тамбов, 2014.

Болдырев Н. Н. Когнитивная природа языка. – М. : Берлин, 2016.

Вепрева И. Т., Петкау А. Ю. Возрастная специфика осознания концепта здоровье // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. Вып. 10. – Екатеринбург, 2012.

Воркачев С. Г. Методологические основания лингвоконцептологии // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002.

Гришина О. А. Актуализация концепта *Америка* в современном русском языке (на материале публицистических текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Архангельск, 2004.

Карасик В. И. Языковая матрица культуры. – М., 2013.

Колесов В. В. Классификация ментальных исследований языка с позиции философского реализма // Концептуальные исследования в современной лингвистике: сб. ст. / отв. ред. М.В. Пименова. – СПб. : Горловка, 2010.

Коновалова Н. И. Демонологическая лексика как фрагмент концепта «сакральное» в русском языковом сознании // *Язык. Система. Личность.* – Екатеринбург, 2000.

Куданкина О. А. Актуализация концепта «Германия» в российской публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Кемерово, 2005.

Матвеев А. К. Тезисы о топонимастике // *Вопросы ономастики.* Вып. 7. – Свердловск, 1974.

Норман Б. Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. – Минск, 2009.

Стернин И. А. Экспериментальные методы в лингвистической концептологии // *Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности.* Вып. 4. – Екатеринбург, 2006.

Толстой Н. И. Еще раз о «семантике» имени собственного // *Актуальные проблемы лексикологии: тез. докл. и сообщений.* – Минск, 1970.

Ши Ся Концепт «Китай» в русском обыденном языковом сознании: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008.

Щербак А. С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте. – Тамбов, 2008.

Wierzbicka A. Lexicography and Conceptual Analysis. – Ann Arbor : Karoma, 1985.

©Вепрева И. Т., 2019

© Уонг Минь Туан, 2019

Т. В. ГОГОЛИНА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'23:81'37

ОСНОВНЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ СОМНИТЕЛЬНОСТИ: ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

Аннотация. В статье представлены результаты психолингвистического эксперимента, связанного с верификацией репертуара вербальных и невербальных средств выражения семантической категории сомнительности, наиболее активно использующихся в современном молодёжном дискурсе. Подтверждена гипотеза о связи рассматриваемой категории с понятиями оценочности и эмотивности. В ходе эксперимента выявлена важность включения значения сомнительности в семантическое пространство достоверности/недостоверности и его связь с проявлением оценки, эмоций и воли говорящего. Характер выражаемых в сочетании с сомнительностью эмоций является для испытуемого психологически некомфортным, что передаётся как вербальными, так и невербальными средствами.

Ключевые слова: сомнительность, вербальные средства, невербальные средства, психолингвистический эксперимент, эмотивность, оценочность, психолингвистика, лексическая семантика, семантические категории.

В основе семантической категории сомнительности находится эмоционально-оценочное состояние неуверенности говорящего в истинности того, о чём он говорит, основанного на достаточности или недостаточности знаний субъекта речи о предмете речи. Спектр средств выражения данной семантики включает как вербальные (лексико-грамматические и лексико-семантические), так и невербальные средства [Гоголина 2000, 2014, 2015; Никольская 2009, 2015].

Семантическое пространство достоверности/недостоверности, в сфере которого находится семантика сомнительности, связано с такими семантическими категориями, как «оценочность и эмотивность и вступает в межкатегориальные связи со многими другими семантическими категориями» [Никольская 2009:

197], поэтому репрезентируется в русской речи как эмотивно-эпистемическое состояние. Кроме того, в русской языковой картине мира закреплена дискомфортность этого состояния [Никольская 2015].

С целью выявления особенностей восприятия данного эмотивно-эпистемического состояния нами проведён психолингвистический эксперимент, позволяющий исследовать зону эмоционально-оценочного восприятия данной категории респондентами, а также верифицировать различные средства выражения семантики сомнительности в представлении современных носителей языка. Данная проблема рассматривалась нами и ранее [Гоголина, Караваева 2015: 178-183].

При проведении эксперимента выдвинута гипотеза: респонденты дадут определение понятию *сомнительность* с учетом зоны его расположения в рамках семантики достоверности / недостоверности и его эмотивно-оценочной составляющей, определят спектр средств, позволяющих отнести данную категорию к числу дискомфортных для человека.

Испытуемым предлагалось перечислить 10 признаков понятия *сомнительность*. При этом мы сознательно не просили участников эксперимента перечислить конкретные средства выражения сомнения. Эти средства выбирались экспериментаторами из состава уже полученных реакций с целью определить психоэмоциональное состояние, описываемое респондентами через конкретный набор языковых средств.

В эксперименте приняли участие бакалавры и магистранты Института филологии, культурологии и межкультурной коммуникации УрГПУ в количестве 25 человек.

Ответы респондентов оказались следующими: ядерную зону реакций составили синонимы к слову *сомнительность* со значением семантики достоверности / недостоверности и близкой к ней уверенности / неуверенности: *неуверенность* (17), *неопределенность* (8), *мнительность* (4), *маловероятность* (4), *недостоверность* (4), *подозрительность* (3), *неточность* (3), *неясность* (3), *нерешительность* (3), *ненадежность* (3), *переживание* (2), *колебание* (2), *страх* (2), *незнание* (2), *недосказанность* (2), *может быть* (2), *сомнение* (2), *двусмысленность* (2), *наверное* (2). Респонденты определяли сомнительность с помощью

более широкого родового понятия *неуверенность*, что прогнозировалось нами заранее.

Следующая группа единичных реакций определяет попытку респондентов конкретизировать недостаточность знания о предмете речи, характерную только для семантики сомнения (*я не знаю, неизвестный, неизвестность, шаткость высказанной позиции, слабая аргументация мнения, ошибочность, отсутствие фактов, требует проверки, спорная ситуация, отсутствие четкой позиции, неуверенность в истинности сказанного, не-проверенная информация, небесспорность*).

Описание психологического состояния, передаваемого через систему вербальных и невербальных средств, составило достаточно развёрнутую группу реакции с эмоционально-оценочной семантикой (*нервозность, волнение, взвешивание всех «за» и «против», сопоставление «за» и «против», стресс, стеснение, заикание, дрожь, нервный, робость, смех, истерика, апатия, неприязнь, ироничность, сарказм, ненадежность, некомфортно, неудобно, странность, чувство, противоположное уверенности, непостоянство, колебания внутренние, нервозность, человек краснеет, забывает слова, опускает голову, подносит руки к губам, чувство стыда, чувство разочарования, начинает трясти, ходить по комнате, возбудим, повышает голос, может заплакать, нервничает, начинает заикаться, тербеть волосы*). В данную группу вошли реакции, описывающие переживания человека в момент, когда он сомневается, до и после этого момента. Можно заметить, что большим количеством респондентов отмечался психологический дискомфорт говорящего, проявляющийся в выборе как вербальных, так и невербальных реакций, передающих нервное состояние человека, переживающего сомнения.

Некоторые участники эксперимента интуитивно выбирали реакции невербального характера: соответствующая невербалика (*сдвинутые брови, полуулыбка, ухмылка*), сложность вербализации, невербалика неуверенности, сомнения (*пожатие плечами, влажные ладошки*), при этом сами средства даже не были названы по причине их типизированности для участников эксперимента. Респонденты описывали психологическое состояние сомнения через жесты. Таких реакций немного, но они

дополняют вербальные реакции и позволяют получить представление о возможных жестах и ощущениях, их сопровождающих, связанных с выражением сомнения в восприятии респондентов.

В отдельную группу можно объединить реакции, обозначающие процесс психологического выбора, размышления, колебания испытуемых без внешнего проявления этого состояния с помощью определённых средств (*гадание, раздвоение мнения, ступор, решение, раздумчивость, непонимание, отсутствие конкретики, ожидание, сбивчивость, задумчивость, напряженность, боязнь, беспокойство, нечеткая речь, заминка, несформированность мысли, hesitation, загадочность, раздумье, нерешимость, размышление, сложность выбора, таинственность, загадка, туманность, вариативность боязнь ошибиться, осторожность, низкая самооценка, нерешимость, сложность выбора, спорность, безразличие, забывчивость, неблагоприятность, бездействие, податливость чужому мнению*). Группа получилась довольно развёрнутой: в ней не названы конкретные средства выражения семантики сомнения, но эмоционально-оценочная составляющая таких описаний свидетельствует о внутреннем дискомфорте сомневающегося человека.

Респонденты обратились даже к описанию психотипа человека, испытывающего подобное состояние достаточно часто. По их мнению, для него характерны *боязнь ошибиться, осторожность, низкая самооценка, нерешимость, сложность выбора, спорность, безразличие, забывчивость, неблагоприятность, бездействие, податливость чужому мнению* и др.

Респонденты объясняли значение сомнительности и через вербальные средства – реакции, связанные с выражением значения сомнительности в языке (*скорее всего, возможно, есть вероятность, посмотрим, вряд ли, вероятно, неблагоприятие, непонятный, плохое качество, необязательность, невероятность, вопрос-ответ, аргументы-опровержение, а могу ли я?, вероятность, альтернатива, возможность, иногда, как бы, фифти-фифти* и др.).

Респонденты использовали и устойчивые выражения. В них отражается представление носителей языка о сомнении, которое проявляется в отборе использованных респондентами идиом:

поживем – увидим - нежелание высказываться о том, что в данный момент не вполне ясно, что станет ясно со временем; *после дождичка в четверг* – обо всём несбыточном, неизвестно, когда исполнится; *ни рыба ни мясо (ни то ни сё)* – о чём-то ничем не выделяющемся, не имеющем отличий; *гадание на кофейной гуще* – делать ни на чем не основанные выводы, предположения.

Эксперимент проводился письменно, поэтому следующую группу составили реакции, которые можно условно назвать структурно обусловленными (*знак вопроса, междометия, вводные слова, слова с оттенком сомнительности, использование вводных слов и междометий, особая интонация, фразеологические единицы, вводные слова и конструкции*). Эксперимент проводился со студентами филологического факультета, чем объясняется попытка обозначения ими групп вербальных средств выражения анализируемого значения без их конкретного называния в силу типизированности заданной семантики.

Проведённый нами эксперимент позволяет присоединиться к мнению И.Г. Никольской о дискомфортном для говорящего характере данной эмоции [Никольская 2015], выраженной весьма разветвлённо как вербальными, так и невербальными средствами. Эксперимент в полной мере подтвердил гипотезу относительно того, что для носителей языка в понимании значения сомнительности важны такие факторы, как отнесённость к семантическому макротипу достоверности/недостоверности, уверенности / неуверенности в сказанном и эмоционально-оценочный характер данной категории. Кроме того, для респондентов оказалось особенно важным представить психологическое состояние, которое переживает говорящий в момент сомнения, что отражается на выборе языковых средств выражения семантики сомнительности.

ЛИТЕРАТУРА

Гоголина Т. В. Психолингвистический эксперимент как метод изучения грамматической семантики: учебное пособие. – Екатеринбург, 2015.

Гоголина Т. В. Коммуникемы со значением сомнительности как отражение лингвокреативной деятельности говорящего //

Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. – 2014. – № 2. – С. 181-185.

Гоголина Т. В. Функционально-семантическое поле сомнительности в современном русском языке [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/funktsionalno-semanticheskoe-pole-somnitelnosti-v-sovremennom-russkom-yazyke>

Гоголина Т. В., Караваева М. А. Средства выражения семантики сомнительности в речи современных студентов: экспериментальные данные // Перспективы науки-2015: сборник докладов I Международного заочного конкурса научно-исследовательских работ. – Казань, 2015. – С. 178-183.

Никольская И. Г. Выражение семантики сомнения в современном русском языке // Известия РГПУ им А.И. Герцена. – 2009. – № 118. – С. 197-201.

Никольская И. Г. Семантика сомнения и способы её выражения в русском языке [Электронный ресурс]. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vyrazhenie-semantiki-somneniya-v-sovremennom-russkom-yazyke>.

Никольская И. Г. Дискомфортная эмоция сомнения в русской языковой картине мира // Trends in Slavic Studies. – М., 2015. – С. 489-500.

© Гоголина Т. В., 2019

Т. А. ГРИДИНА, Н. И. КОНОВАЛОВА
(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)

УДК 81'42

АССОЦИАТИВНЫЕ ПРОЕКЦИИ СЛОВА В ИГРОВОМ МЕДИАТЕКСТЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности современного креолизованного медиатекста с использованием кодов языковой игры. Характеризуется трансформированный текст известной песни «Все, что в жизни есть у меня...», построенный на идентификации реалий советской эпохи с их условными «эквивалентами», представленными в новой песенной медиаверсии соответствующими современными номинациями. Декодирование игровых импликатур в структуре медиатекста достигается при соотнесении его вербального и невербального ряда. Выявляются механизмы ассоциативного отождествления и ассоциативной провокации как основа конструирования игрового эффекта. Предлагается классификация когнитивных и оценочных оснований ассоциативной идентификации невербального и вербального компонентов игрового медиатекста.

Ключевые слова: медиатекст, медиалингвистика, медиадискурс, СМИ, языковая игра, пресуппозиции, ассоциативный контекст знака.

В современной массовой коммуникации, характеризующейся разнообразными жанрами [Гридина 2014], совершенно отчетливо выделяются игровые медиатексты креолизованного характера. Вербальный компонент таких текстов основан на языковой игре, непосредственно связанной с невербальным (полимодальным) рядом, что в совокупности создает нестандартный ассоциативный контекст сообщения, требующего декодирования от адресата. Ср. определение медиатекста как «разновидности текста, принадлежащего массовой информации, характеризующейся особым типом автора <...>, специфической текстовой модальностью (открытая речь, многообразное проявление авторского Я), рассчитанной на массовую аудиторию» [Солганик 2005: 14].

Подобные тексты нередко выступают как своего рода реклама развлекательного характера, которая вместе с тем трансли-

рует и моделирует стереотипы коллективного сознания. Поли-модальность игрового креолизованного текста проявляется как на содержательном уровне, так и на уровне формы. Так, в содержательном плане в игровом медиатексте оказываются значимыми аллюзии, интертекстуальные включения, создающие некие пресуппозиции его восприятия массовым адресатом как носителем определенной культуры [Ружицкий 2011, Шмелева 2012, Стексова 2018]. В формальном плане игровой медиатекст организован таким образом, чтобы создать у адресата двойной план его восприятия (с одной стороны, обращенный к обыгрываемым прототипам, с другой – к их ассоциативным трансформам). Совокупность знаков разной семиотической природы, задающая соответствующие векторы восприятия передаваемой информации, в игровом медиатексте выступает основой как его моделирования, так и декодирования [Гридина 2018: 36-48]. В настоящее время чрезвычайную популярность приобретают подобные медиатексты, «функционирующие... в массмедийных ресурсах Всемирной паутины – интернет-СМИ» [Кузьмина 2011: 255]. Такие тексты чаще всего имеют интегрированный характер, отражая «процесс диффузии жанровых форм их конвергенции» [Кузьмина 2011: 20].

Рассмотрим один из игровых веб-медиатекстов, в основе которого лежат конструктивные принципы «ассоциативного отождествления», «ассоциативной провокации» и «ассоциативного наложения» [Гридина 1996]. Это трансформированный текст популярной советской песни из репертуара ВИА «Самоцветы» (с сохраненным музыкальным рядом при новом исполнении).

Суть игровой трансформации заключается в ассоциативном отождествлении (идентификации) реалий советской эпохи с их сегодняшними «эквивалентами», представленными в новой песенной медиаверсии соответствующими современными номинациями. При этом рефреном становится фраза «Сделано в СССР», заменяющая содержание исходного песенного припева, выражающего признание девушке в любви: «Все, что в жизни есть у меня, связано только с тобой». Приведем соответствующие параллели, которые вызывают эффект контраста на основе

парадоксального ассоциативного отождествления сопоставляемых объектов разных эпох³:

Первый айфон (= стационарный громоздкий дисковый телефон, ср.: *айфон* – персональное мобильное устройство)

И первый айпед (= одна из первых электронных игрушек «Ну погоди!», ср.: *айпед* – интернет-планшет, выпускаемый всемирно известной корпорацией Apple),

Беспроводной первый наш Интернет (= уличный стенд, где газеты вывешивались для всеобщего чтения),

И первый шопинг (= длинная очередь у магазина как характерная примета товарного дефицита советского времени),

И первый кэш (= бумажные купюры советского образца в стеклянной банке как символ «консервации» личных сбережений граждан, которые хранились дома; ср.: *кэш* или *кеш* – англ. cash «наличные деньги», *сленг*; часто используется в сочетании *кэш бэк* «возврат денег как некий бонус за пользование банковской картой»).

Первый чизкейк (= популярное в СССР пирожное «березка», песочный корж, облитый сахарной глазурью, ср.: *чизкейк* – блюдо европейской кухни, творожный или сырный десерт, имеющий множество вариантов – от запеканки до пирожного суфле),

А к нему первый фреш (= натуральный березовый сок, добываемый с помощью воронки, прибитой к стволу дерева, ср.: *фреш* – напиток из свежавыжатых фруктов).

Первый флешмоб (= Ленин на субботнике⁴, ср.: *флешмоб* – заранее спланированная массовая акция, в которой большая

---

³ В скобках после знака = представлено описание видеоряда, которым сопровождается текст, и в качестве дополнительного комментария указание на значение современного слова, выступающего в роли игрового идентификатора.

⁴ Ироническому переосмыслению подвергаются ценности советской эпохи, в частности проведение субботников, трактовавшееся как инициатива, идущая «снизу» и выражающая сознательное стремление масс к организованному бесплатному труду на благо общества в сво-

группа людей появляется в общественном месте, выполняет заранее оговоренные действия, сценарий, в переводе с англ. означает «мгновенная толпа»),

перешедший в мейнстрим (= первомайская демонстрация, ср.: **мейнстрим** – главное, основное направление в какой-либо области деятельности; современная мода, преобладающие популярные массовые тенденции в противоположность элитарной немассовой культуре).

Первые посты (= записи в ученическом дневнике, ср.: **пост** – отдельно взятое сообщение в блоге, на форуме, странице в соцсети и т.д., который является инструментом для общения, от англ. to post «посылать»)

И комменты к ним (= замечания учителя в этом дневнике: *Поведение «два», «Орал на уроке», «Кто стер?»*, ср.: **коммент** – публичный комментарий к информационному сообщению, передаче в сети интернет, размещённый обычно непосредственно читателем, зрителем или слушателем рядом с исходным сообщением на сайте-источнике),

Советский первый интерактив (= 27 съезд КПСС⁵, ср.: **интерактив** – взаимодействие между субъектами коммуникации и конкретные виды такого взаимодействия; диалоговая форма общения, предполагающая обратную связь),

первый дресс-код (= пионерская форма⁶, ср.: **дресс-код** – форма одежды, требуемая при посещении определённых мероприятий, организаций, заведений).

бодное время. Ср. отсылку к известному арт-сюжету «Ленин на субботнике» (см. картины В. Иванова, Н. Сысоева, Е. Шатова и др.).

⁵ Съезд, состоявшийся в 1986 году, на котором М.С. Горбачев обозначил предшествующие годы развития страны как период застоя. Иронически обыгрывается импликатура «время наступления политики максимальной открытости и гласности».

⁶ Видеоряд представлен фонографией пионеров на слете в парадной форме, обязательным атрибутом которой, кроме повязанного вокруг шеи красного галстука, были белая рубашка (у мальчиков) и белый фартук – у девочек.

Первый корпоратив (= утренник в детском саду, где все в костюмах зайчиков и снежинок, ср.: *корпоратив* – определенное мероприятие, проводимое организацией, с целью сплотить коллектив. Устраивается, как правило, в честь какого либо общенародного праздника, например, Новый год, 8 марта и др.)⁷;

Всё, что в жизни радует нас (= бочка с квасом, 1 литр 12 коп, 0,5 литра – 6 коп., 0,25 л. – 3 коп.),

Всё, что так приятно для глаз (= трехлитровая банка разливного пива, две граненых литровых пивных кружки и *вобла* на газетке / «Известия» или «Правда»/, расстеленной на скамейке во дворе дома)⁸.

Всё, что ставим детям мы в пример (= авоська с бутылкой молока, батоном и апельсинами – советские эталоны скромного, но здорового образа жизни),

Сделано в СССР (= сцена, над которой висит плакат «*Новую конституцию СССР поддерживаем, одобряем!*» На сцене женщины под сушильными колпаками / фенами, как в парикмахерской)⁹.

Всё, что в жизни радует нас (= ребенок, прыгающий, как на батуте, на железной сетке кровати советского образца).

Все, что так приятно для глаз (= гора разноцветных жвачек одного сорта «LOVE IS»),

Все, что ставим детям мы в пример (= девочки, прыгающие на скакалке),

Сделано, сделано в СССР (= пластмассовые игрушки, которые продавались во всех магазинах «Детский мир», типичные

---

⁷ Игровая идентификация детского утренника с корпоративом, возможно, содержит намек на превращение подобных праздников в регулярные и в излишне затратные для родителей мероприятия.

⁸ Дешевые популярные напитки (квас и пиво) как характерные реалии быта простых советских людей.

⁹ Символическая визуализация лозунга в поддержку советской конституции, которая является гарантом самореализации, в частности для женщины, во всех сферах общественной и личной жизни.

для советской действительности: куклы, мишки, Пьеро, Мальвина, обезьянки, рыбки и т.п.)¹⁰.

Первый швепс (автоматы с газированной водой за 3 коп. – с сиропом и за 1 коп. – без сиропа, ср.: *швепс* – освежающий напиток с цитрусовым вкусом – раскрученный европейский бренд)

И первый спрайт (= сифон для газирования воды при помощи газового баллончика, ср.: «*Спрайт*» – газированный безалкогольный напиток со вкусом лайма, широко распространенный на Западе)¹¹.

Первая флешка на сто килобайт (= перфокарта из тонкого картона, использовавшаяся в работе с компьютерами первого поколения для ввода и хранения информации, ср.: *флешка* – электронное запоминающее устройство, использующееся в качестве переносного накопителя информации),

Гамбургер первый (= большой бутерброд с докторской колбасой, ср.: *гамбургер* как атрибут современного быстрого питания на основе американской технологии)

И первый твит (= объявление на заборе /«Найден молодой козлик», ср.: *твиттер* – социальная сеть для публичного быстрого обмена сообщениями),

Первый блокбастер (= к/ф «Ирония судьбы», ср. *блокбастер* – очень популярный и коммерчески успешный продукт кино- и театральной индустрии)

И наш первый хит (= песня «Увезу тебя я в тундру», исполнявшаяся Кола Бельды и имевшая в СССР большую популярность, видеоряд представлен фотографией певца в нанайском национальном костюме, который стал брендом исполнителей малых народов Севера).

Первый брейк-данс (= русский танец впрыска – с опорой на одну руку, ср.: *брейк-данс* – танец, базирующийся на пере-

---

¹⁰ Сопровождающий слова припева визуальный ряд представляет атрибуты счастливого детства советских детей, чьими забавами были подвижные игры во дворе и «добрые» куклы.

¹¹ Напиток, популярный у современной молодежи, позиционируемый как источник энергии и «раскрученный» во многом благодаря рекламному слогану «*Спрайт! Не дай себе засохнуть!!!*».

мещении тела в пространстве, которые, на первый взгляд, противоречат всем законам физики и гравитации)

И первый диджей (= гармонист на демонстрации, ср.: *диджей* (англ. DJ от disc jockey – диск-жокей) – человек, осуществляющий публичное воспроизведение записанных на звуковые носители музыкальных произведений),

Первый кроссовер (= автомобиль «Запорожец», поставленный на высокую платформу от грузовика¹², ср.: *кроссóвер* — изначально североамериканский тип автомобиля, построенный на легковой платформе с несущим кузовом, получивший широкое международное распространение)

И первый бобслей (= ребенок, съезжающий с горы на санках головой вперед, ср.: *бобслей* – зимний олимпийский вид спорта, представляющий собой скоростной спуск с горы по специально оборудованным ледовым трассам на управляемых санях – *бобах*),

Первый андроид (= кадр из к/ф «Гостя из будущего», где изображен пришелец с «разумным» устройством для управления людьми и техникой, ср.: *«Андрóид»* – операционная система для современных гаджетов: смартфонов, планшетов, электронных книг, цифровых проигрывателей и т.п.)

И наш первый гот (= Баба Яга, которую традиционно в советских сказочных киноверсиях играл актер Георгий Францевич Милляр, предстающий в видеоряде в рваной одежде мрачных тонов; ср.: *гóты* – представители молодежной субкультуры, накладывающей специфический мрачный, депрессивный, «декадентский» оттенок на своих носителей и на способы их репрезентации),

---

¹² «Запорожец – дешевый автомобиль советского производства особо малого класса, наиболее доступное для людей среднего достатка личное транспортное средство. Ироническое отношение к этому автомобилю было связано с его «непрестижным» внешним видом, в частности, слишком низкой посадкой, что и отражено в фотоколлаже, где запорожец, поставленный на высокую платформу от грузовика, псевдоотождествляется с кроссовером.

Первый компьютер (= электронно-вычислительная машина, занимавшая целую комнату, ср.: размеры современных портативных компьютеров – *ноутбуков* и *нетбуков*)

И первый айпод (маленький кассетный магнитофон, ср.: *айпод* – портативный цифровой плеер).

Все, что в жизни радует нас (= пионеры, которые едят мороженое в вафельных стаканчиках),

Все, что так приятно для глаз (=обложки детских журналов «Веселые картинки» и «Мурзилка).

Все, что ставим детям мы в пример,

Сделано в СССР (= коллективное принятие солнечных ванн, международный детский пионерлагерь «Артек»).

Все, что в жизни радует нас (= человек на кровати с лечебными банками на спине),

Все, что так приятно для глаз (= ребенок в коляске, рассматривающий детскую книжку с картинками),

Все, что ставим детям мы в пример (= кварцевание детей в детском саду как способ закаливания и укрепления здоровья),

Сделано, сделано в СССР (= пионеры на отдыхе у моря, дома, в которых освещенные окна складываются в аббревиатуру СССР)¹³.

Первый офшор (= деньги в стеклянной трехлитровой банке среди других банок с заготовками на зиму – соленьями и пр., ср.: *офи́ор* – страна или территория с особыми условиями ведения бизнеса для иностранных компаний. Среди них низкие или нулевые налоги, простые правила корпоративной отчетности и управления, возможность *скрыть* настоящих владельцев бизнеса и т.п.).

И первый прайм-тайм (= сцена из фильма «Карнавальная ночь», где Л. Гурченко исполняет свою знаменитую новогоднюю «Песенку про 5 минут» буквально за 5 минут до того, как часы должны пробить двенадцать, ср.: *прайм-тайм* – наиболее

---

¹³ Все представленные в видеоряде, сопровождающем припев, реалии несут в себе мотив заботы о счастливой жизни и заботе о здоровье детей и взрослых в Советском Союзе.

активное время просмотра телевидения и прослушивания радио в течение суток).

*Первый **колл-центр*** (= зал АТС, где соединение абонентов вручную осуществляют телефонистки, ср.: **колл-центр** – специализированная организация или выделенное подразделение в организации, занимающиеся обработкой обращений и информированием по голосовым каналам связи в интересах организации-заказчика или головной организации).

*И первый **онлайн*** (= бабушки на скамейке, прижавшись друг к другу, читают вместе один и тот же свежий номер газеты «Правда», ср.: **онлайн** – режим Интернет связи, предполагающий общение «здесь и сейчас»),

*Наш самый первый живой **стендап*** (= Н.С. Хрущев на трибуне ООН¹⁴, ср.: **стендап** – комедия, комедийное искусство, в котором комик выступает перед живой аудиторией, обычно говоря напрямую со зрителем),

*Первый **секс-символ*** (= популярный советский актер Николай Рыбников, сыгравший во многих советских фильмах, см., например, «Весна на Заречной улице», «Девчата», «Высота» и др., где главный герой выступает в роли простого рабочего паренька, обретающего себя в профессии и любви)

*И первый **стартап*** (= запуск космического корабля, ср.: **стартап** – новый бизнес-проект, который создается с целью извлечения прибыли с этого проекта после его развития; у всех стартапов есть одна отличительная особенность – идея таких проектов должна быть оригинальной, а не копироваться с уже созданных проектов),

*Наш первый **фрик*** (= Жанна Агузарова, ср.: **фрик** – человек, отличающийся ярким, необычным, экстравагантным внешним

---

¹⁴ Ср. широко распространенную историю о том, что 12 октября 1960 года во время заседания 15-ой Генеральной Ассамблеи ООН, Н. С. Хрущев, выражая свое несогласие с позицией ранее выступавших докладчиков, якобы стал стучать по трибуне собственным ботинком, что впоследствии трактовалось как комический казус и закрепило за Генеральным Секретарем ЦК КПСС статус самого комичного политика в СССР.

видом и вызывающим (зачастую эпатажным) поведением, а также обладающий неординарным мировоззрением, которое является результатом отказа от социальных стереотипов. Фрики выделяются в отдельную субкультуру)

И первый бойбенд (= мужской белорусский ВИА «Песняры», чьи песни стали культовыми, а молодые исполнители во главе с руководителем ансамбля, композитором и певцом В. Мулявиным, получили всенародную любовь и признание), ср.: *бойбенд* – вокальная поп-группа, состоящая из юношей привлекательной внешности и ориентированная на девушек предподросткового и подросткового возраста),

Первые суши (= бутерброд со шпротами, ср.: *суши* – традиционное японское блюдо, маленькая спрессованная рисовая лепешка с ломтиком рыбы наверху).

И первый абсент (= газированные напитки «Дюшес», «Ситро», «Лимонад», «Тархун» и др. в стеклянных пол-литровых бутылках, ср.: *абсэнт* – алкогольный напиток, содержащий экстракт горькой полыни, широко популярный в кругах французской богемы¹⁵).

Наш первый фитнес (= производственная гимнастика / в цехе под радиовещание; ср. *фитнес* (англ. *fitness*, от глагола *to fit* – «соответствовать, быть в хорошей форме», в более широком смысле – общая физическая подготовленность организма человека).

И первый страйк (= игра в городки или лапту, ср.: *страйк* – ситуация при игре в боулинг, когда все десять выставленных кеглей выбиваются игроком с первого удара).

Наш первый босс (= Л.И. Брежнев, дольше всех из советских вождей находившийся у власти)

И его первый лайк (= поцелуй Л.И. Брежнева на встрече с Эрихом Хонеккером, генеральным секретарем СЕПГ). Ср.: *лайк*

---

¹⁵ Отождествление газированных напитков, доступных каждому простому советскому человеку, с абсентом, название которого аллюзивно отсылает к эстетике быта французской богемы, имеет намеренно парадоксальный характер.

– условное выражение одобрения (нажатием кнопки «мне нравится») в Интернет коммуникации.

Все, что в жизни радует нас (= Ирина Роднина и Александр Зайцев с золотыми медалями на пьедестале почета),

Все, что так приятно для глаз (= знаменитая «красная машина», непобедимая хоккейная сборная СССР),

Все, что ставим детям мы в пример (= олимпийский мишка на открытии олимпиады 1980 года в Москве),

Сделано в СССР (= парад победы, ветераны танцуют, дети в военной форме, праздничный салют над Красной площадью, флаг СССР с гербом СССР и гербами союзных республик, рубиновая красная звезда на Спасской башне, серп и молот – над всем слоган «*Сделано в СССР*»).

Последний блок этого креолизованного медиатекста отсылает к мотиву успехов советского спорта в фигурном катании, хоккее, к всемирно известному символу знаменитой московской олимпиады и, наконец, к непреходящим ценностям советской эпохи – победе в Великой отечественной войне, празднованию Дня Победы как дани памяти воевавшим за Родину (погибшим и оставшимся в живых), а также к знаковым для каждого советского человека патриотическим атрибутам.

Резюмируя анализ данного медиатекста как игрового феномена, отметим следующее:

1. Шутливо-иронический пафос, выявляемый при декодировании представленного вербально-визуального медиакомплекса в целом, явно сочетается с ностальгической рефлексией по советскому прошлому. Это вполне отражает тенденцию к поляризации ценностных установок нашего времени и эпохи до распада СССР.

2. Отмеченное соотношение проявляется в выборе техник языковой игры, эксплуатирующей конструктивный принцип ассоциативного отождествления, когда знаковые «атрибуты» разных эпох уподобляются:

- на основе функционального тождества реалий, одна из которых является предметным анахронизмом (*дисковый телефон – айфон, пирожное «Березка» – чизкейк, пионерская*

форма – дресс-код, газированная вода из сифона – швепс, спрайт и т.п.);

- на основе оценочной дискредитации качеств и престижности товаров советского производства по контрасту с современными зарубежными образцами (*«Запорожец» в сравнении с кроссовером*);

- на основе намеренно парадоксальной ассоциативной идентификации социальных идеологизированных инициатив советской эпохи и течений современного молодежного масс-культа (*ленинский субботник и флешмоб, первомайская демонстрация и мейнстрим, съезд партии – интерактив*);

- на основе ассоциативной провокации, путем обнаружения ситуативного сходства реалий отдаленных друг от друга когнитивных сфер (*стенд, на который вывешивались газеты для коллективного чтения, и беспроводной Интернет*);

- на основе метонимического уподобления ситуаций с разными оценочными векторами (*стояние в очереди по необходимости при тотальном отсутствии товаров и шопинг как форма времяпрепровождения (увлечения, хобби) в виде посещения магазинов, как правило, торговых центров с разнообразным ассортиментом товаров*);

- на основе ассоциативного наложения визуального ряда и значений слов, отсылающих к реалиям советской и современной эпохи (см. *кеш «наличные деньги» как аналог изображения стеклянной банки, набитой бумажными купюрами; ср. ассоциативно всплывающее выражение хранить деньги в банке – от банк и от банка*);

- на основе отождествления современных ценностных ориентиров в области культуры с конкретными культурными прецедентами советской эпохи (*секс-символ – Н.Рыбников, хит – песня Кола Бельды, фрик – Жанна Агузарова, прайм-тайм – Л. Гурченко с «Песенкой про пять минут» и др.*);

- на основе установления соответствий между национально-специфичными явлениями разных культур (*гармонист на демонстрации – диджей, Баба Яга – гот, танец впрыскаду – брейк-данс, фигура в игре в лапту – страйк в боулинге и др.*).

Проведенный анализ подтверждает наблюдения, согласно которым когнитивные базы представителей советского и постсоветского поколений существенно различаются, вплоть до их полного расхождения [Бубнова 2018, Горохова 2019]. Соответственно отдельной самостоятельной проблемой, требующей специальных экспериментальных исследований, является вопрос о считываемости игровых кодов, заданных данным и подобными ему креолизированными медиатекстами, разными группами современного социума.

С этой целью нами был проведен пилотный эксперимент с группой студентов, обучающихся в магистратуре по направлению «Психолингвистические технологии в обучении русскому языку». В качестве *экспериментальной гипотезы* выдвигалось предположение относительно возможности считывания респондентами описанного выше игрового кода с привлечением актуальной информации для ассоциативного отождествления невербального стимула с реалиями современной эпохи.

Для верификации данной гипотезы использовалась методика заполнения текстовых лакун (как вариант метода вероятностного прогнозирования). Испытуемым предъявлялись невербальные стимулы (визуальные образы, связанные с «атрибутикой» советской эпохи) и исходный игровой текст с лакунами (пропусками) на месте соответствующих вербальных коррелятов. Респонденты должны были восстановить текст, следуя инструкции: «Подберите современные названия представленных в видеоряде реалий советской эпохи и вставьте их в игровой текст, созданный на основе песни «Все, что в жизни есть у меня...». Перед выполнением задания испытуемым предлагалось прослушать песню с оригинальными словами (это должно было облегчить поиск ритмически релевантных для восстановления текста номинаций). Оговаривалась и вполне ожидаемая вариативность воссоздания текста по принципу ассоциативного отождествления. Результаты эксперимента представлены в Таблице, где отражены исходные текстовые номинации (первая колонка), совпадающие с ними ответы респондентов (вторая колонка) и вариативные реакции, приведенные испытуемыми к заданному вербальному стимулу (третья колонка). Цифры в скобках указыва-

ют на количество совпадающих реакций, отдельно фиксируются отказы:

айфон (видеоряд – дисковый телефон)	Iphone (1) айфон (3)	смартфон (4), сотик, звонок (2), гаджет, айпод; отказы – 2
айпед (видеоряд – электронная игрушка «Ну погоди!»)	–	планшет (4), смартфон, гаджет, дивайс, комп, <i>геймпат</i> (оказиональное); отказы – 4
Интернет (видеоряд - стенд для общего чтения газет)	интернет (11)	веб-портал; отказы – 2
шопинг (видеоряд - длинная очередь у магазина)	шопинг (5), шоппинг (2)	sale, сэйл, ТЦ (торговый центр), <i>шо-урум</i> (оказиональное); отказы – 3
кэш (видеоряд – бумажные деньги советского образца, хранящиеся дома в стеклянной банке)	кеш (2)	кредит, биткоин, корпоратив, бакс, банкноты, кешбэк (3); отказы – 4
чизкейк (видеоряд – песочное пирожное «Березка»)	чизкейк (3)	капкейк (3), десерт (3), мафин (2), бисквит (2); отказ – 1
фреш (видеоряд – березовый сок, добываемый из ствола дерева через воронку)	фреш (6)	блендер (2), смузи (2); отказы – 4

флешмоб (видеоряд – Ленин на субботнике)	–	воркдэй, PRдэй (оказионализмы) уик-энд; отказы – 11
мейнстрим (видеоряд – первомайская демонстрация)	–	флешмоб (4), викенд (2), показ, митинг, пикет, прайм-тайм; отказы – 4
первые посты (видеоряд – оценки и записи в учебном дневнике)	–	лайки (5), скрины, файты; отказы – 7
комменты (видеоряд – комментарии учителя в школьном дневнике)	комменты (6)	подписи, посты, комментарии, мемы; отказы – 4
интерактив (видеоряд – съезд партии)	интерактив (2)	корпоратив (3), телепроект, форум, саммит, пресс-конференция; отказы – 5
дресс-код (видеоряд – дети в пионерской форме)	дресс-код (7)	респект, лук («взгляд»), униформа, прикид; отказы – 3
корпоратив (видеоряд – утренник в детском саду)	корпоратив (3)	концерт (2), крутой тусяк, отказы – 8
швепс (видеоряд – газированная вода из автомата)	швепс (2)	спрайт (8), коктейль, дринк, автомат; отказы – 0

спрайт (видеоряд – сифон для газирования воды)	–	тоник, хендмейд, водомат, <i>газон</i> (от газировать); отказы – 10.
флешка (видеоряд – картонная перфокарта для хранения информации)	флешка (10)	схема, CD-карта; отказы – 2
гамбургер (видеоряд – бутерброд с колбасой)	гамбургер (3)	сэндвич (4), бургер (2), бутер; отказы – 4
твит (видеоряд – объявление на заборе)	твит (7)	баннер (2), прайм-тайм, лайфхак, веб-сайт, тендер; отказ – 1
блокбастер (видеоряд – кадр из кинофильма «Ирония судьбы...»)	блокбастер (4)	бестселлер (3), хит (3), стендап; отказы – 2
хит (видеоряд – Кола Бельды, исполняющий песню «Увезу тебя я в тундру» в национальном костюме)	хит (7)	стар, музон, рок-стар, дромм; отказы – 3.
брейк-данс (видеоряд – танец вприсядку)	брейк-данс (6)	брейк (2), данс, тектоник, танцпол, хип-хоп; отказы – 2
диджей (видеоряд – гармонист на демонстрации)	–	тамада (2), баян, аниматор; отказы - 7

кроссовер (видеоряд – автомобиль «Запорожец»)	–	джип (5), ленд кру- зер, пикап, внедо- рожник, монстр; от- казы – 5
бобслей (видеоряд – ре- бенок, скатывающийся на санках с горки – вперед головой)	бобслей (4)	снегocat, экстрим, сноуборд; отказы – 7
андроид (видеоряд – кадр из кинофильма «Гостя из будущего»): робот со встроенным для управления экраном)	андроид (5)	планшет, компью- тер, Глонасс, проек- тор; отказы – 5
гот (видеоряд – совет- ский киноактер Георгий Милляр в образе бабы Яги)	–	хорор, трансвестит, транс, полтергейст, хиппи, неформал; отказы – 8
Компьютер (видеоряд – электронно- вычислительная машина, величиной с комнату)	компьютер (10)	гаджет (2); отказы – 2
айпод (видеоряд – кас- сетный магнитофон)	айпод (5)	плеер (5), Itunes, ай- фон, CD; отказ – 1
офшор (видеоряд – бан- ки законсервированных огурцов и помидоров)	–	вклад (5), сейф, банк (2), банкомат, доллар. Отказы – 4
прайм-тайм (видеоряд –	прайм-	хит (3), ситком, мо-

кадр из кинофильма «Карнавальная ночь», где Л. Гурченко исполняет свою за песенку за пять минут до наступления Нового года)	тайм (1)	мент, релиз, час, секундмер, мюзикл; отказы – 4.
колл-центр (видеоряд – зал АТС)	колл-центр (9)	чат, сервер; отказы – 3
онлайн (видеоряд – бабушки, читающие одновременно одну газету, сидя на скамейке)	–	стендап (2), интернет, <i>ньюсвик</i> ; отказы – 10
стендап (видеоряд – Н. С. Хрущев на трибуне ООН)	стендап (3)	юморист, стендапер, комик, президент, пародист, президиум; отказы – 5
секс-символ (видеоряд – фотография киноактера Николая Рыбникова)	секс-символ (3)	кумир (4), суперзвезда; отказы – 6.
стартап (видеоряд – запуск первого космического корабля)	стартап (4)	Отказы –10
фрик (видеоряд – певица Жанна Агузарова)	(ни одного совпадения)	Киркоров, неформал, хайп, джокер, мейкап; отказы – 9.
бойбенд (видеоряд – ан-	бой-бенд/бойс	блэк стар; отказы – 1

самбль «Песняры»)	бенд (12)	
суши (видеоряд – бутерброд со шпротами)	суши (4)	роллы (3), устрицы, деликатесы, тосты, фишкинг, фишбургер; отказы – 2
абсент (видеоряд – бутылки с безалкогольными газированными напитками «Дюшес», «Лимонад» и др.)	–	спрайт (4), швепс (2) коктейль, джин-тоник; отказы – 6
фитнес (видеоряд – производственная гимнастика)	fitness (1), фитнес (6)	флешмоб; отказы – 6
страйк (видеоряд – русская народная игра в лапту)	страйк (1)	боулинг (8), гейм; отказы – 4
босс (видеоряд – Л.И. Брежнев)	босс (2)	вождь (3), лидер, президент, менеджер; отказы – 6
лайк (видеоряд - Л.И. Брежнев, целующий Э. Хонеккера на официальной встрече с ним)	лайк (4)	kiss/ поцелуй (5), зам (2), френд; отказы – 1

Полученные реакции респондентов в целом подтверждают выдвинутую гипотезу о механизмах считывания игрового креолизованного медиатекста как синкретичного комплекса, в котором (в данном случае) соотношение вербального и невербального кодов задает ассоциативные проекции его восприятия по

принципу отождествления и контраста. Нахождение игрового коррелята требует как минимум опознания самого прецедента советской эпохи, представленного невербальным видеорядом, затем вербальной перекодировки соответствующей информации с помощью номинаций, отражающих изменения не только в языке, но и в ментальности современного социума. Выбор ассоциативного коррелята в сравнении с пропущенным в тексте словом обнаруживает, **во-первых**, разную степень актуальности этой номинативной единицы для современного употребления в речи молодежи (ср., например, частотные *компьютер, лайк, айпад, айфон, стартап, бойбэнд* и т.п. и «редко воспроизводимые», низкочастотные *страйк, фрик, прайм-тайм*); **во-вторых**, выявляет лингвокреативный регистр наименования соответствующих реалий (см. созданные респондентами окказионализмы, использование экспрессивно-оценочных «замен», типа *крутой тусяк, музон, фишкинг, монстр*); **в-третьих**, демонстрирует вариативность аспектов осмысления связи между реалиями разных эпох, а также разную способность испытуемых к выстраиванию парадоксальной ассоциативной аналогии (в частности, затруднения, возникающие вследствие недостаточности лингвокогнитивной базы, фоновых знаний и игрового опыта респондентов).

Вместе с тем воздействующий потенциал рассмотренного игрового медиатекста неоспоримо связан с моделированием образа советской России в иронико-ностальгическом ключе, что отражает динамику ценностных ориентиров современного общества и их трансляцию, в частности, через игровое перекодирование культурных прецедентов.

ЛИТЕРАТУРА

Бубнова И. А. «Контенты», «баттлы», «квесты»: закономерность развития языка, креативность пользователей или нечто иное? // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. №2(27). 2018. – С. 59-72.

Горохова Д. В. Динамика содержания и номенклатуры прецедентных имен в языковом сознании носителей русской лингвокультуры. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2019.

Гридина Т. А. Реклама как игровой текст: прагматика кодов языковой игры // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. 2018. №16.

Гридина Т. А. Приколы "Русского радио": новые жанры медиадискурса в свете традиционной смеховой культуры // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 34-38.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Политические факты и лингвистические аргументы: прагматика креатива в газетном дискурсе // Политическая коммуникация. Материалы Международной научной конференции. 2013. С. 101-107.

Кузьмина Н. А. Современный медиатекст / Отв.ред. Н.А. Кузьмина. Учебное пособие. – Омск, 2011.

Ружицкий И. В. Цепочка ассоциаций как единица восприятия (Россия и русские в языковом сознании носителей иных культур) // Вестник Центра международного образования МГУ. 2011. №3. Культурология. С.75-82.

Солганик Г. Я. К определению понятий «текст» и «медиатекст» // Вестник МГУ. Серия 10. Журналистика. 2005. №2. С. 7-15.

Стексова Т. И. Улыбнуло: языковое творчество или безграмотность? // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. №2(27). 2018. – С. 418-430.

Шмелева Т. В. Авторский маскарад // Лингвистика креатива 2012. Коллект. моногр./ Под общей ред. проф. Т. А. Гридиной. – Екатеринбург, 2012. – С.238-259.

©Гридина Т. А., 2019

©Коновалова Н. И., 2019

Г. Р. ДОБРОВА

*(Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 81'23

РАЗЛИЧИЯ В РАЗВИТИИ ЛЕКСИКОНА МАЛЬЧИКОВ И ДЕВОЧЕК

Аннотация. В статье исследуется речевая продукция детей 2.10 – 3 лет. Проанализировано 100 Макартуровских опросников (50 мальчиков и 50 девочек), а также результаты проведенного эксперимента (по 11 мальчиков и девочек). Выявляется наличие различий в лексиконе мальчиков и девочек, но при этом выясняется, что эти различия отнюдь не всецело соответствуют общепризнанным. Так, обнаруживается, что лексикон девочек в целом, действительно, развивается раньше, чем лексикон мальчиков, однако в основном это касается лишь активного (но не пассивного) лексикона. Выясняется, что различия в знании девочками и мальчиками слов некоторых тематических групп не столь существенны, как это принято считать (хотя и имеют место), и что эти различия в очень значительной степени обусловлены актуальностью соответствующих референтов в практической деятельности детей разных полов. Выявляется большая склонность мальчиков в процессе освоения лексики опираться на функцию предмета, а девочек – на его форму. Кроме того, выясняется, что в ходе освоения гипогиперонимических гнезд мальчики и девочки могут начинать с освоения разных уровней лексических иерархий.

Ключевые слова: детская речь, онтолингвистика, лексикон мальчиков и девочек, опора на функцию предмета, опора на форму предмета, освоение детьми гипогиперонимических отношений.

В онтолингвистике (науке о речевом онтогенезе) универсальные особенности речевого развития детей изучены уже довольно хорошо¹⁶. Вариативность же речевого развития детей изучена значительно меньше. В первую очередь недостаточно изученной представляется вариативность речевого онтогенеза, обусловленная так называемыми групповыми различиями детей, – различиями в речи референциальных/экспрессивных детей,

---

¹⁶ Термин «онтолингвистика» был предложен С.Н. Цейтлин в 1997 г. и с тех пор получил достаточно широкое распространение. См., например, [Гридина 2013].

мальчиков/девочек, детей из семей с высоким/низким социокультурным статусом и др.

Так, в частности, недостаточно изученными представляются различия в речевом развитии мальчиков и девочек. Несмотря на существование отдельных (разрозненных) исследований этих различий, целостных многоаспектных исследований этой проблемы (по крайней мере – в нашей стране), насколько нам известно, нет. Отсутствие такого рода исследований связано, как представляется, не с отсутствием интереса к этим различиям, а с тем, что заранее предполагается, что эти различия и так достаточно хорошо известны. Проведенный же нами в последние годы анализ материала детской речи показывает, что а) считающееся общепризнанным не всегда и не всецело подтверждается и что б) существуют такие различия в речевом развитии мальчиков и девочек, о которых пока вообще не известно или, как минимум, известно крайне мало.

Наиболее распространенным и известным является утверждение о более раннем речевом развитии девочек (см., например, [Штерн 1922; Еремеева, Хризман 1998; Елисеева, Вершинина, Рыскина 2016]. Однако последняя группа авторов (которые, в отличие от названных до них, опирались на строгую статистику), хотя и подтверждает в целом, что девочки опережают мальчиков в речевом развитии, вносит в это утверждение существенные уточнения. В частности, они подтверждают, что в возрасте 15-18 месяцев существуют статистически значимые различия в активном лексиконе в пользу девочек [Елисеева, Вершинина 2017а: 697] и что в возрасте с 18 до 36 месяцев активный словарь девочек также значительно опережает активный словарь мальчиков. Вместе с тем, указанные авторы выявляют и некую тенденцию, имеющую противоположный вектор – что постепенно мальчики увеличивают скорость усвоения слов и к трем годам почти догоняют девочек [Елисеева, Вершинина 2017б 75-78]. Кроме того, авторы обнаруживают, что «в области понимания речи на самых ранних этапах мальчики в целом почти не отстают от девочек» [Елисеева, Вершинина 2017а: 696].

Нам представляется особенно существенным то, что авторы выявляют почти одинаковое понимание речи мальчиками и девочками. Мы уже много лет пишем о том, что при сопоставле-

нии речевого развития мальчиков и девочек необходимо сравнивать не только их активный, но и их пассивный лексикон, а также о том, что именно в пассивном лексиконе расхождения совсем не столь однозначны (см., например, [Доброва 2013а, 2018]). Представляется существенным, что эти наши выводы подтвердились теперь и в исследовании других авторов, проведенном на другом языковом материале.

Таким образом, в целом, как представляется, всё же можно констатировать, что данное различие – опережение девочек – подтверждается, хотя и с некоторыми (довольно существенными) уточнениями.

Вторым общепризнанным различием в речевом развитии мальчиков и девочек считаются особенности освоения тех или иных тематических групп: например, девочки лучше знают слова, относящиеся к тематической группе «одежда», а мальчики – к тематической группе «транспорт». Эти различия считаются настолько существенными, что некоторые исследователи [Овчинникова 2003] даже называют некоторые слова типа «машина» «гендерно маркированными».

Вместе с тем, полученные нами данные показывают, что и в отношении этих «гендерно маркированных» групп не всё подтверждается.

Нами было проведено исследование, заключавшееся в анализе материалов Макартуровского опросника (опросник родителей детей раннего возраста – примерно до 3 лет) и разработанного и проведенного эксперимента.

Было проанализировано 100 опросников – 50 представляли данные мальчиков и 50 – девочек. Если М.Б. Елисеева и ее соавторы рассматривают все возрастные группы в пределах раннего возраста, то в нашем исследовании были проанализированы данные только старших детей раннего возраста – детей около трех лет (2;10–3;1). Эксперимент был проведен с детьми того же возраста.

Этот возраст был выбран по той причине, что именно к этому периоду, как показывают наши наблюдения, дети уже не просто воспринимают себя как девочек или мальчиков, но и принимают на себя «гендерные роли». Иными словами, к этому возрасту девочка уже понимает, что она девочка и потому

должна интересоваться «женскими темами» — одеждой, аксессуарами и т.п., а мальчик уже понимает, что он мальчик и потому должен интересоваться «мужскими темами» — различными видами транспорта, оружия и др. Разумеется, нельзя не задать себе вопрос: подобная разнонаправленная склонность детей разного пола предопределена биологическими факторами или же социальными? Сами ли дети имеют (от природы) подобную предрасположенность или же это взрослые (родители детей и др.) «воспитывают» ее в детях, внушают ее детям? Наверное, однозначного ответа на этот вопрос не существует (подробнее см. [Доброва 2013б]). Что касается материалов данного исследования, то в нашем распоряжении есть некоторые данные как в пользу одного предположения, так и в пользу другого, причем некоторые из них, свидетельствующие, казалось бы, о подтверждении одного из предположений, могут быть трактованы и в пользу второго. Приведем следующий пример: девочка трех лет пошла в частную английскую группу, и так сложилось, что, кроме нее, все остальные дети в этой группе на тот момент были мальчиками. И все они постоянно играли с игрушечными пистолетами, обсуждали разные виды оружия и т.п. Вскоре девочка потребовала от родителей, чтобы ей тоже купили игрушечный пистолет. Через несколько дней родители обнаружили, что она укутала пистолет в какие-то тряпки, ходит и укачивает его, приговаривая: «Ах ты мой сыночек, ах ты мой пистик». Первая мысль, которую вызывает этот пример: биологическое «перебороло» влияние социального. Однако так ли это? Нельзя ли предположить, что к этому возрасту (к трем годам) у данной девочки уже сложились определенные гендерные стереотипы: она знала, что она — девочка, и привыкла играть «в дочки-матери». Другой пример: мальчика воспитывали родители, из принципиальных соображений пацифистского характера не знакомившие его с оружием, не покупавшие ему игрушечные пистолеты и т.п. К трем годам (и в дальнейшем) мальчик, в отличие от своих сверстников, проявлял полное равнодушие к игрушкам и играм такого рода.

Данные примеры, разумеется, не могут свидетельствовать ни в пользу природной «гендерной предрасположенности» детей к игрушкам определенного типа и, соответственно, словам опре-

деленных тематических групп, ни в пользу социальной обусловленности такого рода предрасположенности. Однако мы позволим себе предположить, что социального здесь все же больше, чем биологического.

Итак, при анализе Макартуровских опросников и в эксперименте рассматривались две («гендерно маркированные, как называют их исследователи) тематические группы – «одежда и обувь» (в том числе и некоторые аксессуары) и «транспорт».

Начнем с результатов анализа Макартуровского опросника и обратимся к наиболее заметным из них.

В тематической группе **«одежда и обувь»** в опроснике представлено 30 слов, мы выделяем из них 10 слов – те слова, в отношении знания которых разница между девочками и мальчиками оказалась наиболее заметной. Это слова: «босоножки», «бусы», «кофта», «носки», «кроссовки», «одежда», «платье», «рубашка», «туфли» и «шорты». Как видно из списка, в него вошли и согипонимы, и соответствующий гипероним.

Если посмотреть на результаты в целом, то, действительно, оказывается, что девочки (по мнению их родителей) знают эти слова несколько лучше, чем мальчики: средний результат различается на 7% в пользу девочек. Однако если разбираться со знанием каждого слова по отдельности, то результаты выглядят совсем иначе. Наиболее заметной разница «в пользу девочек» оказалась в знании слов «бусы» и «платье» (по 34% разница «в пользу девочек» в обоих случаях). Однако в знании других слов – «шорты», «рубашка» и «носки» – результаты оказались противоположными: оказывается (по мнению родителей детей), эти слова лучше знают мальчики (на 20%, 12% и 12% соответственно).

Какие выводы можно сделать на основании этих результатов? Во-первых, подтверждается, что девочки, действительно, в целом лучше знают слова данной тематической группы, чем мальчики. Во-вторых, разница (в 7%) совсем не так велика, как можно было бы предположить заранее. В-третьих, нельзя не обратить внимания на то, что лучшее/худшее знание соответствующей лексики явно связано с тем, лица какого пола носят данную одежду или аксессуары: платья или бусы носят только лица женского пола, а шорты и рубашку чаще (но не исключи-

тельно) носят мальчики. Что же в таком случае отражают результаты – лучшее знакомство девочек со словами тематической группы «одежда» или же лучшее знакомство детей с теми предметами, которые важны в их практической деятельности?

Вместе с тем, будем учитывать, что эти данные основаны на мнении родителей детей и могут отражать не то, что знают или не знают дети на самом деле, а лишь то, как представляют себе объем этих знаний их родители.

В тематической группе **«транспорт»** в опроснике представлено 13 слов, мы выделяем из них 5 слов – те слова, в отношении знания которых разница между девочками и мальчиками оказалась наиболее заметной («паровоз», «грузовик», «машина», «пожарная машина» и «самолет»).

В целом обнаруживается лучшее знакомство мальчиков со словами данной тематической группы (разница «в пользу мальчиков» – 9%). Различие оказалось менее ожидаемого, но всё же достаточно существенным.

Вновь подчеркнем, что данные основаны на родительском опроснике, и есть вероятность, что они отражают не истинные знания детей, а то, как их родители представляют себе объем этих знаний.

На втором этапе данного исследования проводился эксперимент с 22 детьми – 11 мальчиками и 11 девочками в возрасте 2;10-3;0. В первом задании проверялся активный лексикон (способность назвать различные разновидности одежды и транспорта).

Результаты эксперимента в целом полностью подтвердили данные опросника. Так, в знании слов тематической группы «одежда» девочки, действительно, несколько опередили мальчиков (на 5%), но разница оказалась не слишком существенной (и при этом даже меньшей, чем она получилась, по мнению родителей детей). И опять оказалось, что всё зависит от того, лица какого пола носят данные виды одежды: «женские виды одежды» лучше знают девочки, а «мужские виды одежды» – мальчики. Так, «разница в пользу девочек» касается слов «сарафан», «купальный костюм» («купальник»), «юбка», «бусы» (интересно, что, в отличие от того, что думают родители, мальчики этого слова вообще не знают: родители думают, что его знает 34%

мальчиков, а в эксперименте это слово не смог назвать ни один мальчик). Соответственно, «разница в пользу мальчиков» касается слов «брюки», «ботинки» и «рубашка».

Таким образом, по данным и опросника, и эксперимента можно утверждать, что различия в основном зависят от того, кто носит данный вид одежды, – лица женского или мужского пола. Кроме того, можно предположить, что «разница в пользу девочек» в целом в тематической группе «одежда» обусловлена тем, что есть виды одежды (или аксессуаров), которые практически носят только лица женского пола (бусы, юбка, сарафан), но почти нет видов одежды, которые носят исключительно лица мужского пола (брюки, ботинки, рубашку чаще носят мужчины, но и женщины нередко их тоже надевают). Сказанное наводит на мысль, что лучшее знакомство девочек со словами тематической группы «одежда» вообще весьма сомнительно и условно: дети лучше знают те виды одежды, которую они сами носят. Поэтому называть тематическую группу «одежда» «гендерно маркированной» мы бы не стали.

Результаты эксперимента, касающиеся тематической группы «транспорт», также подтвердили данные Макартуровского опросника. Мальчики, действительно, лучше девочек знают слова данной тематической группы (лучше на 7%, что, кстати, вновь меньше того, что предположили родители детей). В отличие от тематической группы «одежда», в данной тематической группе сложно было найти слова, обозначающие предметы, используемые исключительно или по большей части мужчинами или женщинами. Тем ценнее представляются различия в знании детьми слова «мотоцикл» (единственного, как нам представляется, средства транспорта, которое используется в нашей стране в основном мужчинами и при этом уже знакомого детям трех лет): разница «в пользу мальчиков» оказалась здесь 45%. Таким образом, данные этой части эксперимента если и не опровергают полностью наличие «гендерно маркированных» тематических групп, то ставят его под некоторое сомнение.

Более существенные, как представляется, различия в реакциях мальчиков/девочек выявились в задании, в котором требовалось «найти лишнее» (проверка особенностей генерализации). Детям предъявлялись изображения свитера, футболки, безру-

кавки (теплой) и кофты с застежкой. Большинство мальчиков посчитало, что лишней в этом «наборе» является футболка (так ответило 45% мальчиков и только 9% девочек), а большинство девочек – что безрукавка (так ответило 55% девочек и лишь 19% мальчиков). Представляется, что есть некоторые основания полагать, что девочки скорее обратили внимание на форму предмета (наличие/отсутствие рукавов), а мальчики – на предназначение (согреть: футболка – единственный легкий вид одежды в этом наборе).

Если трактовать полученные различия именно таким образом, то становится понятным и выявленное различие во втором задании цикла «найди лишнее», в котором детям предъявлялся уже другой набор предметов. Из 4 предметов (сапоги, валенки, резиновые сапоги и туфли) девочки посчитали лишними туфли (так ответило 36% девочек и лишь 18% мальчиков), а мальчики посчитали лишними резиновые сапоги (так ответило 46% мальчиков и лишь 18% девочек). Таким образом, девочки опять же, по-видимому, обращают внимание на форму предмета (высота обуви), а мальчики – на предназначение (возможность использовать для бега по лужам; некоторые мальчики, кстати, устно так и мотивировали свой выбор – «в них можно бегать по лужам»).

Таким образом, мы выдвигаем предположение, что в процессах генерализации и дифференциации референтов соответствующих лексем мальчики обращают больше внимания на функцию предмета, а девочки – на его форму¹⁷.

---

¹⁷ Полагаем, что в пользу предположения о большей значимости для мальчиков функции предмета, а для девочек – его формы, говорит и следующий факт. В проведенном под нашим руководством в 2018 г. исследовании в рамках написания магистерской диссертации на тему «Освоение детьми гипо-гиперонимических отношений в зависимости от гендерного фактора» Д. В. Морозов выявил, что при попытке как-то обозначить гипероним к названным согипонимам, если дети не знали этого гиперонима, мальчики (не девочки) указывали на действие, производимое с помощью предметов данного рода, а девочки – на их внешние признаки.

Таким образом, действительно, обнаружилось наличие некоторых различий у детей в возрасте приблизительно 3-х лет в знании слов различных тематических групп: девочки несколько лучше знают названия одежды (но не всех видов одежды), обуви и аксессуаров, а мальчики – видов транспорта. Вместе с тем, результаты показали, что различия обусловлены не так общей склонностью/несклонностью детей разных полов к различению слов-согипонимов данных тематических групп (и их референтов), как актуальностью данных предметов для лиц того или иного пола. Представляется, что, если это, действительно, так, то детская речь в данном случае лишь отражает какие-то социальные особенности.

Потому более существенными для онтолингвистических исследований представляются другие выявленные факты – например, более частое использование мальчиками (в целом хуже, чем девочки, владеющими лексикой из тематической группы «одежда») обобщающего слово-гипероним «одежда». Может быть, дети вообще чаще используют гипероним в ситуациях, когда по какой-либо причине не знают гипонимы? Сходные результаты были получены нами в экспериментах с детьми-инофонами. Это дети, приехавшие из Таджикистана, Дагестана и т.д., русский язык для них родным не является. В данном эксперименте участвовали значительно более старшие дети (учащиеся 2-4 классов). Эти дети должны были в ходе эксперимента назвать изображенные на картинках предметы, и они, когда знали гипонимы, их легко называли (кофта, платье и др.). Однако если они не знали гипонима, то называли вместо гипонима гипероним (например, ребенок отвечал подряд: «Это кофта», «Это платье», «Это одежда» – о футболке). Поэтому можно предположить, что более частое использование трехлетними мальчиками (не девочками) гиперонима «одежда» может быть связано с тем, что мальчики хуже девочек знают согипонимы из этого ряда (что, в свою очередь, как было показано выше, может быть связано с актуальностью/неактуальностью различных видов одежды для лиц разных полов и наличием исключительно женских видов одежды и отсутствием исключительно мужских ее видов).

Кроме того, результаты исследования могут позволить поставить и более общий вопрос: нельзя ли предположить, что для

мальчиков и девочек базовыми уровнями освоения лексики применительно к той или иной тематической группе могут оказаться разные уровни. При лучшем знании согипонимов, например, девочками, для них базовым уровнем окажется уровень согипонимов, а для мальчиков применительно к той же тематической группе, если мальчики не очень хорошо знакомы с согипонимами, базовым окажется уровень гиперонима. Это утверждение, кстати, никак не противоречит общим представлениям о том, какой уровень усвоения лексических иерархий является для детей базовым, – тот уровень, который более существенен для практической деятельности ребенка. Позволим себе на этом основании сделать вывод, что в процессе освоения лексики детьми разных полов возможно наличие расхождений в том, какой уровень иерархии оказывается базовым. Представляется, что самый факт наличия этой разницы в речевом онтогенезе мальчиков и девочек – более значим, чем знание/незнание мальчиками и девочками тех или иных конкретных слов.

Таким образом, результаты исследования показывают, что различия в развитии лексикона мальчиков и девочек имеют место и что эти различия – не всегда такие, как это считается. Так, выявляется, что лексикон девочек в целом, действительно, как это и считается, развивается раньше, чем лексикон мальчиков, однако в первую очередь это касается активного (но не пассивного) лексикона. Кроме того, различия в знании девочками и мальчиками слов некоторых тематических групп не столь существенны, как это принято считать (хотя и имеют место), и (главное) эти различия в очень значительной степени обусловлены актуальностью предметов (и соответствующих слов) в практической деятельности детей разных полов. Выявляется также большая склонность мальчиков в процессе освоения лексики опираться на функцию предмета, а девочек – на его форму. Кроме того, выясняется, что в ходе освоения гипогиперонимических гнезд мальчики и девочки могут начинать с освоения разных уровней лексических иерархий. В целом же полученные результаты, как представляется, свидетельствуют о необходимости дальнейшего изучения различий в освоении лексики (и шире – языка в целом) мальчиками и девочками.

ЛИТЕРАТУРА

Гридина Т.А. Онтолингвистика: Язык в зеркале детской речи. – М., 2013.

Доброва Г.Р. Вариативность речевого развития детей в зависимости от наличия/отсутствия у них старшего сиблинга // Проблемы онтолингвистики – 2013. Материалы международной научной конференции. 2013а. С. 300–306.

Доброва Г. Р. О влиянии социальных и/или биологических факторов на особенности освоения языка детьми // Уральский филологический вестник. Серия: Психоллингвистика в образовании. 2013б. № 4. С. 19-28.

Доброва Г. Р. Вариативность речевого развития детей. – М., 2018.

Елисеева М. Б., Вершинина Е. А., Рыскина В. Л. Макартуровский опросник: русская версия. Оценка речевого и коммуникативного развития детей раннего возраста. Бланки опросников. Образцы анализа. Комментарии. – Иваново, 2016.

Елисеева М.Б., Вершинина Е. А. Гендерные особенности речевого и коммуникативного развития детей 8-18 месяцев (на материале русского языка) // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2017 а. Т. 13. № 3. С. 680-708.

Елисеева М.Б., Вершинина Е.А. Макартуровский опросник как инструмент диагностики лексического развития детей от 8 до 36 месяцев // Специальное образование. 2017 б. № 3 (47). С. 66-81.

Еремеева В. Д., Хризман Т. П. Мальчики и девочки — два разных мира. – СПб., 1998.

Овчинникова И. Г. Языковое сознание шестилетнего ребенка: гендерный и когнитивный параметры // Возрастное коммуникативное поведение. Вып. 1. – Воронеж, 2003. С. 132-142.

Штерн В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста: С использованием в качестве материала ненапечатанных дневников Клары Стерн / пер. М. А. Энгельгарда. – 2-е изд. – Петроград, 1922.

©Доброва Г. Р., 2019

М. А. ЕЛИВАНОВА

*(РГПУ им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия)*

В. А. СЕМУШИНА *(Институт иностранных языков,
г. Санкт-Петербург, Россия)*

УДК 82-1:81'23

ФОНОСЕМАНТИЧЕСКАЯ НЕОДНОРОДНОСТЬ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ СО СМЫСЛОВОЙ АЛЬТЕРНАТИВНОСТЬЮ В ВОСПРИЯТИИ СИНЕСТЕТОВ

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы синестезии, проявляющейся в том, что раздражение в одной сенсорной или когнитивной системе ведет к автоматическому непроизвольному отклику в другой сенсорной системе.

Субъективный метод звуко-цветового и фоносемантического анализа у синестетов не вполне совпадает с методом автоматического анализа, основанного на расчёте частоты букв в тексте. Обнаружить на интуитивном уровне фоносемантическую противоречивость содержащих в себе смысловую альтернативность поэтических текстов могут те синестеты, которые опираются на своё образное художественное мышление и спонтанную эмоциональную оценку звукоцвета. Они с разной степенью вероятности могут понять неоднозначность звучания и цвета текста или испытать дискомфорт от когнитивного диссонанса, вызванного неясной для них фоносемантической неоднородностью стихотворения.

Ключевые слова: синестезия, синестет, интуитивный фоносемантический анализ, буква, звук, цвет, смысловая альтернативность, когнитивный диссонанс, поэтический текст.

Фоносемантика имеет своим предметом изучение звукообразовательной системы языка. Эта наука основывается на том, что фонетические средства языка несут в себе свой самостоятельный смысл. У её истоков находятся создатель теории фонетического значения А. П. Журавлёв [1974] и основатель звуко-символизма как направления лингвистики С. В. Воронин [1982]. Главный принцип фоносемантики – мотивированность (непроизвольность) языкового знака, согласно которому автор художе-

ственного текста при его создании непроизвольно использует звуковые символы, которые являются средством выражения особой образности, настроений и чувств. Примарные значения звуковых символов могут затем интуитивно восприниматься читателями.

А. П. Журавлёв [1974] разработал методику фоносемантического анализа текстов на компьютере с учётом средних оценок фонетического значения звуков речи и отклонений их частоты от нормальной частотности. Причём он ограничил использование своего метода теми случаями, когда в тексте чётко выражена или явно преобладает одна тема, одно настроение или чувство. Из примеров фоносемантического анализа стихотворений [Журавлёв 1991] видно, что полученные им результаты находятся в гармонии с содержанием поэтических текстов.

В последнем десятилетии возрос интерес к фоносемантическому исследованию художественных текстов с помощью метода компьютерной лингвистики. Например, в своей кандидатской диссертации Д. С. Ищенко [2007] провела компьютерный анализ ряда стихотворений В. Я. Брюсова и установила, что он помогает обнаружить те фоносемантические и цветофоносемантические ассоциации, которые несут в себе текстофонемы. Она показала возможности компьютерного анализа для декодирования присутствующих в некоторых из стихотворных текстов двух контрастных смыслов семантики звуков и их цвета.

При изучении фоносемантических аспектов поэтической речи обычно исследуются тексты произведений. Реже учитывается также роль читателя [Прокофьева, Шуришина 2003]. Не уделяется должного внимания особенностям фоносемантического восприятия текстов синестетами. Мы полагаем, что именно синестеты, которые сознают не только свои слуховые ощущения, но и свои соощущения цвета, способны лучше обнаруживать заключённые в поэтическом тексте фонетические смыслы.

Целью данной статьи было выяснить, могут ли синестеты обнаруживать смысловую альтернативность, заложенную фонетическими средствами в текст, опираясь на своё восприятие его звукоцвета и образное мышление.

Исследование выполнено с участием четырёх синестетов, три из них с художественным типом ВНД по И. П. Павлову и один – с мыслительным. Им были предложены для анализа поэтические тексты А. Белого и В. Набокова, содержащие в себе ту или иную смысловую альтернативность.

Предварительная инструкция состояла в том, чтобы, читая текст вслух и не вдумываясь в смысл слов, определить своё впечатление об общем его цвете и указать, цвета каких букв (слово «буква» здесь и далее получает значение «звук/буква») в нём преобладают. Предлагалось также сообщить, какие образные ассоциации вызывает звуко-цветовой облик текста.

Проведенный респондентами звуко-цветовой и фоносемантический анализ текстов стихотворений показал следующие результаты.

А. Белый. Звезда. *Упал на землю солнца красный круг, / И над землёй, стремительно блистая, / Приподнялась зеркальность золотая / И в пятнах пепла тлея. / Всё вокруг вдруг стало: и – туманисто, и – серо... / Стеклянно зеленеет бирюза, / И яркая заяснилась слеза – / Алмазная, алмазная Венера.*

С. Желязко, графемно-фонемный синестет. Общий цвет стихотворения прозрачно-голубо-золотой. Слова БЛИСТАЯ, ЗЕРКАЛЬНОСТЬ, СТЕКЛЯННО и СЛЕЗА прозрачные, в тексте много синих П и В, но из-за прозрачности слов рядом они становятся голубыми. Впечатление усиливает голубое слово ВЕНЕРА. Частый звук З и слово ЗОЛОТО дают золотой цвет.

А. Волков, фонемный синестет. Стихотворение всё в вертикальную коричневую полосу (из-за красноватых М и Я на зеленом фоне, они создают переходные оттенки коричневого), в конце цвет светлеет от белого гласного А. Преобладают цвета З (светло-зелёный), М (красный), В (зелёный).

О. Турьева, графемно-фонемный синестет. В первой половине текста стихотворения почти в каждом слове есть буквы З и С, обе они «железные», только буква З с желтым оттенком, а буква С – с серебристым. Эти звуки не окрашивают стихи, а как бы «прошивают» их. Ассоциация возникла почему-то с вязанным крупной вязкой свитером или джемпером кирпичного цвета из-за слова УПАЛ. Буква У очень сильно влияет на первую строч-

ку, придавая ей кирпично-красный цвет. Слова ЗЕРКАЛЬНОСТЬ ЗОЛОТАЯ жёлто-золотого цвета. Слово ЗОЛОТО соответствует по цвету этому металлу. Затем следуют два предложения серого цвета. Слово ПЕПЕЛ тоже очень подходит по цвету к самому пеплу. Концовка немного отдает зеленым и «прошита» звуками З и С. Слово ВЕНЕРА видится красно-коричневым с зеленым, очень яркие цвета и красивое их сочетание. А слово ЗЕМЛЯ – это смесь железа и тьмы.

М. Дубровская, графемно-фонемный синестет. Указала, что 1-ая строка желто-белого цвета (желтые – У и слово СОЛНЦЕ, О – белое), 2-ая – зеленая и коричневая (З – зеленое), 3-ья – коричневая (этот цвет дают все буквы, сливаясь), 4-ая – красная с оттенком коричневого от слова ПЯТНАХ; в 5-ой строке темно-коричневое ВСЁ ВДРУГ СТАЛО и серо-синее ТУМАНИСТО, СЕРО; 6-ая строка зелено-белая, слово ЗЕЛЕНЕЕТ зеленого цвета из-за З, а слово СТЕКЛЯННО – прозрачно-бело-серое; 7-ая строка желто-металлическая (ЯРКАЯ – желтоватый, ЗАЯСНИЛАСЬ – металлический зеленый), 8-ая – красно-белая, так как буква А – красная, М – белая, а слово АЛМАЗНАЯ – красно-белое.

Произведенный информантами звуко-цветовой анализ показал, что роль частотности букв в окрашивании текста замечается неодинаково. С. Желязко указала на цвета часто встречающихся в тексте З, П и В, а о цвете гласных не упомянула. А. Волков выделил цвет звуков З, В, М, А, Я. О. Турьева отметила цвет З, С, У, а М. Дубровская – З, М, У, О, А. Респонденты, кроме А. Волкова, ссылаются не только на цвет букв, но и на цвет отдельных слов, которые являются для них «ключевыми» в восприятии цвета текста. Цвет слов зависит от составляющих их букв по-разному, он зачастую определяется положением букв в слове (большое значение часто имеет цвет первых букв в словах, реже – цвет букв в сильной позиции, однако не у С. Желязко, для которой цвет согласных в словах и тексте является решающим по сравнению с гласными), количеством одних и тех же букв в слове (от повторения буквы может расти влияние её цвета). Цвет отдельных букв может доминировать и придавать свой оттенок слову или перекрывать цвета других букв. Влияют так-

же и особенности оттенков букв в алфавите (лучше всего замечаются наиболее яркие цвета). С. Желязко и М. Дубровская отмечают, что иногда окраска слов у них не зависит от цвета букв и может ассоциироваться с цветом денотатов. У С. Желязко слова БЛИСТАЯ, ЗЕРКАЛЬНОСТЬ, СТЕКЛЯННО, СЛЕЗА «потеряли» цвет своих букв и стали прозрачными (под влиянием этих слов синие буквы в соседних словах изменили светлоту до голубого цвета). У М. Дубровской в слове СТЕКЛЯННО прозрачно-белый цвет даёт О, а сочетание СТК – серое. В жёлтом слове СОЛНЦЕ у неё жёлтые буквы Л и Ц, причём Л больше влияет и затмевает синюю С и белую О. Белый цвет О лучше проявляется в целой строке и даёт ей белый оттенок. Жёлтый оттенок слова ЯРКАЯ не совпадает с цветом букв в его составе, этот цвет напоминает яркие солнечные лучи. Сообщила также, что звуко-цветовой анализ текста труднее по сравнению с анализом цвета отдельных слов (об этом косвенно свидетельствует и слияние цвета букв в один цветовой тон в строках).

Таким образом, у синестетов цвет текста не всегда одинаково зависит от встречаемости в нём букв, которым придаётся разное значение при звуко-цветовом анализе вследствие индивидуальных особенностей синестезии. Возможен особый цвет слов, изменения оттенка звуков, слияние в один цвет звукосочетаний и целых строк. По этим причинам субъективный метод звуко-цветового анализа текста не полностью совпадает с компьютерным методом, который основан на выявлении повышенной частотности букв в тексте.

Стихотворение А. Белого содержит в себе символику с мрачным образом Земли (символом обыденного) и возвышенным образом Венеры (символом любви, красоты, творческих способностей). Только О. Турьева уловила звуко-цветовую неоднородность текста и наличие смысловых противоположностей в словах ВЕНЕРА и ЗЕМЛЯ. С. Желязко, хотя и высказалась, что оторвать звук и цвет от их смысла не может и её восприятие идёт по формуле ЗВУК + ЦВЕТ + СМЫСЛ = ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ, заметила лишь прекрасную идеальную сторону звуко-цветового облика поэтического текста. А. Волков смысла звуков и цвета не понимает. Он имеет мыслительный тип ВНД (по Т.П. Павлову),

плохо запоминает лица людей. Очевидно, в этом случае правое полушарие мозга, которое отвечает за восприятие образности и эмоциональной окраски речи, меньше участвует в аналитико-синтетической деятельности по сравнению с левым полушарием, которое доминирует при рациональном логическом мышлении. Вероятно, правополушарные функции не обеспечили здесь интуитивного осмысления звукоцвета поэтического текста. М. Дубровская смысла в звукоцвете текста тоже не нашла. При художественном типе ВНД она отличается низкой эмпатией (по EQ-тесту Н. Холла), которая основана на нейронных механизмах зеркального эмоционального резонанса и связана с правополушарным интуитивным пониманием [Бауэр 2009].

А. Белый. Солнце. *Солнцем сердце зажжено. / Солнце – к вечному стремительность. / Солнце – вечное окно / в золотую ослепительность. / Роза в золоте кудрей. / Роза нежно колыхается. / В розах золото лучей / красным жаром разливается. / В сердце бедном много зла / сожжено и перемолото. / Наши души – зеркала, / отражающие золото.*

С. Желязко. Стихотворение жёлто-золотое, жужжащее, как жук или оса, но доброе. Слово СОЛНЦЕ само жёлтое, в тексте много жёлтого С и золотого З. В слове РОЗА коричневое Р и золотое З были бы идеальны для цветовой гаммы, но троекратно повторённое само слово РОЗА розовое, его цветовой образ не в тему (цвет слова РОЗА зависит не от звуко-цветовых соответствий букв, а от ассоциации с цветом денотата).

А. Волков. Общий цвет стихотворения желто-зеленый, в конце переходит в синий с оттенком розового. В тексте преобладает звук С (его белый цвет переимчивый, он может принимать под влиянием соседних звуков светлые желтый и зеленый оттенки в зависимости от преобладающего цвета звуков рядом), Р (жёлтый), З (светло-зелёный) и Н (синий).

О. Турьева. Стихотворение будто бы состоит из металла, так как буква С металлического цвета. Возникает ощущение, что поэт морщился от боли и, сжимая зубы, издавал звук С при вдохе, как это бывает, когда терпишь боль. СОЛНЦЕМ СЕРДЦЕ ЗАЖЖЕНО – строка жёлтая, а по ощущениям – покрытая инеем, как будто сердце замёрзло. Общий цвет стихотворения жел-

тый, всё блестит, как золотое кольцо, так как в тексте очень много светло-жёлтого цвета буквы О. Ассоциация, вызванная цветом этого стихотворения, связана с большим жёлтым пламенем.

А. Белый вложил в стихотворение символический смысл: стремление к Солнцу, до которого невозможно добраться, желание уйти от злободневной обыденности. Солнце – это созидательный символ, средоточие интуитивного знания, божественный символ борьбы с мраком. С символом Розы связаны тайна, необходимая при посвящении тишина, а также любовь и радость. Роза может выступать как символ Солнца и поэтического вдохновения. Общее впечатление от цвета стихотворения у трёх респондентов светлое. С. Желязко заметила сложную фоновосемантическую природу данного стихотворения и присутствие в цвете текста двух тем (Солнца и Розы). Необычно частотные свистящий согласный С и шипящий Ж ассоциировались у неё с потенциально опасным насекомым, хотя и добрым. Можно считать, что выявлен глубинный смысл произведения, отражающий эмоциональные переживания поэта в момент создания стихотворения и выраженный через семантику звуков С и Ж. О. Турьева обнаружила по звукоцвету позитивную символику Солнца, а часто встречающийся звук С связала с неприятными ощущениями.

В. Набоков. *Есть в одиночестве свобода, / и сладость – в вымыслах благих. / Звезду, снежинку, каплю мёда / я заключаю в стих. / И, еженочно умирая, / я рад воскреснуть в должный час, / и новый день – росинка рая, / и прошлый день – алмаз.*

А. Волков. Общий цвет светло-голубой и зелёно-розовый. Преобладают цвета И – жёлто-зелёный, О – белый, Я – малиновый, Ж – болотный.

О. Турьева. Часто повторяется буква О, отчего вся первая строка видится светло-желтой. Вторая и третья строки «хрустят» или «шуршат», по цвету они серебристые. Следующие строки коричневого цвета от букв Ж, У и В в словах ЕЖЕНОЧНО, УМИРАЯ, ВОСКРЕСНУТЬ, ДОЛЖНЫЙ. Предпоследняя строка светлая, последняя – темная из-за согласных, они перекрывают цвета всех гласных. Так что одного определенного

цвета у этого стихотворения она не заметила. По ощущениям респондента стихотворение торжественное, как будто поэт что-то осознал и декларирует об этом во всеуслышание.

С. Желязко. «Звезду, снежинку, каплю мёда / я заключаю в стих» – золотой, желтый, светло-коричневый, бордовый и темно-лиловый и опять золотой и желтый (З, С, К, М, Я, З, С). Это красивое предложение, сразу запомнилось. Не нравится все вместе. По отдельности нормально, а целиком – странная цветовая гамма. Цвет прыгает, резкие переходы от очень ярких букв к очень темным. Это очень отвлекает от смысла звуков и цвета.

В. Набоков в данном начальном фрагменте стихотворения формулирует своё поэтическое кредо, в котором имеется два полюса: первый полюс – это идея стремления автора к свободе и эстетическому наслаждению, второй полюс – сам поэт, самодостаточный в меняющемся мире носитель дара. Все синестеты отметили отсутствие определённости в цвете текста. О. Турьева указала на цветовую неоднородность текста и на торжественный настрой поэта. С. Желязко почувствовала непонятную противоречивость в цветовой гамме стихотворения. При чтении текста у неё возникло неприятное чувство когнитивного диссонанса [Фестингер 1999], вызванного несоответствием содержащихся в стихотворении двух разных идей, закодированных поэтом фонетическими средствами его языка в тексте.

В. Набоков. Кипарисы. *Склонясь над чашею прозрачной - / над чашей озера жемчужной, / три кипариса чудно-мрачно / шумят в лазури ночи южной. / Как будто чёрные монахи, / вокруг сияющей святыни, / в смятенье вещем, в смутном страхе, / поют молитвы по-латыни.*

А. Волков. Общая окраска от темного каштанового в черный и к концу переходит в светлую под влиянием С и П. Преобладают цвета: Ч – темно-коричневый, К – красно-коричневый, М – красный, звук С имеет цвет изменчивый – белый, светло-жёлтый или светло-зелёный, П – бежевый.

О. Турьева. Много буквы Ч, которая окрашивает стихотворение в грязно-белый цвет, напоминающий цвет застиранного белого белья. Этот цвет плавно переходит в темные тона, так как в строках с пятой и по последнюю в основном темные со-

гласные. Но есть небольшие вкрапления света, которые даются светло окрашенными гласными О, А и Е в словах МОНАХИ, ВОКРУГ, ВЕЩЕМ, СТРАХЕ, ЛАТЫНИ. В слове СМЯТЕНЬЕ тоже есть светлое голубовато-зелёное Е, но оно гасится согласными С и М, а также тёмным согласным Н. Стихотворение не понравилось по ощущениям. Звук Ч неприятный, как будто автомобиль тормозит и трение шин об асфальт издаёт «чушкающий» звук, а цвет Ч (цвет застиранного белья) при этом ассоциируется с нищетой.

С. Желязко. Вначале текст светло-коричневый, темно-коричневый и жёлтый (много К, Ч, С). Под конец остаются жёлтый и синий (В, С), потом жёлтый уходит и остаются тёмно-синий (П) и что-то вроде лилового (может быть, сливаются бордовая М и голубая Л). Странный переход от коричневого к синему, отвлекает от смысла, не очень приятно стихотворение из-за этого.

В стихотворении В. Набокова представлена противоречивая мотивация: положительная (*прозрачная жемчужная чаша озера, лазурь ночи, сияющая святыня, молитва*) и отрицательная (*мрачные кипарисы, чёрные монахи, смятение и страх*). С. Желязко в своём анализе звуко-цветового облика текста отметила странность цветового перехода, смысла которого понять не смогла, и в результате возникло неприятное чувство диссонанса. О. Турьева тоже сообщила о переходе в цветовой тональности текста, а частый звук Ч вызвал у неё негативную реакцию. Возможно, она почувствовала двойственную мотивацию в тексте, но не отдала себе в этом ясного отчёта. Вероятно, состояние когнитивного диссонанса способствовало осознанию символического смысла звука Ч, который оказался неприятным. Чтение не содержащего смысловой альтернативности стихотворения А. Блока «Ветер гудёт на мосту меж столбами...», тоже имеющего высокую частотность звука Ч, не вызвало у неё неприятных ощущений в связи с этим звуком [Еливанова 2018].

Исследование показало, что фоносемантический анализ поэтических текстов синестетами лишь отчасти совпадает с методом автоматического анализа, основанного на расчёте частотности букв. Синестеты различаются по своей способности к обна-

ружению фоносемантической неоднозначности в текстах, которые содержат смысловую альтернативность. Противоречия в звуко-цветовом облике такого текста обнаруживаются теми респондентами, которые отличаются образностью и эмоциональностью своего восприятия. Опираясь на образное осмысление и эмоциональную оценку звуков и цвета, эти синестеты с разной степенью вероятности могут уловить смысловое значение звукоцвета текста или испытать чувство когнитивного диссонанса, которое сигнализирует о его фоносемантической разноречивости¹⁸.

ЛИТЕРАТУРА

Бауэр И. Почему я чувствую, что чувствуешь ты. Интуитивная коммуникация и секрет зеркальных нейронов / Пер. с нем. И. Тарасовой. – СПб., 2009.

Воронин С.В. Основы фоносемантики. – Л., 1982.

Еливанова М.А. Особенности звуко-цветового и фоносемантического анализа поэтических текстов синестетами // Psycholinguistics. Психолінгвістика. Психолінгвістика.. – 2018. – Вып. 24 (2). – С. 47–62. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psycholing-journal.com/index.php/journal/issue/view/29>

Журавлёв А.П. Фонетическое значение. – Л., 1974.

Журавлёв А.П. Звук и смысл. – М., 1991.

Иценко Д.С. Фоносемантические и цветофоносемантические художественные ассоциации в поэтической речи (на материале творчества В.Я. Брюсова): Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2009. [Электронный ресурс]. Режим доступа: new-issr.ru/_avtoreferats/01004630766.pdf

Прокофьева Л.П., Шуришина Т.И. Автор и читатель с точки зрения фоносемантики («Цветовые поля» стихотворения В. Набокова «Бабочка») // Антропоцентрическая парадигма в филологии. Ч 1. Литературоведение. – Ставрополь, 2003 – С. 475 – 485.

---

¹⁸ Мы благодарим синестетов за участие в подготовке данной статьи.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. / Пер. с англ.
А. Анистратенко, И. Знаешева. – СПб., 1999.

©Еливанова М. А., 2019

©Семушина В. А., 2019

Е. Н. ИВАНОВА

*(Уральский государственный педагогический университет,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 81'42:81'38

ОПЫТ ДИСКУРСИВНОГО ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЛЕКСИКОНА ИСТОРИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Аннотация: В статье затрагиваются вопросы реконструкции лексикона языковой личности. Существуют различные модели в представлении лексикона личности. Дискурсивная модель может быть успешно реализована в описании лексикона исторической языковой личности. Представлен фрагмент словаря А. Н. Демидова – знаменитого уральского промышленника XVIII в. Словник данного словаря содержит около 6 300 единиц. Рассматривается структура словарной статьи, система помет. Материалом для словаря служат деловые письма А. Н. Демидова к вышестоящим и нижестоящим адресатам. В зависимости от дистанции между адресантом и адресатом можно уверенно говорить и о двух типах текстов. Делается вывод о лексико-грамматических различиях текстов (преобладание лексических и грамматических архаизмов, усложненность синтаксиса в текстах первого типа). Выявляются устойчивые формулы, в том числе этикетные, функционирующие в деловых письмах. Отмечается склонность А. Н. Демидова к использованию общеупотребительных слов в профессиональном контексте.

Ключевые слова: языковая личность, дискурсивные практики, предпочтения языковой личности, дискурс, историческая личность.

В практике современного лексикографического описания языковой личности представлены различные модели реконструкции лексикона, среди которых следует особо отметить контекстуальную, тезаурусную и дискурсивную. Первая предполагает описание лексических единиц с учетом их контекстуального значения (эта модель представлена в словарях диалектной языковой личности (см. например: [Лютикова 2000; Тимофеев 1971; Тимофеев, Тимофеева 2010]) и в значительной части словарей языка писателей (см.: [Словарь языка Пушкина 1956-1961])). Тезаурусная модель представления лексикона языковой

личности писателя реализована, в частности, И. В. Ружицким в описании языковой личности Ф. М. Достоевского (см. например: [Ружицкий 2003; 2015]). Эта модель предполагает отбор лексических единиц для толкования, введение специфических параметров описания, которые формируют тезаурус личности. Дискурсивная модель реконструкции лексикона личности ориентирована на дискурсивные практики личности, так или иначе проявленные в текстах, принадлежащих ей, и дает возможность включения всех лексем в словарь, формулирование значений слов с учетом письменной и устной форм речи, коммуникативных регистров, а также частотности употребления и сфер бытования тех или иных слов. Последняя модель может быть успешно использована в описании лексикона исторической языковой личности первой половины XVIII в.

Материалом для Словаря выступают письма и распоряжения первой половины XVIII в., выполненные писцами от имени Акинфия Никитича Демидова, дополненные и заверенные им. Самый ранний документ датируется 05.09.1703, самый последний – 24.02.1746. Выявлены письма за следующие годы: 1703, 1720–1724; 1726–1728; 1730–1735; 1737–1744; 1746 (дата составления копии). Число писем за каждый год неодинаково. Среди документов отчетливо прослеживаются два типа: I – донесения, прошения, челобитные в вышестоящие инстанции к вышестоящим адресатам; II – определения, приказы, инструкции нижестоящим адресатам.

Приведем пример типичного текста I типа.

*В № 1056*¹⁹

В'Сибирской оберъ бергъ амтъ

Доношение

Прошедшаго июня 11 дня сего 1724 года в'указе его императорского величества из'Сибирского оберъ бергъ амта ко'мне написано; велено по присланному указу от'господина алтилерии генераль маэора Вилима Ивановича Геннина отнятую у'меня

---

¹⁹ В примерах сохранены графические, орфографические и пунктуационные особенности источника, за исключением использования буквы «ять».

Куринской пристани часть отдать мне, а с той пристани которое г[о]с[у]д[а]р[е]во строение анбары и прочее все что есть перенести мне своими людьми на другое место по указанию господина камисара Неклюдова.

И по оному его императорского величества указу присланному из обер берг амта означенной камисар Неклюдовъ вышеписанной Куринской пристани часть намъ по прежнему отдал, и с той пристани где г[о]с[у]д[а]р[е]во строение переставить мѣсто показал, и на то указное место г[о]с[у]д[а]р[е]во хорошее строение мы перенесли и пристань устроили какъ надлежитъ своими работными людьми.

Да сего июля 25 дня при указе его императорского величества из Сибирского обер берг амта прислана копия с указу присланного из г[о]с[у]д[а]рственной военной коллегии велено на отца моем Никите Демидовиче задержание беглого рекрута Алексея Иванова с[ы]на Челого доправить штрафа тридцат шесть рублей и доправя прислать в военную коллегию.

На что доношу. Отца моего камисара Никиты Демидовича н[ы]не в Сибири при Невянских заводах нетъ. А обретаецца уже другой годъ в Туле и вышеписанные штрафные д[е]нги еще достойно и означенной беглой рекрутъ ежели допросом своим правду показал можетъ заплатить в ту Г[о]с[у]д[а]рственную военную коллегию в Москве или в Санкѣт Питербурхе, и о семъ я к нему отцу своему Никите Демидовичю писат буду.

О семъ доносить Акинфей Демидовъ (автограф)
июля 27 д[е]нь 1724

ГАСО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 46. Л. 78–80.

Вторую группу документов представляют распоряжения и письма А.Н. Демидова к своим приказчикам в конторы, т.е. к нижестоящим адресатам. В этих документах более простые конструкции, свойственные скорее разговорной речи, меньше грамматических архаизмов. Например, типичное послание приказчику:

Степан Егоровичъ

Реэстръ данной на отводные медныя рудники [места] (не-
нужное слово взято писцом в скобки) в Кунгурскомъ уезде по
силе указу из Сибирского обер берг амта капитаномъ Берли-
нымъ писанно рукой шихмейстера Москвина подлинной ежели

онъ у'тебе имеетца то ево привези к'намъ с'собой, а'хотя и'у'вас не'имеетца, то для'отискания ево преед[Ъ] немедленно сюда. А'всемерно приед[Ъ] сюда сего февраля къ 4 числу.

Акинфей Демидовъ (автограф)

2 февраля 1732

РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 600. Л. 10.

Словарь исторической языковой личности относится к словарям полного типа, фиксирующим и толкующим все лексемы без исключения. «Словарь русского языка XVIII века», продолжающий выходить отдельными выпусками (несмотря на то, что к настоящему времени лексикографический проект не завершен) является для нас «отправным пунктом» в лексикографическом представлении словарного состава описываемой исторической языковой личности.

Порядок расположения слов в Словаре – алфавитный.

Объем лексикона А.Н. Демидова составляет более 6 300 единиц.

Система словарных помет в Словаре исторической языковой личности предполагает введение и использование двух типов помет, как в толковых словарях: грамматических и функционально-стилистических.

Грамматические пометы: для имени существительного – форма родительного падежа, род, собирательность; для имени прилагательного и для местоимения – окончания форм женского и среднего рода (для изменяющихся по родам), разряд; для глагола – совершенный/несовершенный вид.

Функционально-стилистические пометы указывают на сферу бытования (использования) термина: *металл.* – металлургия; *мех.* – механика, *горн.* – горное дело; *делопр.* – делопроизводство, а также на генетическую принадлежность к церковнославянскому языку: *слав.* – славянизм; на эмоционально-экспрессивную окрашенность лексических единиц: *ирон.* – иронично; *шутл.* – шутливо; *пренебр.* – пренебрежительно; *ласк.* – ласкательно.

Структура словарной статьи в Словаре исторической языковой личности включает следующие элементы:

- 1) заголовочное слово в начальной форме;
- 2) графические или орфографические варианты слова;

- 3) частотность;
- 4) значение или система значений;
- 5) грамматические пометы;
- 6) контекст, иллюстрирующий употребление (с сохранением большинства орфографических и пунктуационных черт);
- 7) паспортизация (в скобках указывается дата написания или дата получения в случае отсутствия первой);
- 8) функционально-стилистические пометы;
- 9) этимологическая справка для заимствованной лексики;
- 10) указание на тип документов (I – письма и бумаги, обращенные к вышестоящим адресатам; II – письма, распоряжения, инструкции нижестоящим адресатам – преимущественно приказчикам в заводские конторы), жанр (эпистолярный), коммуникативную сферу (например, этикетные формулы).

Ниже следуют образцы различных словарных статей (фрагмент Словаря), демонстрирующие приемы лексикографического описания.

ВЕЛИКИЙ, -ая, -ое. 134. Превосходящий общий уровень, обычную меру, значение, выдающийся, значительный.

В письмах к нижестоящим адресатам (II): ...огонь великой ей подобна... (06.10.1738); Угар великой бывает. (23.11.1741); Таковую великую сумму пороху (04.10.1737).

В письмах к вышестоящим адресатам (I): ...к' вамъ писал с' великимъ подтверждениемъ (23.08.1733).

ВЕЛИКАЯ ♦ великая государыня императрица...

Великая г[о]с[у]д[а]рыня императрица <имярек> (09.02.1735).

ВЕЛИЧЕСТВО, -а, ср.р., 499. Титулование монархов и их жен (с местоимениями «ваше», «их», «его», «ее»). Вечнодостойные памяти его императорского величества (9 янв. 1927). И по данному мне императорского величества указу с начала нынешнего года в помянутые уезды (26.10.1726). В н[ы]нешнемъ 726-м году. В указехъ ея императорского величества изъ Сибирьского оберъ-бергъамта на на Невьянския заводы ко мне... (09.09.1726) По состоявшемуся имянному ж ея императорского величества бергъ регламенту велено в производстве заводов охотником чинить всякое споможение. Медь

принимается в'казну ея императорского величества (04.07.1737).

В документах обоих типов (I и II): ♦императорского величества.

ВЕРЮЩИЙ, -ая, -ее. 2. Делопр. Удостоверяющий чьи-л. полномочия как официального доверенного лица; заверенный документ; доверенность.

За'моею рукою верующее письмо предъявить (04.07.1737). Всем[и]л[о]стивейшая з[о]с[у]д[а]рыня императрица прошу вашего императорского величества да повелит державство ваше сие мое верующее прошение в государственную комерцъ коллегию принять (06.05.1735).

В документах I типа.

ДЕСЯТИННЫЙ, -ая, -ое. 18. Старая русская мера земельной площади. ♦десятинный платеж. И по имянному ея императорского величества указу положенъ в десятинной платеж (15.12.1738). ♦десятинная медь. з'Бымовского и'Суксунского моих'же заводовъ десятинной и'двутретной меди за'которое время не'плачено (авг. 1740)

В документах I типа.

ДЛЯ, 1010. Указывает назначение или цель чего-нибудь. Для кого? Для чего?

...оставлено неведомо для чего...(28.09.1738).

ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬНЫЙ, -а, -ое. 2. Желаящий добра, готовый содействовать благополучию других; благожелательный. В этикетной (эпистолярной) формуле ♦доброжелательный слуга: И остаюсь вашъ государя моего доброжелательный слуга... (17.02.1739).

ДОБРЫЙ, -ая, ое. 53. Хороший, хорошего качества. ...кроме убытков нам доброго ничего нет (21.10.1737).

В документах II типа ирон.: я уповаю что и'еще тово хуже они у'вас работали от'доброто в[а]шего за'ними присмотру и ленитес их х'тому и'понудитъ какъ б[о]га света не'боитес что даете им д[е]нги без'работы (23.11.1738).

ЗЕЛЕНЫЙ, -ая, -ое. 9. Цвета травы, зелени. ♦зеленая медь: ...Три рукомойника то же число лоханей зеленой меди и один таган (11.07.1741).

ЗЕЛО, 1. Наречие. Слав. В высшей степени, очень. Ср.:

ВЕСЬМА, ОЧЕНЬ, КРАЙНЕ. о'томъ к'тебе от'меня писано было зело заблаговременно (21.06.1741).

ЗЕЛЮ. 1. Название буквы русского алфавита, обозначавшей число 6. Использована в обозначении пунктов инструкции приказчику (*документ II типа*).

ЗМЕЙКА. -и; 4. ж.р. ?Деталь. Уменьшительно-ласкательное от «змея» ...Пилная змейка изломалас... (10.07.1740).

ЗНАНИЕ, -я; ср.р. 13. Совокупность сведений в какой-нибудь области. Ответствовать для знания об'немъ. 17.02.1739; Десять фунтов для знания вашего. 23.11.1741.

ЗНАТЬ, ю; -ют; несов. 222. Иметь сведения, известия о ком-либо, чем-либо, быть осведомленным о чем-либо. Чтoб они o том знали (23.11.1741).

ИЗ. 866. предлог. Употребляется при обозначении предмета, места, пространства, откуда, изнутри которого направлено действие: ...изъ Сибирскаго обербергамта на Невьянские заводы ко мне написано о бѣлинах... (09.09.1726).

ИЗБА, -ы; ж.р. 75. Деревянный дом.

В документах II типа. В молотовых и в сторожевых избах(04.11.1741).

ДОБРОПОРЯДОЧНО. 14. Наречие. Порядочно, хорошо, безупречно, совестливо, по совести, справедливо. ...в доме нашем жить добropopядочно и с ворами и съ пьяницами не знатца и не пьянствовать (12.09.1740).

ДОБИТЬ, добыю, добыёт; сов. Добывающий, прич.; добывая,, деепр. 6 Добить челом. Принести повинную. Которого у' Пятелина едва добили челомъ (22.10.1737).

МИЛОСТИВЫЙ, -ая, -ое. 67. Оказывающий милость, благодеяние, склонный к милости, милосердно. На сие мое доношение прошу милостивого решения. 01.12.1739. Превосходнейший господин от артиллерии генерал-майор, милостивый государь мой. 26.10.1726.

В письмах к вышестоящим адресатам (I).

МИЛОСТИВЕЙШИЙ, -ая, -ее. 6. В этикетной (эпистолярной) формуле ♦*милостивейший государь*: Вашего бл[а]городия м[и]л[ос]тивейшаго государя.

В письмах к вышестоящим адресатам (I).

МИТРОПОЛИТ, -а; м.р. 2. Высшее почетное звание (духовный сан) архиерея, а также архиерей, имеющий это звание. *Благодарствую и'на'оное объявляю: от'проесвященнейшаго митрополита из Тоболска из'духовных персонъ (17.02.1739).*

МНЕНИЕ, -ия, ср.р. 11. Представление, суждение о ком-либо. *Того ради сим мнение мое предлагаю что за'вышеписанные работы для приказных волокить проча г[о]с[у]д[а]рственной и'всей народной ползы надлежитъ при Екатеринбургских и'других казенных заводах прибавку учинить и'в'том какъ за'бл[а]го. изволить разсудить Сибирской обер бергъ амть (29.07.1726).*

МНОГИЙ, -ая, -ое. 151. Находящийся в большом числе, количестве (об однородных предметах, явлениях) ... *при означенном Выйскомъ заводе за пресечениемъ медных руд плавки уже через многое время не производится... (26.08.1740).*

МОЙ, -я, -е. 1239. Принадлежащий мне, имеющий отношение ко мне. *з'Бымовского и'Суксунского моих'же заводовъ (авг. 1740).*

В этикетной (эпистолярной) формуле, **в обращении**: *Государь мой Игнатей Никитичъ (17.02.1739).*

МОЛОТ, -а, -м. 68. Металл. Большой тяжелый молоток для ручнойковки и/или дробления камней. *Иметь тебе крепкую преосторожность в'смотреии за'молотовыми мастерами чтобы у'них молота всегда были свострены не'шире'б был наковалны а'которой молот приб[ъ]етса и'тулово у'него будетъ толсто и'такія молота для свастривания посылать в'Невьянской завод с'теми мастерами а'у'себя их свастриват не'вели. И'не'зделай ты такой'же слабости какъ зделалъ и'прислал к'нам Иванъ Свахинъ молота круглы какъ кошечья голова (05.11.1738).*

Представленный опыт лексикографического описания лексикона исторической языковой личности уже дает возможность уточнить некоторые предварительные выводы, которые были сделаны автором ранее. Лексические и грамматические архаизмы преобладают в документах I типа: *аще, зело, императорскаго величества, умре* и др. (подробнее см. об этом в [Иванова 2014]. Кроме того, можно говорить об определенной закономерности между типом документов и формулой именования: на-

пример, трехчленная модель, отражающая полное именование человека по фамилии, имени и отчеству, используется в документах I типа, в то время как прозвища, фамилии крестьян, солдат, мастеровых людей возникают в письмах к нижестоящим адресатам (см. об этом в [Иванова 2017]).

Так, выявляются устойчивые формулы, в том числе этикетные, функционирующие в зачинах и концовках деловых писем: *Великая г[о]с[у]д[а]рыня императрица, Государь мой Игнатей Никитичъ; Вашего бл[а]городия м[и]л[ос]тивейшаго государя, И остаюсь вашъ государя моего доброжелательный слуга; На сие мое доношение прошу милостивого решения.* Отмечается склонность А.Н. Демидова к использованию общеупотребительных слов в профессиональном контексте: **зеленая медь**: *...три рукомойника то же число лоханей зеленой меди и один таган*; **изба** – своего рода «цех»: *молотовые избы, сторожевые избы, промывальные избы* и т.д. Эта особенность демонстрирует трансформационные процессы в семантике слов: функциональное сужение значений.

ЛИТЕРАТУРА

Иванова Е. Н. Морфологические предпочтения исторической языковой личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2014. № 1.

Иванова Е. Н. Функционирование антропонимов в деловых письмах А. Н. Демидова // В созвездии слов и имен: сборник научных статей к юбилею Марии Эдуардовны Рут. – Екатеринбург, 2017.

Лютикова В. Д. Словарь диалектной личности. – Тюмень, 2000.

Ружицкий И. В. Словарь языка Достоевского: Лексический строй идиолекта / под ред. Ю. Н. Караулова. – М., 2003.

Ружицкий И. В. Языковая личность Ф. М. Достоевского: лексикографическое представление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Екатеринбург, 2015.

Словарь языка А. С. Пушкина / под. ред. В. В. Виноградова. – М., 1956–1961. – Т. 1–4.

Тимофеев В. П. Диалектный словарь личности. – Шадринск, 1971.

Тимофеев В.П., Тимофеева О.В. Диалектный словарь личности. – Шадринск, 2010.

© Иванова Е. Н., 2019

О. В. КАЗАЧЕНКО
(Московский городской университет,
г. Москва, Россия)

УДК 81'37

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ СЛОВА КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ОБРАЗА МИРА

Аннотация. В статье рассматривается проблема индивидуального значения слова, формирующего определенный образ мира человека, сквозь призму которого происходит его связь с внешним миром. Образ мира является многоуровневым образованием, включающим различные компоненты. По мнению автора, образ мира существует в двух формах: обобщенной, с общепринятыми значениями, и индивидуальной, включающей коннотации и личностные смыслы значений. На формирование индивидуального значения оказывают влияние субъективный опыт человека, индивидуальное видение мира, особенности восприятия, профессия, интеллект, принадлежность к какой-либо социальной группе и некоторые другие факторы. Это значение слова является достоянием сознания индивида и овнешняется вербальными ассоциациями. Источниками анализируемых индивидуальных значений слова являются интернет сайты, данные которых затем сравниваются с печатными ассоциативными словарями. Обосновывается валидность электронных источников иллюстративного материала. На примере слова *патриотизм* автор показывает индивидуальные особенности понимания данной лексической единицы, которая является одной из национальных ценностей России.

Ключевые слова: индивидуальное значение, образ мира, личностный смысл, патриотизм, ценностные ориентации.

Термин образ мира (ОМ) широко используется в основном в психологических исследованиях, начиная с 1975 года, когда вышла работа А. Н. Леонтьева под одноименным названием, обобщающая обширный материал по восприятию и феноменологии познавательной деятельности человека. Эта теория предлагает рассматривать мир, данный человеку в пяти измерениях: трехмерном пространстве, включающем длину, высоту, ширину, а также времени и системе значений [Леонтьев 1983].

Доказано, что ОМ является многокомпонентным образованием, имеющим разные уровни и слои. В. В. Петухов и С. Д. Смирнов [Петухов 1981; Смирнов 2005] выделяют поверхностный и глубинный уровни, при этом «на уровне своих поверхностных структур образ мира дан в чувственных модальностях, на уровне ядерных структур (значения и смыслы) он имеет принципиально амодальный характер» [Смирнов 2005:153]. При определении и вычленении объекта познания человек находится на поверхностном уровне, соответствующем знанию о мире, в то время как ядерные структуры выступают общим фоном, действующим на любых его уровнях, но не сводимым к нему. Основу *инварианта образа мира*, по А. А. Леонтьеву, составляют коллективные словарные значения, а *варианта образа мира* – личностное “видение” мира конкретным человеком при помощи личностных смыслов [Леонтьев 1988:105]. Е. Ю. Артемьева выделяет три уровня *образа мира*: перцептивный мир, картину мира и образ мира (в узком смысле) (см. [Артемьева 1999] и др.). Все рассмотренные теории схожи в положении о том, что ОМ есть обобщенная индивидуальная система значений человека, закреплённых в словах. Следует отметить, что ОМ формируется только в деятельности [Леонтьев 1972], «с самого начала функционирует как некоторое целое» [Смирнов 1985:144], а не представляет сумму образов разрозненных предметов и явлений.

При обращении к термину ОМ мы понимаем под ним две формы его существования. Обобщенный ОМ, как некий единый универсум в сознании человека, за которым стоят общепринятые значения с их категориальными смыслами, присущими членам определенного лингво-культурного сообщества (термин В. В. Красных), а также индивидуальный ОМ, включающий коннотации и личностные смыслы значений, приобретенные человеком в процессе его жизни и развития. И. А. Бубнова определяет данный феномен следующим образом: «...результатом процесса познания является формирование в сознании человека собственной субъективной, эмоционально окрашенной и страстной модели или «образа мира», сквозь призму которой он воспринимает и оценивает все, что происходит вокруг» [Бубно-

ва 2012: 57]. Им определяется поведение и миропонимание человека.

ОМ формируется при помощи трех составляющих: чувственной ткани образа, значения и личностного смысла (А. Н. Леонтьев).

Образы, впечатления и представления в совокупности формируют чувственную ткань образа мира в практической деятельности человека. Чувственная ткань составляет основу конкретных образов реальности, актуально воспринимаемых или воспроизводимых в памяти. Эти образы могут быть реальными или воображаемыми, а могут относиться к будущему, настоящему или прошлому. Однако, как было доказано клиническими психологическими экспериментами, чувственная ткань является необходимым, но не решающим «моментом» или образующей сознания. Это доказывается тем фактом, что чувственная ткань может серьезно меняться, не затрагивая, однако, при этом главного – образа мира. Значение и личностный смысл соотносятся, с нашей точки зрения, как общественный феномен и достояние индивида. Личностный смысл заключен для человека в форме его индивидуальных значений.

Также сложным образованием является и слово, которое включает в себя значение (денотативное, сигнификативное, эмоциональное, коннотативное, контекстуальное и др.), образ (представление) и понятие. Несмотря на важность других типов, выделим, тем не менее, сигнификативное значение, отражающее важную способность лексической единицы служить отображением предметов, явлений, свойств в сознании. Его часто называют «ближайшим» значением (по А. А. Потебне), формальными дубликатами или понятиями (по С. Д. Кацнельсону). В отличие от «дальнейшего значения» или «содержательного понятия», хранящегося в свернутом виде и без нужды не раскрываемого в полном объеме, в обычных условиях достаточно использовать слово в качестве формального понятия, не загромождая мысль излишними деталями [Кацнельсон 1986]. Такое значение общепринято и конвенционально, в том смысле, что человек усваивает его как данность, что обеспечивает преемственность поколений. Коннотации также могут быть закрепленными в языке кол-

лективом, а могут быть индивидуально обусловленными, что особенно ярко проявляется в ассоциациях. Таким образом, значение слова, взятое как неразрывное единство, индивидуально, поскольку все его оттенки и коннотации не обязательно присутствуют в словарной статье, но, тем не менее, именно они формируют особое видение реального мира, то есть его образ. На формирование значения оказывают влияние субъективный опыт человека (Е. Ю. Артемьева), индивидуальное видение мира, особенности восприятия, профессия, интеллект, принадлежность к какой-либо социальной группе и некоторые другие факторы.

Индивидуальное значение слова, как достояние сознания индивида, являющегося при этом членом определенного этноса или лингво-культурного сообщества, проявляется в вербальных ассоциациях, предъявляемых на слово-стимул. Надо заметить, что значение слова, лежащее в основе понятия, будет существенно различаться у разновозрастных групп, по гендерному, территориальному и некоторым другим признакам. С нашей точки зрения, поэтому интересны проекты, целью которых является создание самого большого словаря ассоциаций какого-либо языка. Ведь не секрет, что в словарях, создаваемых в разные времена учеными-лингвистами, испытуемыми выступали (и продолжают выступать) студенты, в основном высших учебных заведений. В проектах же на просторах интернета участником может стать человек любого возраста, пола, профессии или социального статуса, что является несомненным преимуществом. Кроме того, в случае проведения эксперимента на группе студентов в университете личность преподавателя и авторитет учебного заведения также могут несколько изменять реакции, «подвигая» их в сторону, ожидаемой экспериментатором. Недостатком же такого рода информации можно назвать отсутствие информации о количестве участников, давших ассоциацию на конкретное слово, что не позволяет выделить ядро и периферию анализируемой лексической единицы. Однако нам представляется интересным сравнить результаты ассоциативных реакций сайтов и изданных словарей. Для анализа возьмем три

источника в интернете и сопоставим их с данными современного ассоциативного словаря.

Для сравнения нами было выбрано и проанализировано слово ПАТРИОТИЗМ по нескольким причинам. Во-первых, оно является довольно частотным в употреблении, о чем свидетельствуют данные частотного словаря [Ляшевская 2015]. Во-вторых, слово относится к разряду абстрактных, а значит, не имеет четкого образа и явного представления. В-третьих, тексты художественной литературы часто содержат примеры и события, расцениваемые как проявление патриотизма. И наконец, патриотизм является ценностью – идеалом, который зачастую ориентирует человека в мире, его оценках и поведении.

Первыми рассмотрим данные сайта Sociation.org, являющегося, по словам разработчиков, экспериментальным некоммерческим проектом, целью которого объявляется сбор ассоциаций русского языка. Сайт к настоящему моменту собрал уже почти шестьсот тысяч ассоциаций на пятьдесят тысяч слов.

Итак, на сайте реакции на стимульное слово ПАТРИОТИЗМ составили 66 слов и выражений:

Родина отечество страна гордость гимн национализм патриот нацизм Россия отчизна народ идиотизм день победы фашизм любовь любовь к родине бред красный флаг красный цвет георгиевская лента родная земля успех свобода герой шовинизм транспарант солдат пропаганда националисты гражданственность хуета Севастополь национальность СССР свастика дух скинхеды лада калина серп единство символ закладка автомобиль разведка истерия независимость чуб жигули партизанский отряд славянизм фанатизм знамя воспитание защита монументальная пропаганда самоотверженность памятники ватник США глупость лада благородство энтузиазм флаг нод [Sociation.org – игра в ассоциации с коллективным разумом:URL].

Ассоциации к слову ПАТРИОТИЗМ выразились на сайте reright.ru следующими словами:

Отношение интерес глаз сердце война душ Россия голос литература сторона революционер история народ основание прославление радикализм тема голова Александр воодушевление

быть ответственным; в городе; верить в Россию; верность; веселый; ветераны; вечен; вечный; в каждом; в крови; военный; возродим; во мне; вообще глупо; в России; все; всегда; всеобщий; в сердце; вульгарность; вымысел; высокое; высокое чувство; гамбургер; герб; геройский; горе; города; гражданин; гражданский; давно; дедушка; дело; День Победы; детей; добро; дума; думе; духовность; есть; жив; за Родину!; за страну; зачем?; звезды героя; идиотство; измена; измерить; именной; иноверие; иногда хорошо; истинный; классицизм; коммунизм; коммуниста; красный цвет; к стране; культура; Ленин; Ленина; лес; лживый; литература; люблю Россию!; любовь к России; людей; мой; молодцы; мужество; мужчина; на благо родины; на высоте; надо воспитывать; народ; настоящий; нацисты; не нужен; необходимое качество; не приемлю; не у меня; ничто; обеспеченность; оружие; отверженный; отец; отечества; отсутствует; отчизна; парад; партия; патриотизм; патриотизма нет; патриот страны; победа; присущ; пылкий; разновидность; расизм; растет; реализм; редко; родина, ветеран; родине; рулит; русский человек; самообман; сильное чувство; сказка; скинхед; скорость; СЛАВА РОССИИ; служить своей Родине; смерть; смешно; смотря чего; социализм; странный; стремление; США; триколор; тупость; уважение; умер; ура!; фанат; фашизм; фикция; форма; фифудья; французы; хайль Гитлер!; херня; храбрость; х*йня; Чечня; чушь; энергия; это хорошо; я; я не патриот 1 (502, 198, 10, 147) [Шапошникова, Романенко 2014].

Как видно из приведенных списков, часть реакций отражает словарные определения слова ПАТРИОТИЗМ (Родина, отчизна, государство, народ, страна, отечество, любовь и др.). Широко представлена символика государства и государство как социальный институт, наделенный функциями репрезентации и сохранения патриотизма: флаг, гимн, триколор, армия, солдат, победа, слава России, звезды героя, защитник, ветеран. Некоторые результаты респондентов указывают на несомненную связь анализируемой лексической единицы с прошлым периодом развитием нашей страны – со временем существования СССР, что подтверждают следующие ассоциаты: красный флаг, красный цвет, Ленин, СССР, коммунизм, коммуниста, серп, знамя, пио-

нер. Для многих людей тема поатриотизма неразрывно связана с Великой Отечественной войной, поэтому неудивительным оказалось наличие нескольких слов, связанных с фашизмом и национализмом как противопоставление патриотизму: национализм, нацизм, фашизм, националисты, свастика, фанатизм, хайль Гитлер. Некоторые реакции содержат субъективные оценки понятия *патриотизм*: тупость, умер, ура!, чушь, это хорошо, смешно, сказка, не нужен, необходимое качество, лживый, самообман, рулит, вульгарность, нет, нужен, идиотизм, истерия, примитивизм, я, фикция, я не патриот. Было замечено несколько ответов в форме обцененной лексики, связанной, на наш взгляд, с неприятием патриотизма как такового. Остальные реакции, не относящиеся к словообразовательному гнезду слова, синонимам и антонимам, оценкам, гиперонимам и гипонимам, можно условно отнести к индивидуальным или коллективно-индивидуальным значениям слова, поскольку не ясно, на каком основании испытуемые соотносили и ассоциировали слова с заданным стимулом.

Подводя краткий итог, можно резюмировать, что слово выступает для человека в форме общепринятого значения и личного значения, осложненного собственными коннотациями и представлениями, отличными от других. Они формируют индивидуальный образ мира, сквозь призму которого человек воспринимает, организует и оценивает реальную действительность.

ЛИТЕРАТУРА

Артемяева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики / под ред. И. Б. Ханиной. – М., 1999.

Артемяева Е. Ю. Психология субъективной семантики / предисл. А. Ш. Тхвостова Изд. 2-е. – М., 2007.

Бубнова И. А. Индивидуальный «образ мира» как объект психолингвистического анализа // Язык, сознание, коммуникация / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М., 2012. Вып. 45. – С. 59-67. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_45_03_bubnova.pdf (Дата обращения 04.10.2018).

Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.,

1972.

Леонтьев А. А. Языковое сознание и образ мира // Тезисы IX Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации. «Языковое сознание». Москва, 30 мая – 2 июня 1988 г. Академия Наук ССР, Институт языкознания. С. 105-106.

Леонтьев А. Н. Деятельность и сознание // Вопросы философии 1972. № 12. С. 129-140.

Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения: В 2-х томах. Том II. – М., 1983.

Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления. Вестник МГУ. Сер 14. Психология. 1984. № 4. С. 13–21.

Смирнов С. Д. Мир образов и образ мира // Вестник Моск. ун-та. Сер.14: Психология. 1981. №2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docplayer.ru/38571503-S-d-smirnov-mir-obrazov-i-obraz-mira.html> (Дата обращения 04.10.2018).

Смирнов С. Д. Образ мира // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / ред.-сост. Л.А. Карпенко /под общ. ред. А. В. Петровского. М., 2005. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://evgenysavin.ru/_ld/0/18_9Aw.pdf

Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985.

Источники иллюстративного материала

Sociation.org – игра в ассоциации с коллективным разумом [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sociation.org/labs/wordcloud/#%D0%BF%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC>

Ляшевская О. Н. Частотный словарь современного русского языка [Текст]: на материалах Национального корпуса русского языка / О. Н. Ляшевская, С. А. Шаров. Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Словари.ру, 2015. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&abc=%CF&dic=freq_alf&title=%C0%EB%F4%E0%E2%E8%F2%ED%FB%E9%20%F1%EF%E8%F1%EE%EA%20%EB%E5%EC%EC

Словарь ассоциаций reright. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.reright.ru/analysis/514041~%D0%BF%D0%>

B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC.html

Словарь ассоциаций WordAssociation.RU [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wordassociation.ru/%D0%BF%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC>

Шапошникова И. В., Романенко А. А. Русский региональный ассоциативный словарь (Сибирь и Дальний Восток). В 2 т. Т. I. От стимула к реакции / Отв. ред. Уфимцева Н. В. М.: Московский институт лингвистики, 2014. С. 303-304.

©Казаченко О. В., 2019

К. МЕНГ

(Мангеймский университет, г. Мангейм, Германия)

Е. Ю. ПРОТАСОВА

(Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия)

УДК 81'246.2

ВЫРАСТИ С ДВУМЯ ЯЗЫКАМИ: ОПЫТ МОЛОДЫХ БИЛИНГВОВ В ГЕРМАНИИ

Аннотация: В настоящей статье на конкретном материале интервью, проведенных с информантами, анализируется коммуникативно-речевой опыт двух молодых двуязычных российских немцев, выросших в Германии в билингвальной среде. Показано, какого уровня достиг их русский язык, что удается интервьюируемым женщинам хорошо, в чем они отстают и что думают о своем двуязычии. Их русский язык имеет преимущественно устный разговорно-бытовой характер, тогда как в немецком на высоком уровне развиты различные письменные и устные умения. Выявляются факторы, влияющие на развитие несбалансированного билингвизма. Знание русской культуры также ограничено, хотя на самом деле оба информанта хотели бы поддержать и расширить свои знания о языке и обо всем, что с ним связано. Кроме того, они надеются, что смогут передать язык своим детям в будущем. Исследование является частью многолетнего проекта по языковой интеграции российских немцев в Германии, осуществляемого на базе Института немецкого языка в Мангейме.

Ключевые слова: становление языковой личности, двуязычное развитие, российские немцы, языковая интеграция, авторефлексия, несбалансированный билингвизм, языковая биография.

С начала 1990-х годов в Институте немецкого языка (г. Мангейм, Германия) под руководством профессора Мангеймского университета Катарины Менг осуществляется проект, посвященный исследованию языковой интеграции российских немцев в Германии [Meng 2001; Менг, Протасова 2002]. Вот уже почти 30 лет мы прослеживаем историю нескольких семей российских немцев-репатриантов, переехавших в Германию вместе с маленькими детьми. Если поколение прабабушек и прадедушек владело немецким языком как родным, то молодые на тот

момент родители, как правило, не говорили свободно, но затем выучили немецкий язык (ср. [Менг, Протасова 2012, 2015]). В своем стремлении влиться в принимающее общество они часто игнорировали необходимость уделять внимание русскому – первому языку их детей, обращая все свое внимание на овладение немецким, который был для них самих жизненно необходим, продолжая в то же время общаться между собой и с друзьями преимущественно на русском. Дети, приехавшие в дошкольном возрасте, вырастали билингвами с доминантным немецким языком благодаря немецкоязычному окружению в детском саду и школе.

Интервью с обеими молодыми девушками проводились в январе 2016 года в Германии. Мы передаем содержание разговоров максимально близко к тексту, стараясь передать специфику общения с информантами, особенности их речи. Подлинные фрагменты выделены курсивом.

Катя Штайнер (КШ). Речь КШ разговорная, естественная, она говорит долгими пассажами и, с одной стороны, стесняется несовершенства своей речи, а с другой – хочет достичь более высокого уровня владения языком. Ей понятно все, что обсуждается, почти не требуется перевод с русского на немецкий, влияние которого сказывается в синтаксисе.

КШ привезли в Германию в возрасте 11 месяцев, сейчас ей 24 года. Она дипломированный воспитатель детского сада (со степенью бакалавра). Папа наполовину российский немец (со стороны отца; его мать говорит на суржике), мама русская. Ее семья *из Казахстана с Актюбинска*. В семье говорят *чуть больше по-русски, но по-немецки тоже много. Мама по-русски только, папа по-немецки*. Родители между собой говорят по-русски, мама с дочками по-русски, папа по-немецки, *иногда сестра ему по-русски отвечает или он с ней по-русски разговаривает, но тоже в основном по-немецки*, а КШ *с сестрой почти только по-немецки. Иногда одно или другое русское слово, но в основном только по-немецки*. Хотя сестра родилась уже в Германии, КШ считает, что *так как моя сестра еще учит русский язык в школе, я думаю, ее русский лучше, чем мой*. Это случилось потому, что *сестра в гимназии учится, а я только в ... Realschule училась, это ниже, чем гимназия, нам это там... Не*

было возможности учить русский язык. Сама она сожалеет, что никогда не учила его, и завидует сестре. Говорит, что читать и писать может, но плохо. О переключении с языка на язык сообщает, что раньше так было, что я по-русски разговариваю, и потом одно слово не хватает, и я быстро из немецкого взяла. Но так как я же теперь стараюсь только на одном языке разговаривать, если одно слово вспомнить не могу, спрашиваю там маму или папу. КШ хочет, чтобы ее русский был лучше, потому что замечает, что он стал очень плохой, и старается разговаривать с мамой, папой, бабушкой и дедушкой в основном по-русски, чтобы не забывать язык и запоминать слова. За то, что я здесь выросла, так рано сюда приехала, мой русский, вроде бы, хорош, ну, неплохой. КШ просит маму исправлять ошибки, хотя раньше было не так: она мне не это, не переправляла. Я всегда говорила, что... называется же кот, а я говорила «кота». Этот сознательный подход проявляется и в том, что она иногда читает по-русски в Интернете на русских сайтах по мелочам. Ей интересна музыка, причем не только сегодняшняя, а, допустим, русская народная музыка, старые фильмы.

По немецкому вроде бы нету таких слов, которые я не могу подобрать или забываются, ... по русскому даже пример даже нету. Отмечает, что если долго не пользоваться какими-то словами, они могут забыться, но если кто-то скажет слово, оно вспоминается. Хорошо знать английский, потому что это почти наезде разговаривают, я бы еще сказала испанский и французский. Ну и русский, конечно, тоже неплохо, но эти другие два языка важнее, по-моему. Сестра учит немецкий, русский, английский и французский.

Читает предложенный русский текст бегло, но не слитно, справляется почти со всеми трудными местами. Когда КШ еще училась на воспитательницу, в первом году была такая мама, она по-немецки не разговаривала, только по-русски. И там меня часто спрашивали перевести одно или другое. Была также одна девочка, которая знала, что она владеет русским, и часто с ней по-русски разговаривала.

Из всех русскоязычных развлечений в детстве ходила только на елку, раз в году, если Дед Мороз там. В свободное время КШ часто встречается с друзьями, там с ними иду там гулять куда-

то или в кинотеатр, или в какие-то, ну, другие места. Слушаю музыку с очень с удовольствием. Раньше я почти два года танцевала, занималась танцами, Standard- und Lateintänze? Wie übersetzt man?... Ну, я там танцевала вальс, латинские танцы. (Предлагают варианты перевода: латиноамериканские?) Отвечает: Да. И стандартные танцы, как... (Классические?) Классические, да, танцы. Ну, танцевать люблю, пока еще/ пока не танцую. Спорт хожу. (Какой спорт?) Ну, гимнастика? (Спортзал?) Спортзал, да, хожу в спортзал. Два-три раза в неделю. Ну так, да, или с семьей провожу время. Вечером КШ смотрит телевизор, пишет для работы как это объяснить по-русски тебе... Мне надо спросить, Portfolio? По-русски так же?... Ну, мы пишем по портфолио для каждого ребенка, что он, допустим, чем он научился, что он может, если что-то интересное было в один день, мы это пишем им с рядом с фотографием, который мы детей делаем, в одну мапку все собираем [от нем. Марре 'папка']. Когда он ходит в садик, мы им даем эту мапку... Ну, собирается много, и еще, кроме этого, мы туда еще пишем... Beobachtungen? (Подсказывают: наблюдения за детьми). Да, как бы так объяснить, я даже не знаю, как это объяснить. Ну, наблюдаем, как что ребенок делает, и с этого анализируем, может что ребенку надо, почему он это делает или не делает. Ну, так, для себя это мы, и это тоже туда ложим. На русской дискотеке была один раз с двоюродной сестрой. Там как в каждом другом клубе, тоже музыка, люди танцуют. Сегодня пойдет в кинотеатр с друзьями, там будет Star Wars.

По характеру КШ спокойный человек более, открытая, смешная иногда. Ну да, люблю проводить время с другими людьми... Ну если че-то хочется сильно добиться, ты для этого работаешь... Как это слово?... Если я что-то хочу, я за это сильно работаю.

По этничности себя трудно определить, потому что родители вроде бы русские, и я себя тоже как бы русской считаю, но в то же время много немецкого есть во мне, ну, как бы выросла в этой культуре... Ну, если я говорю: «Наполовину то, наполовину то»... у меня и акцент немецкий в русском, по-моему. Считает, что у нее русский менталитет, немцы считаются как бы грубыми, нет, строгими, а русские такие веселые, гостеприимства у

меня, по-моему, больше русского. Как бы я от мамы с папой учила, как что делать, все от них же учила, как жизнь жить. И от этого, я думаю, больше русского у меня, чем немецкого.

У лучшей подруги папа турок, мама наполовину итальянка. Да, очень интересно у нее. И мы с ней вместе учились на воспитательницу. Оттудова знаю уже пять лет или больше.

Из русской музыки слушает в основном поп и немного рэп, как типа Тамерлан, Тимати, Алена Умуралиева, Ньюша, ну, всякие такие певцы, и это еще не все, кого она помнит. О кино: там был такой фильм, даже не знаю, как его зовут. Там одна девушка поет песню: «Позвони мне, позвони. Попрошу тебя...» Я вообще не знаю, как он называется. Фильмы смотрит у родителей по телевизору. Ну папа иногда смотрит сам, он тогда на немецкий включает, но тоже русский много.

Знаменитые русские – как Владимир Владимирович Путин, допустим? из тех, кто раньше жил: Ленин, типа? Писатель Толстой? Когда за пределами Германии встречает людей, которые говорят по-русски, тяжело иногда обходится, потому что у них, ну, как бы чистый русский язык, и им язык, конечно, легко разговаривать, а мне достается иногда, ну, тяжело, потому что не все слова, которые нужно всегда знаешь... Ну, могу посмотреть, как слово это по мобильнику или в интернете там быстро, но пока помотришь – это тоже время.

Если бы семья не переехала в Германию, то у нее не было бы такого образования, работы, таких возможностей учить то, чем я интересуюсь, как у меня здесь есть. И один язык был бы меньше, который я б разговаривала. Родные рассказывают, как они там жили, что у них было, чем они занимались, там были звери, корова, собаки, и как обстоятельства были тогда. Они были рады, что у них там это все было; тяжело было, но они справлялись.

Если у КШ будут дети, хочу обязательно, чтобы они тоже русский язык разговаривали и понимали. Их будут учить она сама, мама, а может быть, и муж будет русский. Из российских мультфильмов они будут смотреть «Ну, погоди!», «Простоквашино», «Винни-Пух», «Крокодил Гена».

Каролина Маркманн (КМ). У КМ хорошее образование (в 23 года бакалавр), она ценит свою компетентность, старается

рефлексировать по поводу владения языком. Круг общения на русском небольшой. Папа русский, а мама российская немка.

Когда КМ приехала в Германию, ей было около года, а сейчас ей 23. Ее семья с Урала, с Краснотурынска. Ей кажется, что дома больше говорят по-русски, а КМ с родителями чаще говорит по-русском, но немецкие слова попадают. Часто переходят с языка на язык, *если дискутируем, либо если что-то рассказываем такое, как, что нас очень как...* (подсказка: волнует), *волнует, такой вот. То что прям, с эмоцией что-то. Вот, тогда мы переходим...* Я все эмоции по-немецки говорю, потому что у меня, даже русских слова не хватает на это. Могу больше и лучше выразиться по-немецки. Причину этого КМ видит в том, что *обзора слов нет, не хватает*: хорошо говорит только при помощи часто употребляемых слов, а *если, например, вот папа сейчас рассказывал по-русски вам, я вот много слов даже не знаю, потому что это он рассказывает вещи, которые мы так, как день из дня мы так не разговариваем. Also Umgangssprachlich dann* [‘т.е. тогда разговорно’].

Когда КМ была маленькая, ей читали книжки на русском, и она помнит, какие сказки ей Ота [‘бабушка’] читала, про колобок, *или там семь козлят и их мать там, вот такое вот*. Из мультфильмов КМ смотрела про зайца, «Ну, погоди!», а сказки русские смотрит и сейчас, например, *из снега они ее строили, как ее?* (подсказка) *Снегурочку*. По-немецки за свою жизнь КМ прочитала *больше, чем двести* книг, а по-русски ни одной. Из писателей она знает *самых знаменитых, такой таких как Толстой, например,...* Пушкин.

Есть друзья, с которыми КМ говорит по-русски, подружки у меня русские все, немецкая подружка у меня только одна, ну все другие русские, но с ними она говорит больше по-немецки, а с другом, с которым они познакомились в русской дискотеке, больше по-русски, потому что *он еще не так давно в Германии живет, так что он очень хорошо по-русски разговаривает. Он меня и подтянул чуть-чуть, можно сказать*. В другие клубы или кружки, где говорят по-русски, она не ходит.

Родные считают, что КМ хорошо умеет говорить по-русски, иногда исправляют: *я их прошу, чтоб они меня исправляли, потому что я их так же по-немецки исправляю, мне это очень как*

важно, что если я говорю, что я правильно говорю по-русски. Родители делают ошибки в устном немецком: потому что если пишешь, ты более, как, концентрирован на этом, и ты думаешь, что ты пишешь и как. Задумываешься над этим, если ты говоришь, ты просто как можешь что-то ляпнуть и даже как не додумать, это правильно ты тут поставил слово или не так. КМ отмечает, что родители иногда буквально переводят с русского на немецкий, а она с немецкого на русский, и тогда они сообщают друг другу, что так не говорят.

По-русски КМ читает по слогам, а писать с новыми телефонами стало проще: *если ты начинаешь, там, например, первую букву, я как бы так бы знаю, потом он сразу мне дает как слово, я только выбираю слова и как могу написать.* Читает некоторые слова бегло, слитно, новые слова не сразу (делает несколько попыток) и не точно. Год называет неправильно.

У КМ есть цели в изучении русского, и она их осуществляет: *я стремлюсь к этому, ну чтоб я могла бы читать, ну, как по-немецки, очень как хорошо, плавно прям чтоб. Поэтому я, например, сейчас вступила в такую как сеть, как Facebook, только по-русски, называется Одноклассники. Вот я этим пользуюсь, я, например, поставила вот прям русский язык, там мог бы выбрать английский или немецкий, но я поставила русский язык, значит, все, что я там делала, все на русском написано. И я там и читаю анекдоты, например, и там тоже какие-то там, не знаю, вещи пишут, я вот это вот читаю по-русски. Ну, если я для себя сама читаю, мне это, конечно, легче, и я как медленно читаю там, по слогам, некоторые буквы я не знаю, но если ты там прочитаешь слово, ты как поймешь это, и эту букву как вставишь.*

Ей важно знать такие языки: *английский – очень, конечно. Русский, я тоже считаю, нужно, потому что, как я из русской семьи, мне это очень важно, что я тоже хочу, чтоб мои дети по-русски разговаривали, например, я бы их и дала б в русскую школу, потому что мои родители это пропустили тогда, если они бы это сделали, может, я бы сейчас тоже уже лучше читала бы по-русски, так что я хочу это как дальше, ну продолжать своим детям... Если посмотреть на сегодняшнюю ситуацию в мире, конечно, как арабский язык, ну как Chinesisch,*

was ist Chinesisch, китайский язык, вот, например, очень важно. Ее дети будут смотреть русские мультфильмы.

По работе КМ однажды был нужен русский язык: вот я работала в прошлом году на большой фирме, они сахар здесь делают, в этом регионе... Südzucker. И там, например, они тоже как Korrespondenz ['корреспонденция'] как водят с России, и я там, например, общалась с русско/ русскоязыц/ русскоязычными... Ну, я читала, например, письма там присылали, имейлы я читала их, потому что они не понимали.

Любимые занятия: Я люблю хорошо покушать, я люблю еду. Да, я бы сказала, я домосед, я люблю с семьей, я так, чтоб там выйти, oder so ['или так'], у меня вот этого нет, я вот стремлюсь либо с семьей что-то, и да, вот. Ходим с мамой, занимаемся с фитнесом если. Накануне вечером КМ была в кино, смотрела документальный фильм про немцах в Чили, как они там революцию устраивали, да.

Себя она может охарактеризовать как очень открытую и смешную, и так ей говорят другие люди; чувствует себя больше русской, чем немкой. Иногда слушает русскую музыку, любит Пугачеву, Софию Ротару, «Золотое кольцо», Стаса Михайлова.

В Россию летала два года назад, до бабушки, папины родители там еще живут... Поначалу как вставляла немецкие слова, но под конец я вообще уже по-русски только говорила. Было очень сложно, когда я сюда вернулась, потому что мне как не хватало немецких слов уже, я только по-русски разговаривала. Говоря по-русски, КМ вставляет Bindewörter, я даже не знаю, что это по-русски... aber, trotzdem ['но, несмотря'] вот такие вот слова. Вот если речь как начинает тормозить, то я всегда что-то вставляю немецкое какое-то слово.

Если бы ее семья не переехала в Германию, КМ была бы очень толстая, потому что я люблю кушать и в России очень вкусная еда... Когда мы вот в Россию летали, я очень поправилась была, потому что у них там вообще исключительно майонез... и белый хлеб.

Мамины родители рассказывают про войну, как тогда было, как их/ ихние родители воевали, как их там пленские лагеря там, туда как... А вот стороны отца – нет. Ну мы только на

десять дней там были, так что мы про такое уж не разговаривали, про прошлое.

Выводы. Обе представительницы молодого поколения российских немцев – позитивные и образованные. По приведенным отрывкам заметно, что нахождение вне русскоязычной языковой среды, отсутствие общения с представителями «материкового» русского приводят к сокращению (недоразвитию) словарного запаса; пассивный русский преобладает над активным.

Оба информанта произносят *чѐ*, а не *что/чего*. В их речи возможно влияние региолектов, которыми пользуются родственники. Обе девушки жалуются на недостаток русских слов, на трудности с формулированием мысли, в речи обеих много пустых слов (возможно, заменяющих не всплывающие в памяти русские слова).

Самоанализ языковой принадлежности свидетельствует об отнесении себя к двум культурам одновременно (ср. [Dück 2014]). Речь демонстрирует явное влияние немецкого языка как на уровне заимствований, так и при употреблении неверных конструкций и калек (ср. [Levkovych 2014, Rethage 2012]). Устная речь явно преобладает над письменной (ср. [Anstatt 2018]). Подобные отклонения в общем-то носят систематический характер и подобны тем, которые происходят и в других случаях [Warditz 2017].

ЛИТЕРАТУРА

Менг К., Протасова Е. Ю. Трансформация культурно-языкового самосознания российских немцев в Германии // Этнографическое обозрение. 2015. № 6.

Менг К., Протасова Е. Ю. Языковая интеграция российских немцев в Германии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2002. № 6.

Менг К., Протасова Е. Ю. Языковая интеграция российских немцев в Германии: 20 лет спустя // Немцы в России: взгляд из провинции. – Киров, 2012.

Anstatt T. Input ohne Output: Rezeptiver Bilingualismus und sein Potenzial // Mehlhorn G., Brehmer B. (Hg.) Potenziale von Herkunftssprachen. Sprachliche und außersprachliche Einflussfaktoren. – Tübingen, 2018.

Dück K. Zum Zusammenhang von Sprache und ethnischer Identität der zweiten Generation der Deutschen aus der ehemaligen Sowjetunion // Deutsche Sprache. 2014. № 3.

Levkovich N. On the linguistic behavior of immigrants from the post-Soviet countries in Germany // Stolz, C. (ed.) Language Empires in Comparative Perspective. – Berlin, 2015.

Meng K. Russlanddeutsche Sprachbiografien. Untersuchungen zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien. Unter Mitarbeit von E. Protassova. Tübingen: Narr, 2001.

Rethage W. Strukturelle Besonderheiten des Russischen in Deutschland. Kontaktlinguistische und soziolinguistische Aspekte. München, 2012.

Warditz V. Russisch als Migrationssprache in Deutschland: Zur Typologie des Mikrosprachwandels (Eine systemlinguistische Analyse) // Witzlack-Makarevich K., Wulff N. (Hg.) Handbuch des Russischen in Deutschland. Migration – Mehrsprachigkeit – Spracherwerb. – Berlin, 2017.

© Менг К., 2019

© Протасова Е. Ю., 2019

М. Ю. МУХИН

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия)*

УДК 811.161.1'42:81'23:821161.1-3

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ СТАТИСТИКИ, ИДИОСТИЛИСТИКИ И ПСИХОЛИНГВИСТИКИ²⁰

Аннотация. В статье обозреваются некоторые возможности использования статистических данных в лингвистике текста и идиостилистике. На основании интерпретации этих данных возможны психолингвистические выводы, касающиеся авторов художественных текстов. Обсуждаются признаки текстов, особенно формальные, которые наиболее пригодны для статистических измерений. Подробно, не только с количественной, но и с качественной точки зрения, рассмотрен параметр объема художественного произведения (на материале русской прозы XIX-XX вв.). На материале прозы XX в. (В. Набоков, А. Платонов, М. Булгаков, М. Шолохов) анализируется распределение слов разных частей речи, средняя длина предложения и условный словарный запас — коэффициент типичности знаков — в произведениях разных авторов. Представлены сведения о различиях в статистических параметрах, которые свидетельствуют об идиостилевых и психолингвистических установках русских прозаиков XIX-XX веков.

Ключевые слова: статистический анализ, идиостиль, лингвистический анализ текста, психолингвистика, В. Набоков, А. Платонов, М. Булгаков, М. Шолохов, русская литература.

Элементы статистики давно и вполне эффективно используются в филологических исследованиях. Без них не обходится психо- и социолингвистические эксперименты, а объективировать работы, выполненные в русле ассоциативной семантики (в особенности, фоносемантики), без статистических данных практически невозможно. Статистические методы «алгеброй» про-

---

²⁰ Исследование выполнено при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Уральского федерального университета (номер соглашения 02.A03.21.0006).

ники и в классическую филологию, которая изучает то, что со времен Пушкина мы называем «гармонией» — художественную литературу. Все счетные и дискретные единицы языка, употребляемые в тексте, могут быть элементами статистического анализа: различные грамматические и лексические аспекты, формальные составляющие стихотворного ритма и рифмы. Масштабные исследования измеряют динамику развития индивидуального стиля и литературных направлений, структуру целой литературной ситуации — см., например, работы [Buttows 1992; Баевский 2001] и др.

Однако требования статистики предполагают строгую формализацию текстовых единиц, что затрудняет использование статистических методов в плане интерпретации смысла текста. Безусловно, лингвистическая теория развивается в направлении все большей системности текстового анализа, чему способствует и распространение влияния корпусной лингвистики. Различные системные модели анализа текста представлены в работах [Бабенко 2004; Болотнова 1992; Казарин 2002; Лукин 1999; Новиков 2007; Пищальникова 1992; Сулименко 2009] и многих др. Следует отметить, что представленные в этих монографиях и учебных пособиях структурные модели анализа текста не являются настолько строгими, чтобы их можно было использовать в целях автоматической обработки текста, который бы становился вследствие применения этих моделей машиночитаемым. Иначе говоря, филологические модели все равно ориентированы на использование их человеком — тем более с гуманитарным опытом текстовой интерпретации. В самом деле, моделируя макрокатегории текста (образы автора и персонажей, хронотоп и т. д.), мы обязательно предполагаем человеческое прочтение художественного текста. Ведь восприятие литературного произведения, помимо оценки его формы и содержания, предполагает *переживание* текста читателем. Между делом эта эмоциональная составляющая проникает в коммуникативные модели текста — см., к примеру, работы И. Я. Чернухиной, в которых предложен термин «эффект неожиданности», возникающий вследствие ложного читательского прогнозирования [Чернухина 1990: 174].

Художественную литературу как никакой другой объект лингвистики трудно квантифицировать в силу наличия в нем особо-

го образования, который М. М. Бахтин называл «эстетическим объектом». Однако и художественный текст характеризуется измеряемостью. Он состоит из языковых единиц, имеющих количественные и качественные признаки, причем первые, естественно, формализуются значительно проще. От них мы и будем отталкиваться в рассуждении о нашем предмете, который находится «на перекрестке статистики, идиостилистики и психолингвистики». Наша задача – обсудить ряд статистических параметров текста, позволяющих судить не только об особенностях идиостиля, но и, возможно, о психологических особенностях автора – по крайней мере того условного автора, который представлен в литературных произведениях.

Рассмотрим наиболее простые для статистических измерений параметры художественных текстов:

- 1) объем произведения,
- 2) распределение слов разных частей речи и средняя длина предложения,
- 3) лексика, авторский словарный запас.

1. Объем произведения

В Интернете можно обнаружить разные версии топ-списка самых крупных художественных текстов. По одной из них, самым длинным произведением в мире является роман Жюль Ромена «Люди доброй воли» («Les Hommes de bonne volonté»), написанный с 1932 по 1946 гг. Роман состоит из 27 томов и, кроме того, содержит огромный страничный указатель. По некоторым данным, объем этого произведения превышает два миллиона слов, т.е. он по объему больше, чем увеличенный в четыре раза роман Л. Н. Толстого «Война и мир».

С точки зрения классической филологии объем текста – достаточно факультативная характеристика, по крайней мере если мы берем один жанр (например, сопоставляем между собой только романы или рассказы); главное для филолога – взгляд на текст с точки зрения поэтики. Однако, по нашему мнению, ценностных признаков у объема художественного произведения гораздо больше, чем кажется на первый взгляд.

Во-первых, для статистических измерений: очевидно, что чем больше по объему текст, тем результаты исследования объ-

ективнее, так как повторяемость единиц выше. В этом смысле текстовые элементы можно расположить по шкале частоты встречаемости. Чем частотнее явление, тем меньше погрешность при интерпретации статистических данных. Самые частотные — буквы и буквосочетания; затем — морфологические признаки слов, синтаксические конструкции и связи; далее — лексемы (сначала самые частотные: служебные слова, местоимения, — потом знаменательная лексика от глагола *быть*, по мере убывания частоты). И замыкают список — элементы композиции, которых по определению не может быть много, даже в большом романе.

Во-вторых, с объемом связана вероятность стилизации, подделки. Роман большого объема в духе того или иного автора написать значительно сложнее, чем небольшое стихотворение. В третьих, объем произведения можно считать идиостилевым показателем в пиковых случаях (примеры из русской литературы — Л. Н. Толстой и М. А. Шолохов) или в случае повторяющихся форм, какой является, например, онегинская строфа.

Посмотрим на вычисленные нами примерные объемы классической прозы XIX века.

Л. Н. Толстой: «Война и Мир» (около 459 тыс. слов), «Анна Каренина» (около 270), «Воскресение» (136,5). Ф. М. Достоевский: «Братья Карамазовы» (290,5), «Игрок» (225), «Бесы» (198), «Подросток» (187), «Преступление и наказание» (184). И. А. Гончаров: «Фрегат “Паллада”» (238,4), «Обрыв» (232,5), «Обломов» (150), «Обыкновенная история» (94).

И на фоне перечисленных авторов — И. С. Тургенев: «Отцы и дети» (55,5), «Дворянское гнездо» (47,4), «Рудин» (36,2). Н. В. Гоголь: «Мертвые души» (72,8), М. Ю. Лермонтов: «Герой нашего времени» (41,8).

Сравнивать по объему произведения разных веков некорректно: в XX в. стали писать в среднем значительно менее крупные романы (см. далее), но для одного века цифры вполне показательны. Писатели, склонные к (условно) более эпичному повествованию, включающему большое количество фактов, персонажей, событий, создают и более объемные тексты. И в этом, безусловно, проявляются личностные черты «эпиков» и

значительно более «лиричных» авторов, каким, например, является И. С. Тургенев.

Среди самых крупных произведений, написанных по-русски в XX в., безусловно, романы М. А. Шолохова «Тихий Дон» (около 425 тыс. слов), «Понятая целина» (205 тысяч) и роман А. Н. Толстого «Хождение по мукам» (275,2). Многие известные авторы-романисты написали не более одного романа, превышающего 100 тысяч слов. Так, в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» 112,4 тысячи слов, в «Чевенгуре» А. А. Платонова – 115, в «Даре» В. В. Набокова – 103. Остальные произведения этих авторов существенно меньше, особенно у Андрея Платонова. Условная шкала «эпичности»/«лиричности» не является сколько-нибудь строгой, но на ней четверка классиков расположилась так: Шолохов – Булгаков – Набоков – Платонов. И как бы мы ни объясняли склонность автора к крупным или, наоборот, малым формам, она так или иначе имеет личностный отпечаток.

2. Грамматико-статистические параметры текста

В этом и следующем разделе мы продолжим сравнивать четырех известных прозаиков XX в. и интерпретировать статистические данные, полученные на основании анализа 16 крупных текстов М. Булгакова («Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита», В. Набокова («Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Камера обскура», «Дар»), А. Платонова («Сокровенный человек», «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море» и М. Шолохова («Тихий Дон», «Поднятая целина», «Судьба человека», «Они сражались за Родину»).

Можно привести следующие сведения о соотношении в этих текстах слов разных частей речи (точнее – знаменательных частей речи). Доля знаменательных слов у каждого автора колеблется от 54 до 60 %, в среднем 57–59 %. Однако обращают на себя внимание значимые различия в самом распределении слов разных частей речи.

В идиостиле Владимира Набокова проявляется явно повышенное количество признаков слов за счет уменьшения существительных и глаголов. Прилагательные составляют в его

произведениях более 16 % форм знаменательных частей речи, а если их объединить с наречиями, то в сумме получается 28 % (у других авторов другая цифра – 23 %. Это в целом подтверждает особенности употребления прилагательных В. Набоковым, часто намеренного, приводящего к компрессии художественного описания – см. об этом в работе [Мухин 1998].

М. Шолохов явно тяготеет к употреблению глаголов (почти 35 %), что обусловлено процессуальной динамичностью эпических произведений. Булгаков значительно чаще других употребляет в текстах числительные. Действительно, в его текстах многое подвергается счету (деньги, например). Часто встречается в романах Булгакова лексика, обозначающая время и его количественные параметры.

Теперь о длине предложений в исследуемых текстах: у М. Булгакова среднее количество слов в предложении – 11,3; у В. Набокова – 15,7; у А. Платонова – 14; у М. Шолохова – 9,7. При этом короче всего фразы в «Тихом Доне» – 9,2 слова; наиболее длинные зафиксированы в романе Набокова «Дар» – в среднем почти 22 слова. Можно было бы «привязать» эти сведения к разнице в сюжетах произведений. Действительно, длинные фразы встречаются там, где больше пространных рассуждений («Дар»), а короткие предложения – там, где, во-первых, быстрее разворачивается динамичное повествование и, во-вторых, больше диалогов. Рядом с «Тихим Доном» и «Поднятой целиной» здесь можно поставить «Белую гвардию» Булгакова или «Сокровенного человека» Платонова (около десяти слов в предложении).

Однако эта особенность имеет и явный идиостилевой оттенок. Если мы посмотрим на произведения Владимира Набокова, то в среднем в предложениях самых «динамичных» его романов «Король, дама, валет» и «Камера обскура» как минимум 12 слов. В итоге сюжетное влияние здесь оказывается не единственным фактором. Мы можем констатировать и авторские признаки: склонность В. Набокова и А. Платонова по-разному, но весьма пространно описывать предметы и ситуации и, наоборот, тяготение М. Булгакова и М. Шолохова к динамичным и даже отрывочным элементам романного повествования.

3. Лексика, авторский словарный запас

Как писал Гейр Хьетсо в связи с определением авторства «Тихого Дона», «богатство авторского словаря предпочтительно оценивать посредством коэффициента типичности знаков (КТЗ), т. е. измерением отношения числа различных форм (типов) слов к общему числу словоупотреблений (знаков) в тексте» [Хьетсо и др. 1989: 105]. Этот относительный коэффициент позволяет при оценке словарного запаса снять проблему влияния объема текста.

При этом с увеличением объема произведения это отношение падает: чем больше роман, тем относительно меньше уникальных слов приходится на целый текст. «По мере удлинения текста возможность обнаружить слова, ранее не употребленные писателем, естественно сокращается» [Там же: 106]. Так, у Булгакова в «Театральном романе» леммы составляют 25 % по отношению к словоформам, а в «Мастере и Маргарите» – 15 %; у Шолохова в рассказе «Судьба человека» – 42 %, а в «Тихом Доне» – 8,5 %. Для того, чтобы коэффициент типичности знаков стал объективным, нужно вычислить его среднее значение в сходных по объему частях текста.

Все исследуемые тексты были разбиты на фрагменты по 6 тыс. употреблений слов знаменательных частей речи (а не всех слов, как в исследовании скандинавского коллектива, возглавляемого Хьетсо). В каждом фрагменте вычислено количество лемм и выведено среднее соотношение КТЗ для всего произведения. Согласно полученным данным, КТЗ для слов знаменательных частей речи колеблется от 36 % («Котлован») до 53 % («Дар») слов на фрагмент, в основном около 44 %. По среднему КТЗ, т. е. условному лексикону, больше всего слов знаменательных частей речи у Михаила Шолохова (46,6 %), меньше всего – у Андрея Платонова (40 %). Примерно одинаковые значения КТЗ у Владимира Набокова (44,6 %) и Михаила Булгаков (44,3 %). Более подробно о методике подсчета см. в работе [Мухин 2010].

Конечно, из этого не следует, что автор с большим значением КТЗ лучше других или даже, например, имеет большую эрудицию. «То, с чем мы здесь сталкиваемся, – пишет Г. Хьетсо, – это прежде всего важная особенность стилистической манеры

писателя» [Там же: 114]. В чем же заключается эта важная особенность? В шолоховских текстах объем словаря, конечно, определяется большим количеством диалектных и просторечных слов и вариантов. Можно отметить лексическую «дотошность» Владимира Набокова, стремление к детализации, которую мы наблюдаем и у Набокова, и у Булгакова. И, безусловно, у Платонова к лексическим изыскам было достаточно спокойное отношение, что подтверждает идею Иосифа Бродского: Андрей Платонов не занимался «хитросплетениями сюжета, типографскими изысками и стилистическими кружевами» [Бродский 2001: 73]. Что это как не психолингвистическая характеристика творчества? В текстах писателя вроде так же много просторечных и узкоспециальных слов – однако совсем не так же много, как у М. Шолохова. В итоге платоновский лексикон оказывается по объему меньше, чем у других авторов.

Итак, мы рассмотрели одни из самых формальных признаков художественного текста: объем, распределение слов разных частей речи, среднюю длину предложения и условный словарный запас, понимаемый как отношение количества слов к количеству словоупотреблений. Чем формальнее признак, тем проще получить по нему недвусмысленные статистические данные. Мы видим, что эти данные свидетельствуют об идиостилевых особенностях текстов, и нам хочется видеть в этой интерпретации, пусть не абсолютно точной, психолингвистические черты. Естественно, судить о психологических особенностях самих авторов – реальных людей – по этим данным можно только косвенно.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко Л. Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – М., Екатеринбург, 2004.

Баевский В. С. Лингвистические, математические, семиотические и компьютерные модели в истории и теории литературы. – М., 2001.

Болотнова Н. С. Художественный текст в коммуникативном аспекте и комплексный анализ единиц лексического уровня. – Томск, 1992.

Бродский И. Послесловие к «Котловану» А. Платонова // Соч. Иосифа Бродского. – СПб., 2001. Т. 7. С. 72–74.

Казарин Ю. В. Поэтическое состояние языка (попытка осмысления). – Екатеринбург, 2002.

Лукин В. А. Художественный текст: основы лингвистической теории и элементы анализа. – М., 1999.

Мухин М. Ю. Лексическая статистика и концептуальная система автора: М. Булгаков, В. Набоков, А. Платонов, М. Шолохов. – Екатеринбург, 2010.

Мухин М. Ю. Синтагматическое напряжение в романах Владимира Набокова : дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 1998.

Новиков Л. А. Художественный текст и его анализ. – М., 2007.

Пищальникова В. А. Проблема идиостиля. Психолингвистический аспект. – Барнаул, 1992.

Сулименко Н. Е. Текст и аспекты его лексического анализа. – М., 2009.

Хьетсо Г., Густавссон С. и др. Кто написал «Тихий Дон»? – М., 1989.

Чернухина И. Я. Основы контрастивной поэтики. – Воронеж, 1990.

Burrows J. F. Computers and the Study of Literature // Computers and Written Texts. – Oxford, 1992. Pp. 167–204.

©Мухин М. Ю., 2019

Б. Ю. НОРМАН

(Белорусский государственный университет

г. Минск, Беларусь;

Трирский университет

г. Трир, Германия)

УДК 821.161.1-1

«ОТДАЛЕННОЕ ЗНАКОМСТВО СЛОВ»²¹

Аннотация. Изучение связей между словами в человеческом сознании приводит к выводу, что кроме непосредственных связей там присутствуют и опосредованные (многочленные). В статье изучаются цепочки ассоциаций, которые складываются в голове у человека в процессе речемыслительной деятельности. Одна часть статьи посвящена результатам психолингвистических экспериментов (словарям ассоциативных норм русского языка), другая – анализу текстов русской поэзии XX в. В центре внимания – процесс поиска и выбора нужного слова. Отмечается роль звуковых (фонетических) связей между словами; описывается явление анафонии и анаграмм в поэтическом тексте. Показано, что переносное (метафорическое) употребление слова тесно связано с процессами синтаксической перестройки фразы. Приводятся многочисленные примеры семантико-синтаксических преобразований из русской поэзии. Особенно подробно исследуются произведения Осипа Мандельштама и Бориса Пастернака: их смысл и возможности интерпретации читателем.

Ключевые слова: связи слов в сознании, ассоциативные нормы, русская поэзия, анафония, переносные значения, синтаксические преобразования фразы.

1. Данные ассоциативных словарей

В языковой памяти человека хранится огромное количество готовых к употреблению единиц, в том числе десятки тысяч слов. Не подлежит сомнению, что это множество каким-то образом упорядочено, организовано. Виды связей между словами в сознании давно составляют один из объектов лингвистических

---

²¹ Исследование выполнено при поддержке немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG) (Научный центр «Русскоязычная поэзия в транзите»; Трирский университет, Германия)

исследований. Кроме собственно наблюдений над речевой практикой человека (в условиях разговорной речи, в художественных текстах и т.п.), могут в данных целях использоваться и экспериментальные методики. В частности, весьма важным подспорьем в изучении организации словарного состава является свободный ассоциативный эксперимент. Большое количество испытуемых (как правило, не менее 500) отвечают на заданный словесный стимул первой приходящей в голову реакцией. А с учетом того, что и стимулов используется достаточное количество (за основу обычно принимается список из 100 слов Кент-Розанова), в результате таких экспериментов мы получаем объемную и довольно полную картину словесных связей в сознании. Словари ассоциативных норм разных языков фиксируют эти связи и одновременно демонстрируют их сложный и многовекторный характер.

Скажем, на стимул ХЛЕБ носители русского языка чаще всего отвечают следующими реакциями (после ответов указано их количество, по данным [САНРЯ]):

ХЛЕБ – насыщенный 123, соль 119, черный 49, белый 38, свежий 19, имя существительное 17, вкусно 16, съесть, черствый 15, булка 14, пшеница, ржаной, рожь 12, мягкий, поле 8, еда 7, пища, розы 6, жизнь, украинский 5, горячий, кушать, масло, печь, стол 4, булочная, горький, купить, магазин, молоко, нож, халва 3...

Практически все эти ответы укладываются в известные, многократно описанные классы психолингвистических реакций, см.: [Клименко 1974: 49–51]. Реакции на стимул ХЛЕБ – *черный, белый, свежий, черствый, ржаной, мягкий* и др. – типичные синтагматические ассоциации (образующие подчинительные словосочетания). Реакция ХЛЕБ – *насыщенный* – также синтагматическая, но подтверждаемая цитатой (словами молитвы). Реакции ХЛЕБ – *булка, еда, пища* – парадигматические (основанные на противопоставлении по одному, хотя бы и существенному, признаку). Реакции *соль, вкусно, пшеница, рожь, поле* и др. – тематические. Реакция *имя существительное* – цитатная (отсылка к названию романа М. Алексеева «Хлеб – имя существительное» и одноименного художественного фильма). Той же

природы реакция *розы* (английский фильм 2000 г. «Хлеб и розы»)...

Важно подчеркнуть, что всё это, так или иначе, – смысловые реакции. Они воплощают в себе многообразные семантические связи слова ХЛЕБ с другими русскими словами. (Может быть, только в реакции ХЛЕБ – *халва*, кроме «гастрономической» связи, можно усмотреть формальное основание в виде созвучия, консонантной переклички [х] – [л]/[л'] – [б]/[в].) Нейрофизиологи и психолингвисты, изучавшие речевую деятельность экспериментальными методами, многократно указывали, что доминируют в этом процессе именно смысловые векторы. А. Р. Лурия в своих пионерских работах по нейролингвистике показывал, что «вокруг каждой лексической единицы действительно создается многомерная сеть связей, причем в норме преобладающую роль играют смысловые связи (семантическое поле), тормозящие звуковое сходство, а в патологических или тормозных состояниях заторможенные примитивные (звуковые) связи растормаживаются и уравниваются по своему значению со смысловыми связями» [Лурия 1975: 36].

И позже экспериментальные исследования подтверждали, что «реакции по созвучию, как правило, относились к категории второсортных: диффузных, примитивных, простых и т.п.» [Ушакова 1979: 46]. Иными словами, формальное (звуковое или буквенное) сходство очень редко служит основанием для объединения слов в сознании. Такие ассоциации также представлены в САНРЯ (например, ГОЛОВА – *олово*, ГОЛОС – *колос*, ДЕНЬ – *деньги*, ЖУРНАЛ – *журавль*, ПОВОД – *поводырь*, СЧЕТ – *щетка*, УГОЛ – *угорь* и т.п.), но доля их в общем объеме ответов крайне мала: как правило, это единичные реакции.

Разумеется, носитель языка способен воспринимать и семантизировать и такие единицы, которые ранее ему никогда в речи не встречались. В таком случае особый интерес представляют его реакции на псевдослова – искусственные, придуманные лексические единицы. А. Е. Кибрик, специально предлагавший испытуемым стимулы типа *динист*, *пармочек*, *смаливо*, *бодина*, установил, что в большинстве случаев они воспринимались «не как ни с чем не ассоциируемые звуковые отрезки, а как незнакомые слова, которые в принципе могут встретиться в русском

тексте или словаре» [Кибрик 1968: 159]. А в диссертации В. И. Малова было показано, что в подобной ситуации «самые простые и в норме второстепенные звуковые связи становятся доминирующими в ситуации интерпретирования асемантического текста» [Малов 2001: 16]. К примеру, если задать в качестве стимула псевдослово СТРОН, то процент фонетических реакций сильно возрастает: у испытуемого просто нет семантической точки отсчета, смысловой базы, на которую он бы мог опереться. И основная масса ответов в таком случае – это слова вроде *трон*, *стройка*, *страна*, *патрон*, *стон*, *звон* и т.п., ср.: [Пузырев 2014: 161–166].

Если вернуться к стандартным (частотным и типичным) смысловым реакциям, то следует уточнить: они составляют обычно более 80% всех ответов. Однако остается некоторое количество реакций, встретившихся на слово-стимул всего 1-2 раза и требующих специального комментария. С точки зрения лингвиста, эти случаи представляют особый интерес, потому что они объясняются не только особенностями личности испытуемого, но и спецификой механизма ассоциирования.

В частности, на стимул ХЛЕБ в том же Словаре [САНРЯ], в конце списка реакций, приводятся следующие ассоциации с частотой 1: *возраст*, *Вьетнам*, *город*, *кот*, *нога*, *полушка*, *разведчик*, *яблоко раздора*...

Некоторая странность таких реакций, т. е. наблюдаемый в этих случаях «когнитивный диссонанс», наводит на мысль, что между словом-стимулом и словом-реакцией должен существовать какой-то «мостик», промежуточное звено. Мысль о возможности «цепочечных» ассоциаций в сознании человека была высказана очень давно. Еще в 40-е годы прошлого века американские психологи Ч. Кофер и Д. Фоли экспериментально показали, что каждое слово в сознании человека связывается с другими словами многочисленными и многообразными связями. Эти связи могут быть смысловыми и формальными, прямыми и опосредованными; в последнем случае они образуют цепочки, ветвящуюся сеть вербальных ассоциаций, доходящую до 8 ступеней [Cofer, Foley 1942: 528-530].

Рассмотрим несколько простых случаев. В [САНРЯ] на стимул БУМАГА зафиксирована реакция *мел*. Вряд ли это рефлек-

сия устойчивого выражения *мелованная бумага*. Скорее перед нами результат мысленного переноса по цвету: БУМАГА – (белая) – *мел*. Восстановление промежуточного звена *белая* делает реакцию *мел* абсолютно естественной. Точно так же пара УГОЛ – *резкий* нуждается для своей мотивировки в подстановке «посредника» *острый*. На тот же стимул УГОЛ встретился и ответ *поэт П. Коган*, опирающийся в своей основе на цитатную ассоциацию – строки из стихотворения Павла Когана: *Я с детства не любил овал, Я с детства угол рисовал...* Среди реакций на стимул БЕЛЫЙ есть ответ *квадрат*; скорее всего, это результат последовательной ассоциации БЕЛЫЙ – (черный) – *квадрат* («Черный квадрат» – известное полотно К. Малевича). А реакция *хлев* на слово-стимул ЧИСТЫЙ так же, очевидно, опосредована антонимическим звеном (грязный)... Во всех этих случаях мы имеем дело с последовательностью из двух смысловых ассоциаций. Однако для дальнейшего изложения стоит затронуть вопрос о механизмах ассоциирования и о соотношении двух возможных его оснований – семантического и фонетического.

Возьмем, к примеру, реакцию ХЛЕБ – *полушка*. *Полушка* вообще-то – старинная мелкая медная монета в $\frac{1}{4}$ копейки (и соответствующая цена). Современному носителю русского языка это слово знакомо более всего по пословице *За морем телушка – полушка, да рубль – перевоз*. Однако сегодня хлеб своей ценой вряд ли может напоминать полушку (среди реакций на ХЛЕБ в [САНРЯ] представлена и такая: *14 копеек*). Вместе с тем, испытываемые хорошо ощущают хлеб как товар: среди ответов встречаются *купить, магазин, булочная...* Следовательно, логично восстановить тут трехзвенную цепочку ассоциирования: ХЛЕБ – (цена) – *полушка* (с мысленным выходом на пословицу).

Однако для пары ХЛЕБ – *полушка* есть и другие варианты восстановления промежуточного звена. Это существительные *половинка* и *горбушка*. Оба слова легко сочетаются с исходным *хлеб* (*половинка хлеба, горбушка хлеба*). Но характерно, что для обеих предположительных цепочек:

ХЛЕБ – (половинка) – *полушка* и

ХЛЕБ – (горбушка) – *полушка*

первый «шаг» ассоциирования делается на смысловой основе, а второй – на формальной. *Половинка – полушка и горбушка – полушка* – это, скорее всего, фонетические ассоциации!

Сделанное наблюдение в каком-то смысле уравнивает между собой в правах семантические и фонетические основания для межсловных связей. И это далеко не единственный случай. Возьмем еще один пример из [САНРЯ]: ассоциацию СТОЛ – *телеграф*. Наиболее естественный способ ее объяснения – это предположить возникновение в сознании носителя языка промежуточного звена (*телеграфный*) столб:

СТОЛ – (столб) – *телеграф*.

Здесь первый шаг ассоциирования – формальный, а второй – смысловой. Получается, что словесные ассоциации в сознании могут иметь вид сложных комплексов, последовательных или ветвящихся цепочек, и смысловое основание в них может чередоваться со звуковым [Норман 1994: 71–72; Норман 2011: 71–74]. Это заставляет нас вернуться к проблеме участия фонетических связей в процессе речепорождения – при выборе говорящим конкретной лексической единицы. По-видимому, представленные в обычной ситуации в виде скрытых, фоновых знаний, в определенных дискурсивных условиях они могут активироваться. В уже цитированной книге Т. Н. Ушаковой говорится: «Небезынтересно поставить вопрос, какую роль в психической жизни человека играют связи по созвучию. Вероятно, они имеют значение в рифмовании, стихосложении. Следует полагать, что поэтически одаренные люди имеют особенности нервной деятельности, обуславливающие легкое установление и воспроизведение связей между созвучными словами» [Ушакова 1979: 46].

2. Роль фонетических связей между словами в поэтическом творчестве

Среди особых дискурсивных условий, в которых формальные (звуковые) связи могут как раз превалировать, брать верх, следует специально отметить ситуацию поэтического творчества. О том, что здесь, в поэзии, звук становится равным смыслу или даже определяет смысл, многократно говорили и писали сами поэты. В частности, Иосифу Бродскому принадлежит такое признание:

«Поэт работает с голоса, со звука. Содержание для него не так важно, как это принято думать. Для поэта между фонетикой и семантикой разницы почти нет» (С. Волков. Диалоги с Иосифом Бродским).

Нередко связь смысла со звуком мотивируется исторически, и тогда мы имеем дело со своего рода поэтической этимологией или псевдоэтимологией. Вот стихотворное подтверждение этой мысли:

Созвучья слова не случайны!
Пусть связь речений далека,
В ней неразгаданные тайны
Всегда живого языка

В. Брюсов. Созвучья слова не случайны!).

А еще более отчетливо эта идея выражена в следующих строках прозаика Андрея Битова (который, кстати, и сам пробовал свои силы в поэзии):

«Я, право, не знаю, что было бы с русской поэзией и отчего бы она была именно русской, кабы не приговоренная бедность рифм «кровь – любовь» и «человек – век». И что было бы со смыслом русской литературы и отчего бы она была именно русской, кабы не были созвучны «деревня – деревья – древний» и «крест – крестьянин – христианин». Здесь лежат первые и скорее впоследствии забытые, чем уточненные, связи языка и жизни» (А. Битов. Статьи из романа).

Надо сказать, что стремление связать между собой слова по внешнему сходству соответствует и наивным интенциям обывателя. Ведь обычному носителю языка тоже «слышатся» в *подоушка* – *ушко*, в *довлеть* – *давить*, в *насмарку* – *насморг*, в *нувориши* – *вор*, *воришка*, в *спартакиада* – *спорт* и т.д.; и то, что эти этимологии – ложные, никого не волнует.

Однако подчеркнем: обостренное внимание к звуковой стороне речи (или даже ее приоритет) свойственно все же поэзии, причем не исключительно стихотворному творчеству, а особому взгляду на мир, при котором мыслительная деятельность как таковая сопровождается постоянным подбором и «взвешиванием» единиц плана выражения. В сознании эти механизмы взаимодействуют, переплетаются друг с другом. Очень ярким примером может служить проза Марины Цветаевой – фактически

это попытка передать на бумаге феномен, известный психолингвистам под названием внутренней речи. Два маленьких фрагмента из повести «Мать и музыка»:

«Как с первой до последней минуты давала, – даже давила! – не давая улечься, умяться (нам – успокоиться), заливала и забила с верхом – впечатление на впечатление и воспоминание на воспоминание – как в уже не вмещающий сундук (кстати, оказавшийся бездонным), нечаянно или нарочно?

...Но у педали была еще одна – словесная родня: *педель*, педель студенческих *сходок*, педель, забравший на сходке нашего с Асей до собачьего вою любимого Аркадия Александровича (Аркаэксаныча)... Но, назвав педеля, не могу не упомянуть его словесной родни: Пуделя, белого ученого Капи из «*Sans Famille*», который рвет педеля за *панталоны* – тогда педель Аркаэксаныча выпускает, – и их общей, педеля и педали, словесной родни, двоюродной сестры *падали*, той падали, которая пахнет – одну секунду – и каждый раз – и безумно сильно в бузине, у самого подступа к нашей тарусской даче...».

Мы видим, что параллельно с развитием смысловой ткани текста тут происходит столь же активное следование формальным ассоциациям, уводящим автора в сторону от генеральной линии повествования: *педаль* – *педель* – *пудель* – *панталоны* – *пададь*... Вообще внимание к звуковой стороне языка, или так называемая анафония, повтор определенных звуков и созвучий, занимает в речевой деятельности человека большее место, чем это обычно представляется (см. уже упоминавшееся исследование: [Пузырев 2014: 13-351]). Что же касается художественных текстов, то тут насыщение определенными фонемами справедливо рассматривается как источник дополнительной иллюкутивной силы, описываемой в терминах «магии слов». Элементы плана выражения (фонемы, буквы) приобретают собственное значение. При этом семантизация незначковых единиц в художественном произведении происходит различными путями. Один из них, в соответствии с идеями фоносимволизма, – поиск глубинных корреспонденций между звуком и смыслом в человеческой психике. В более простом и естественном случае «звуковые повторы могут устанавливать дополнительные связи между словами, внося в семантическую организацию текста со-

противопоставления, менее ясно выраженные или вообще отсутствующие на уровне естественного языка» [Лотман 1970: 136-137]. В частном случае анафония преследует ту цель, чтобы в подсознании читателя воссоздались разбросанные, распределенные по тексту части ключевых слов; в такой ситуации правомерно говорить об анаграмме. Ср. также понимание паронимии и паронимической аттракции как стержневого приема «художнической рефлексии» [Григорьев 1979: 259–267].

Для того, чтобы продемонстрировать многовекторный поиск и подбор номинаций в условиях постоянной активизации звуко-ряда, рассмотрим два примера. Первый – фрагмент стихотворения Бориса Пастернака «Город»:

...Бьется пригород Тьмутараканью в падучей.
Это Люберцы или Любань. Это гам
Шпор и блюдец, и тамбурных дворец, и рам
О чугунный перрон. Это сонный разброд
Бутербродов с цикорной бурдой и ботфорт.

«Эпический мотив» города воплощается здесь в картине вокзально-железнодорожной суеты. Инструментовка на взрывные согласные [б]/[п], [д]/[т], сонорные [р], [м], [н], а также [ц] на фоне гласного [у] (характеризующегося повышенной частотой по сравнению со средней величиной) не только создает общее впечатление хаоса, разноголосицы, гула и грохота, но и вызывает в сознании ассоциации с такими русскими словами, как *барабан, таракан, тарарам, сумбур, бред, белиберда, бормотать, бранить, бренчать, тендер, трюм, центр, центнер, цербер, цедра, перец...* Какие из этих слов актуализируются в теневой части сознания читателя, сказать трудно – это дело случая. Как известно, энтропия поэтического текста не только устраивает читателя, но и привлекает его. Но находить в этом отрывке анафонию вполне правомерно. Мозаичный образ города, пригорода, вокзала и перрона держится на нити созвучий.

Второй пример – уже анализировавшееся нами [Норман 2003] стихотворение Осипа Мандельштама «Куда мне деться в этом январе?» (1937). Приведем его целиком.

Куда мне деться в этом январе?

Открытый город сумасбродно цепок...
От замкнутых я, что ли, пьян дверей? –
И хочется мычать от всех замков и скрепок.

И переулков лающих чулки,
И улиц перекошенных чуланы –
И прячутся поспешно в уголки
И выбегают из углов угланы...

И в яму, в бородавчатую темь
Скольжу к обледенелой водокачке
И, спотыкаясь, мертвый воздух ем,
И разлетаются грачи в горячке –

А я за ними ахаю, крича
В какой-то мерзлый деревянный короб:
– Читателя! советчика! врача!
На лестнице колючей разговора б!

Не касаясь здесь ни идейного (концептуального) строя стихотворения, ни использования в нем многообразных лексических и грамматических средств, обратим внимание только на возможные анафонические связи. Взаимодействие семантических и фонетических ассоциаций дает читателю основания обнаружить в тексте прямо не названные, но как бы подразумеваемые там лексемы.

К примеру, многочисленные слова, обозначающие процессы звучания (*мычать, лающих, ахаю, крича*), в комбинации с другими словами с педалированными [у], [л], [г] / [к] (*переулков, чулки, улиц, чуланы, уголки, углов, угланы*) позволяют «услышать» скрытую в тексте лексему *гулкий (гулок)*.

Точно так же словоформы *открытый, цепок, замкнутых, дверей, замков, скрепок*, объединяемые общей семой ‘отпирать/запирать’, в одном контексте с фонетически выразительными оболочками *чулки* и *колючей*, инструментованными на [к] / [к’], [л] / [л’], [ч], могут навести читателя на «зашифрованную» лексему *ключи*. Если есть *замки* и *замкнутые двери*, то должны быть и *ключи*!

Совокупность словоформ *город, грачи, в горячке, мертвый, деревянный, короб, разговора б* позволяет «реконструировать» не названное прямо слово *гроб...*

Конечно, подобное «восстановление» слов и вообще все фоносемантические ассоциации – сфера и плод индивидуального, субъективного речевосприятия. И следует отдавать себе отчет в том, что даже если читатель выбирает какие-то из данных связей, то сам процесс их выбора вряд ли входит в светлое поле его сознания. Однако полностью исключать возможность такого дополнительного проникновения в текст нельзя.

Примечательно, что чрезмерное увлечение звукописью может со временем проходить и даже оцениваться автором отрицательно. Тот же Борис Пастернак после двух десятилетий поэтических экспериментов писал:

Есть в опыте больших поэтов
Черты естественности той,
Что невозможно, их изведав,
Не кончить полной немотой.

В родстве со всем, что есть, уверясь
И знаясь с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту

(«Волны»).

А Владимир Набоков, приводя в романе «Отчаяние» свои ранние стихотворные опыты:

Хохоча, отвечая находчиво,
(отлучиться ты очень не прочь!),
От лучей, от отчаянья отчего,
От чего ты отчалила в ночь? –

комментировал: «Мое, мое, – опыты юности, любовь к бессмысленным звукам...». Таким образом, соотношение доли «формального» и «содержательного» компонентов в поэтическом творчестве может меняться не только от автора к автору, но и от периода к периоду.

3. Сотрудничество фонетики с лексикой и синтаксисом

Взаимодействие языковых уровней в процессе порождения поэтического текста приобретает креативную силу. Поясним этот тезис. С одной стороны, определенная свобода в выборе лексем, обусловленная влиянием звукоряда, стимулирует вариативность порождаемой синтаксической структуры, допуская и в этом отношении те или иные отклонения от нормы. С другой стороны, сквозная фонетическая инструментовка стиха ослабляет обязательность собственно грамматических связей: она принимает на себя значительную часть структурной организации текста.

Иными словами, особое внимание к формальной (звуковой) стороне произведения подталкивает поэта к большей свободе в использовании синтаксических и вообще грамматических средств. Б. Пастернаку несложно было сказать: «Орешник тебя отрешает от дня...», хотя *отрешать от чего-то* – явно архаичная конструкция, еще более странная при неличном субъекте; по сути, строка держится на созвучии *орешник – отрешать*, и эта связь самодостаточна. Но возьмем сначала поэта более традиционного и сдержанного в использовании версификационных средств – Сергея Есенина.

Опять я теплой грустью болен
От овсяного ветерка.
И на известку колоколен
Невольно крестится рука...
(«Запели тесаные дроги...»).

Ненавязчивые звуковые переключки можно заметить и здесь: *грустью* [ст'] – *известку* [ст] – *крестится* [ст']; *известку* [ку] – *колоколен* [ко–ко] – *рука* [ка]; *овсяного* [ва] – *ветерка* [ве] – *известку* [в'о] – *невольно* [во]...

Метафорическое сочетание *теплая грусть* – значит, по-видимому, 'сердечная, душевная, мягкая грусть'. *Овсяной ветерок* – судя по всему, это 'ветерок, долетающий с овсяного поля'. А вот следующие строки требуют более подробного и сложного истолкования. Они означают: 'верующий человек невольно

крестится (рукой), когда видит крест, венчающий собой колокольню церкви, окрашенную белой известью'. Причем обратим внимание: большая часть слов, использованных в толковании, в оригинальном тексте вообще не упоминается, а остается «за скобками»: это *человек, церковь, крест, белый...* Читатель должен восстановить в уме сложную семантическую структуру по ее «сухому остатку».

Процесс синтаксической компрессии, или стяжения (преобразования конструкции в формально более простую, но, вместе с тем, семантически более «емкую», насыщенную), органически связан с другим синтаксическим преобразованием – переносом, или повышением ранга слова (англ. *rising*). В приведенном примере это, в частности, *крестится рука* (из *человек крестится (рукой)*), *на известку колоколен* (из *на колокольни, беленые известкой*) и т.п. Механизмы компрессии и райзинга отработаны как языковая техника и активно применяются в устной речи. Тут они служат экономии речевых усилий. Мы привычно говорим *предварительные кассы* вместо *кассы по предварительной продаже билетов*, *докторский совет* вместо *совет по защите докторских диссертаций*, *таблетки от головы* вместо *таблетки от головной боли*, *куртка Китай* вместо *куртка китайского производства* и т. п. В поэтическом же тексте синтаксические преобразования служат иным целям. Они способствуют «остранению» (термин В. Шкловского) текста, насыщению его дополнительными смыслами. Впрочем, как отмечают исследователи, «коммуникативные признаки, общие для поэтической и разговорной речи, приводят к употреблению одинаковых конструкций и к некоторым сходным принципам построения речи» [Ковтунова 1986: 191], среди которых – и возможность «опускать смысловые звенья».

Благодаря расчету на со-творчество, сотрудничество, на взаимодействие с адресатом (читателем), поэтический текст приобретает 3-е измерение: он принципиально амбивалентен, многозначен, многослоен. Конечно, разные читатели могут извлечь из одного и того же текста различный контент, но поэта это не пугает. Более того, стихотворное произведение априори может рассматриваться как двуплановый, двуслойный текст, в котором, возможно, «зашифрованы» некие не названные прямо

слова. Синтаксический перенос и стяжение, как мы только что видели, могут участвовать в механизме такого речепорождения. Но и фонетический строй стиха помогает найти в нем подтекст.

Более того, звуковые сопоставления могут становиться конструктивно определяющими, «смыслонесущими». Так стихотворение современной поэтессы Вероники Долиной «От твоего дома» полностью построено на антитезе, синтаксически не проработанной, не завершенной:

От моего чуда – до твоего чада,
от моего худа – до твоего ада,
от моего Клина – до твоего Крыма,
от моего сына – до твоего сына,
от твоего гроба – до моего хлеба,
от моего нёба – до твоего неба,
от твоей соли – до моей силы,
от твоей боли – до моей были...

Что означает это «от – до»: дистанция? Путь, который нужно пройти – начальная и конечная точки? Антиномии двух миров? Читатель (и слушатель) не ищет ответа на эти вопросы, потому что ему вполне достаточно словесных контрастов, основанных на звуковом сходстве (*чудо – чадо* и т. д.).

Приведем еще один пример из тоже, казалось бы, иной оперы: начало текста песни барда Олега Митяева «Французенка»:

Неровность вычурная крыш
Течет за горизонт.
Семнадцатый квартал, Париж.
Чуть вздрагивает зонт...

Трудно не заметить тут инструментовку на согласные: [р] – [в] – [н] – [д]/ [т]... Что кроется за этими звуками, какие еще слова? *Нервно? Тревога? Верность? Ревность? Травма? Вранье? Отрава?*.. Вряд ли можно говорить здесь в прямом смысле о какой-то криптографии, о зашифрованной в данном тексте анаграмме. Однако общая атмосфера неуверенности, тревожно-го настроения не только создается нагромождением указанных

консонантов, но и проецируется в сознании на неожиданную подборку подразумеваемых слов. Эта семантическая сложность поддерживается окказиональной комбинаторикой: *вычурная неровность, неровность течет, зонт вздрагивает...*

Наконец, говоря о синтаксических особенностях современной лирической поэзии, стоит обратить внимание на активное использование в ней номинативных конструкций (*Семнадцатый квартал. Париж...* и т.п.). В уже цитированной книге И. И. Ковтуновой говорится: «Тенденция к заполнению композиционного пространства стиха односоставными предложениями возникла в русской лирической поэзии во второй половине XIX века. Среди односоставных предложений особенно показательны и интересны номинативные и инфинитивные структуры как особые смысловые эквиваленты двусоставных предложений, содержащие только предикат» [Ковтунова 1986: 156]. «Достоинство» номинативных предложений для стихотворного ряда заключается не только в их компактности, но и в том, что они позволяют переключить внимание читателя с синтаксической организации стиха на звуковую.

Мы видим, как фонетика образует с лексикой и синтаксисом сложное целое, совокупно работающее на создание эстетического эффекта.

4. Осип Мандельштам: «мышление опущенными звеньями»

Представляет интерес следующее наблюдение над особенностями творческой манеры Осипа Мандельштама:

«Мандельштам, в противоположность Пастернаку, объяснял Эмме Герштейн свой метод как «мышление опущенными звеньями» – то есть отказ от цепочки: рядом ставятся первое и последнее слово прихотливого ассоциативного ряда, а прочее читатель волен домысливать сам. Мандельштам еще называл это “отдаленным знакомством слов”»... (Д. Быков. Пастернак).

Действительно, в поэзии О. Мандельштама полно примеров, когда сочетания слов скрывают за собой прихотливые цепочки ассоциативных связей. Рассмотрим под этим углом зрения два стихотворения поэта, относящихся к разным периодам творчества.

Московский дождик (1922)

...Он подает куда как скупое
Свой воробьиный холодок –
Немного нам, немного купам,
Немного вишням на лоток.

И в темноте растет кипенье –
Чаинок легкая возня, –
Как бы воздушный муравейник
Пирует в темных зеленях.

И свежих капель виноградник
Зашевелился в мураве, –
Как будто холода рассадник
Открылся в лапчатой Москве!

Содержание стихотворения сводится к импрессии, к передаче общего настроения: Москва, зеленая зона (*купы, зелена, мурава*), мокрая погода (*дождик, кипенье, капли*), прохлада (*холодок, холод*)... Но детали требуют истолкования и домысливания. Прежде всего обращают на себя внимание словосочетания *воробьиный холодок, воздушный муравейник, лапчатая Москва*.

Что такое *воробьиный холодок*? Воробьи «нахохливаются» при плохой погоде (звуковая переключка: *холодок – хохолок*)? Или же имеется в виду переносное значение прилагательного *воробьиный*: ‘малый, слабый, незаметный’ (ср. *воробьиный шаг, скок, нос, клюв...*)? В НКРЯ с этим прилагательным зафиксировано 50 документов, 56 вхождений, и в большинстве случаев это ‘что-то маленькое’ (www.ruscorpora.ru; дата обращения: 01.11.2018). В любом случае «знакомство» слов *холодок* и *воробьиный* опосредовано каким-то третьим звеном (то ли это народная примета, то ли малый размер и т.п.).

Что имеется в виду под выражением *воздушный муравейник*? Очевидно, это о мороси, мелких каплях, рассеянных в воздухе. Причем появление лексемы *муравейник* спровоцировано рядом находящимся словом *муравой* (вот она, поэтическая этимоло-

гия!) И хотя капли, в принципе, летят вниз, а кипенье, возня чайнок – беспорядочное движение, хаос, но идея муравейника эти виды движения объединяет.

Еще одна растительная метафора рядом – *капель виноградинник*. Но *виноградинник* – это участок земли, засаженный виноградными кустами. Здесь же имеется в виду множество виноградин (гроздь?). Может быть, этот *виноградинник* навеян предыдущим *муравейником*? Ассоциация *муравейник* + (виноградины) → *виноградинник*?

Наконец, что значит *лапчатая Москва*? Имеются ли в виду ели с их лапами? Но упоминаемые *купы* предполагают присутствие в поле зрения не хвойных, а лиственных деревьев (тем более, что рядом фигурируют *вишни, зелень, мурава...*). Вряд ли стоит здесь видеть и отсылку к созвучному выражению *лапотная Москва* (*Русь*): никакого пренебрежительного или уничижительного оттенка в стихотворении нет. Скорее всего, отгадку следует видеть в воробьях: это у них – лапки! (Симптоматично, что большинство из 35 документов, 40 вхождений на *лапчатый* в НКРЯ содержат выражение *гусь лапчатый*!) Итак, выявляется цепочка из трех звеньев: *воробьиный* – (лапки воробьев) – *лапчатая Москва*.

Любопытно, что в примечании к стихотворению в издании «Большой серии библиотеки поэта» (М., 1973. С. 282) приводится первая строфа, позже опущенная. Она кое-что проясняет:

Бульварной пропилеи шорох –
Лети, зеленая лапта!
Во рту булавок свежий ворох,
Дробями дождь залепетал.

Слово *лапта* в этой строфе фонетически предвосхищает последующую *лапчатую Москву*, а прилагательное *бульварный* локализует ситуацию (тут, на бульваре, очевидно, и торгуют вишнями, на лоток с которыми попадает дождь).

Здесь же, в примечании, дается отсылка к очерку О. Мандельштама «Холодное лето» (1923):

«Словно мешок со льдом, который никак не может растаять, спрятан в густой зелени Нескучного, и оттуда ползет холодок по

всей лапчатой Москве <...> Жить нам в Москве <...> с воробыиным холодком в июле».

К этому можно добавить, что мешки со льдом часто укрывают еловыми лапами – и это еще один «мостик» к объяснению непростых для понимания фрагментов стихотворения.

Интересно, что Валентин Катаев в биографической повести «Алмазный мой венец» подтверждает обстоятельства, которые привели к созданию «Московского дождика»:

«Ветер качал купы разросшихся, давно уже не стриженных деревьев, кажется, лип, а может быть, тополей, и мне чудилось, что они тоже колобродят, обреченные на сруб.

Глядя в окно на эту живую, шевелящуюся под дождем листву, Щелкунчик (прозвище Мандельштама в этой повести – Б. Н.) однажды сочинил дивное стихотворение, тут же, при мне, записанное на клочке бумаги, названное совсем по-детски мило “Московский дождик”».

Идиолект писателя, а в особенности поэта, формируется совокупностью наиболее частотных и характерных слов и выражений. Существуют исследования, со всей определенностью моделирующие идейно-концептуальный строй художественного текста через наиболее частотную знаменательную лексику (см. уже классический образец такой работы – [Левин 1966]). И Мандельштам не раз возвращается к излюбленным образам. В частности, в стихотворении «Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...», под которым стоит дата 1931 год, мы встречаем такие строки:

В широкую разлапицу бульваров...
И пахло до отказа лавровишней...
Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом...
Он с Моцартом в Москве души не чаёт –
За карий глаз, за воробыиный хмель...
Конвейером воздушным сквозняки...

Здесь представляют интерес не только *разлапица бульваров*, *лавровишня* и *воробыиный хмель*, но и *не чаёт* (как бы отсылка к чаинкам), и *сквозняки* (аллюзия к *возне*) и т. д.

Приведем теперь второе стихотворение Мандельштама, оно датировано 1937 годом.

Не сравнивай: живущий несравним.
С каким-то ласковым испугом
Я соглашался с равенством равнин,
И неба круг был мне недугом.

Я обращался к воздуху-слуге,
Ждал от него услуги или вести,
И собирался в путь, и плавал по дуге
Не начинающихся путешествий...

Где больше неба мне – там я бродить готов,
И ясная тоска меня не отпускает
От молодых еще, воронежских холмов –
К всечеловеческим, яснеющим в Тоскане.

Стихотворение – о личности, рвущейся к свободе. С «равенством равнин» приходится мириться, хотя оно пугает. Небо притягательно, но недостижимо; этой мечтой впору заболеть (недуг). Воздух – проводник к свободе, к небу, но желанные путешествия так и не начались. Воронежские холмы доступны, но настоящие, «всечеловеческие», – далеко отсюда, в Италии, в Тоскане.

И здесь мы ощущаем созвучия, пронизывающие ткань стихотворения: *не сравнивай – не сравним, неба круг – недугом, слуге – услуги, тоска – отпускает, ясная тоска – яснеющим в Тоскане.*

Но при всей прозрачности архитектоники некоторые фрагменты структуры нуждаются в комментариях.

С кем несравним живущий? Поскольку никакого объекта сравнения не названо (*несравним* – (другие люди) – *живущий*), приходится понимать *несравним* как 'уникален'. И логично отнести эту характеристику к личности автора.

Что значит оксюморонное *ласковый испуг*? Примиренчество или своего рода мазохизм? Испуг бывает легким или сильным, первоначальным или внезапным... Ласковым чаще всего бывает *голос, тон, взгляд* (такие сочетания чаще других дает НКРЯ). Это же качество, заметим, свойственно детям и детенышам (ср. выражения *ласковый мальчик, ласковый котенок...*), и тем же

субъектам присуще такое качество, как пугливость. Может быть, сочетание *ласковый испуг* возникает с участием этого посредника: *ласковый* – (пугливый) – *испуг*?

Упомянутое *равенство равнин* можно понимать двояко. Либо *равенство* равнозначно *ровность* ‘плоскость’ (промежуточная формальная ассоциация), либо это ‘одинаковость’ (тогда смысл: «Равнина есть равнина»).

Выражение *Неба круг был мне недугом* выглядит не совсем по-русски. Правильно было бы сказать *Неба круг был мне неведом* (‘недостижим’), либо *Неба круг был моим недугом* (‘страданием’). Возможно, контаминация этих двух вариантов (восстанавливаемых нами с деликатным предположением) и дала третий вариант, вошедший в стихотворение.

Как видим, ассоциативная цепочка слов может опираться на разную синтаксическую структуру, но для адресата-читателя она подготавливает имплицитную информацию, подтекст, проникновение в который требует дополнительных интеллектуальных усилий.

5. Борис Пастернак: бескрайний сад метафор

Несмотря на приведенную выше цитату (принадлежащую Д. Быкову), в которой стихотворные приемы О. Мандельштама противопоставляются технике Б. Пастернака, у последнего, особенно в раннем творчестве, также можно найти немалое количество примеров «мышления опущенными звеньями». Возьмем начало стихотворения «Ты в ветре, веткой пробующем...»:

Ты в ветре, веткой пробующем,
Не время ль птицам петь,
Намокшая воробышком
Сиреневая ветвь!

У капель – тяжесть запонок,
И сад слепит, как плес,
Обрызганный, закапанный
Мильоном синих слез...

Первая строфа, судя по всему, это обращение к ветке сирени. Конечно, для лингвиста мало чести в том, чтобы «музыку разъять, как труп», но синтаксическая структура здесь вырисовывается следующая: ‘сиреневая ветвь, намокшая, как воробышек, заключается в ветре, который веткой пробует, не время ли птицам петь’. Очевидно, и здесь восстанавливаются некоторые промежуточные смысловые звенья: ветвь, намокшая, **как** воробышек; ветер, **качая** ветку, пробует... Некоторое косноязычие – поэзии не помеха, оно сглаживается изящными звуковыми переключками: [вет] – [вет], [кш] – [шк], [врем’] – [ренев] (*сиреневая*). Вторая строфа синтаксически прозрачна, но и в ней сравнение капель с запонками, сада с плесом, брызг со слезами нуждается в подкреплении звукорядом: *капель – закапанный, слеп(ит) – плес...* И в целом стихотворная стихия Б. Пастернака – это безбрежное море метафор, подкрепляемое звуковыми переключками и не отвергающее синтаксических преобразований.

А в следующих строфах – фрагменте стихотворения «Приближение грозы» – речь идет о громе:

...Как допетровское ядро,
Он лугом пустится вприпрыжку
И раскидает груды дров
Слетевшей на сторону крышкой.

Тогда тоска, как оккупант,
Оцепит даль. Пахнёт окопом.
Закаплет. Ласточки вскипят.
Всей купой в сумрак вступит тополь...

В первой строфе отражается громыханье грома: [тр] – [др] – [пр’] – [пр] – [гр] – [др] – [кр]... Во второй строфе слышится начало дождя: это цепочка [куп] (*оккупант*) – [коп] (*окопом*) – [кап] (*закаплет*) – [кип] (*вскипят*) – [куп] (*купой*), с одновременным нарастанием свистящих согласных.

Что же касается синтаксической структуры, то гром, раскидывающий груды дров крышкой, выглядит несколько странно. Скорее бы тут ожидалась сочинительная конструкция: гром раскидал груды дров, и (с чего-то там) слетела крышка. Или срав-

нение: раскидал груды дров, как (сорвал с чего-то) крышку. Какой-то участник ситуации здесь не назван, нуждается в мысленном восстановлении. *Донетровское ядро* – это снаряд, выпущенный из старинной пушки (в стихотворении есть аллюзии к Русско-шведским войнам). В сознании образуется ассоциативная цепочка *ядро* – (пушка) – (выстрел) – *гром*. Выражение *ласточки вскипят* означает, очевидно, внезапный и бурный взлет стаи ласточек. А *Всей купой в сумрак вступит тополь* подразумевает смысл «фон для дерева – потемневшее небо»... Ю. И. Левин замечал, что случаи, когда «опущенное слово не восстанавливается по контексту – наиболее характерный и пространственный» прием в сборнике «Сестра моя – жизнь» [Левин 1966: 211]. А Д. Быков в уже цитированной книге высказывается о метафоре Б. Пастернака почти саркастически:

Деревья машут поезду, гром фотографирует на память, хлопья шепчут, течение ест зарю, иногда происходит нечто вовсе уж невразумительное – «сиренью моет подоконник продрогший абрис ледника», не поймешь, кто кого моет... (Д. Быков. Пастернак).

Конечно, критик имеет право на свою точку зрения. Но не забудем, что поэзия Пастернака оказала огромное влияние на всю русскую литературу, а ее самобытность, оригинальность в значительной степени обязаны собой указанным характеристикам. Бесконечные метафоры, окказиональные словосочетания («отдаленное знакомство слов») создают имплицитную информацию, обладающую эстетической ценностью. Кстати, обращает на себя внимание лексика, используемая Пастернаком в цитированных стихотворениях: она удивительным образом напоминает лексику, уже знакомую нам по приводившимся текстам Мандельштама: *воробышек, капать, капли, вскипеть, купа, тоска...*

Б. Пастернак и О. Мандельштам – современники и в равной степени, несмотря на их различную судьбу, вершины русской поэзии. И при всех идейно-эстетических различиях в их творчестве, они прибегают к одним и тем же языковым техникам, взаимодействие которых составляет универсальную черту поэтического мастерства.

6. Заключение

Связи, существующие между словами в сознании, имеют сложную природу и нередко образуют многочленные цепочки. Массу реакций из словарей ассоциативных норм можно объяснить только восстанавливая опущенные промежуточные звенья. Это – один из объектов психолингвистики.

В то же время мы видим, что и в ткани стиха речевыми партнерами оказываются слова, изначально не связанные друг с другом по смыслу. Восприятие и понимание таких цепочек читателем нуждается в восстановлении подразумеваемых смысловых звеньев. Существенную роль в данном процессе играет звукопись, которая принимает на себя функцию параллельной – поддерживающей или даже доминирующей – линии этих ассоциаций. Речь идет о прямых звуковых повторах, об анаграммах и анафонии.

Восстановление промежуточных звеньев межсловных связей, или ассоциативных «мостиков», выпадающее на долю читателя или слушателя, соответствует общим закономерностям речевой деятельности человека. Поэт же, «устаи которого говорит язык», интуитивно и плодотворно использует весь арсенал этих языковых средств.

ЛИТЕРАТУРА

Григорьев В. П. Поэтика слова. На материале русской советской поэзии. – М., 1979.

Кибрик А. Е. Опыт экспериментального определения степени отмеченности слов // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики (Публикации Отделения структурной и прикладной лингвистики. Вып. 3). – М., 1968. С. 135–164.

Клименко А. П. Лексическая системность и ее психолингвистическое изучение. – Минск, 1974.

Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. – М., 1986.

Левин Ю. И. О некоторых чертах плана содержания в поэтических текстах // Структурная типология языков. – М., 1966. С. 199–215.

Лотман Ю. М. Структура художественного текста. – М., 1970.

Лурия А. Р. Основные проблемы нейролингвистики. – М., 1975.

Малов В. И. Лингвистическое исследование асемантического текста. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2001.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru

Норман Б. Ю. Грамматика говорящего. – СПб., 1994.

Норман Б. К восприятию современного художественного текста (на материале стихотворения О. Мандельштама «Куда мне деться в этом январе?») // *Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet* / Red. L. Szypielewicz. – Warszawa, 2003. С. 132—139.

Норман Б. Ю. Основы психолингвистики. – Минск, 2011.

Пузырев А. В. О системном подходе в лингвистике. – М., 2014.

САНРЯ – Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. А. А. Леонтьева. – М., 1977.

Ушакова Т. Н. Функциональные структуры второй сигнальной системы. Психофизиологические механизмы внутренней речи. – М., 1979.

Cofer Ch. N., Foley J. P. Mediated generalization and the interpretation of verbal behavior: I. Prolegomena // *Psychological Review*. 1942. Vol. 49. Pp. 513-540.

©Норман Б. Ю., 2019

И. В. РУЖИЦКИЙ

*(Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия)*

УДК 37.016:811.161.1

АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Аннотация. В статье показываются возможности использования материалов русского ассоциативного словаря, а также сравнительных ассоциативных словарей для решения ряда лингводидактических задач: (1) разработки алгоритма определения лексического и лингвокультурологического минимума для разных этапов обучения; (2) выявления актуальных для современного русского языкового сознания структурно-семантических и грамматических связей между лексическими единицами; (3) составления учебных текстов и заданий, реализующих функционально-коммуникативный подход в преподавании русского языка как иностранного; (4) анализа лексической единицы с точки зрения актуализации того или иного компонента значения; (5) рассмотрения ассоциативного ряда в качестве единицы обучения и нек. др. Материалы ассоциативных словарей дополнены данными ассоциативного эксперимента, проведённого в иностранной аудитории, а лингводидактический потенциал этого материала иллюстрируется конкретными примерами.

Ключевые слова: ассоциативный словарь, ассоциативный ряд, русский язык как иностранный, проблема лексического минимума, учебное пособие по русскому языку.

Русский ассоциативный словарь [РАС 2002], созданный в начале 1990-х гг. на основе проведения масштабного психолингвистического эксперимента, послужил основой для конструирования целой серии словарей аналогичного типа – сравнительных, региональных, школьных, учебных и др. (см., например, [АСШС 1998–2008; Караулов и др. 2001; САС 2004; Тарасов и др. 2010, 2017; Словарь ассоциаций URL]). Возможности использования материалов этих словарей в практике преподавания русского языка, несмотря на, казалось бы, их изначальную лингводидактическую направленность, коррелирующую с идеей

лично ориентированного обучения и, соответственно, с задачей формирования развитой языковой личности, исследованы далеко не достаточно. Так, в пособиях по русскому языку для иностранных учащихся материалы ассоциативного эксперимента если и задействованы, то очень фрагментарно и бессистемно. Несколько лучше обстоят дела в школьной практике преподавания русского языка, где разрыв между теоретическими исследованиями и их внедрением в учебные программы не такой большой. В этом отношении следует отметить идею анализа ассоциативных полей с метаязыковыми реакциями, зафиксированными в РАС, что «может стать основой разработки новых методик обучения русскому языку с учётом психолингвистических факторов усвоения, хранения и воспроизведения информации» [Коновалова 2017: 146], а также изучение становления грамматической компетенции ребёнка, механизмов порождения словоформ, актуальной грамматики детской речи, которая «выступает во всех случаях индикатором развития когнитивно-дискурсивных потребностей формирующейся языковой личности» [Гридина 2017: 122].

В настоящей статье будет продолжено исследование возможностей использования материалов русского ассоциативного словаря, а также сравнительных ассоциативных словарей для решения ряда лингводидактических задач в обучении русскому языку иностранцев (отдельные соображения относительно такого рода возможностей были высказаны в [Красильникова и др. 2014, 2015; Онякова, Ружицкий 2016; Онякова, Потёмкина 2017]). В указанном аспекте методический потенциал ассоциативных словарей и – шире – данных ассоциативных экспериментов разного типа видится в следующем.

1. Несмотря на то, что для всех этапов обучения русскому языку созданы лексические минимумы, критерии, на основе которых эти минимумы составлялись, вызывают некоторые сомнения, связанные в первую очередь со степенью коммуникативной и когнитивной значимости выносимых в них единиц. Материал, полученный в ходе проведения ассоциативного эксперимента, позволяет скорректировать существующие лексические минимумы, ввести в них новые лексические единицы, в том числе и устойчивые сочетания (например, с ярко выражен-

ным фоновым и прагматическим компонентами значения), которые целесообразно использовать для решения многих дидактических задач. Кроме того, ассоциативные словари дают объективную возможность определения активного и пассивного словарного состава, а также выявления активных и пассивных грамматических форм (об активной и ассоциативной грамматике см. [Караулов 1993, 1999]). Задача по обоснованию принципов составления лингвокультурологического, или когнитивного, минимума вообще не решена, это касается, например, выявления онимов, топонимов, фразеологических единиц, пословиц и поговорок, афоризмов, отсылок к прецедентным текстам и т. п., значимых для современного русского языкового сознания, т. е. именно тех единиц, которые и должны быть задействованы при составлении учебных текстов и заданий различного типа, построенных на основе информативной и активной лексики и предназначенных для формирования билингвальной личности.

2. Одной из нерешённых задач в методике преподавания русского языка как иностранного (далее – РКИ) остаётся определение того, что следует считать единицей обучения, т. е., в соответствии с принципами коммуникативно-деятельностного подхода, формой речевых действий – текст, высказывание, предложение, свободное словосочетание, сверхфразовое единство и т. д. Для решения этого вопроса необходимо, по всей видимости, обращение к «живому языковому сознанию» носителей языка, а также изучающих русский язык иностранных студентов, что «отвечает принципам функциональности и ситуативно-тематической организации материала, позволяет избежать искусственности при составлении учебников и учебных пособий, приводящей к появлению некоммуникативных примеров, неаутентичных текстов и т. п.» [Онякова, Ружицкий 2016: 187]. В качестве единицы обучения в этом случае можно принять цепочку ассоциаций (схожие, но не тождественные термины – «ассоциативный ряд» и «семантический гештальт»), являющуюся ядром ассоциативного поля. «Использование национально-окрашенных цепочек ассоциаций в практике преподавания РКИ поможет проводить сопоставление языкового сознания носителей русского языка и представителей иных культур, что, в свою очередь, благоприятно скажется на формировании билингваль-

ной личности учащегося» [там же: 188]. Цепочки ассоциаций могут выявляться как посредством проведения ассоциативного эксперимента, так и путём реконструкции текстового ассоциативного поля (см., например, [Онякова, Ружицкий 2016; Онякова, Потёмкина 2017]) и использоваться как самостоятельно, так и в виде основы для создания упражнений, а также стать конституирующим звеном при составлении учебного текста.

3. Ассоциативный словарь может приобрести форму словаря учебного, в том числе и в целях преподавания русского языка иностранцам (см. [Тарасов и др. 2017: URL]). Авторы «Учебного ассоциативного словаря русского языка» исходили из того, что «полноценное овладение языком предполагает изучение ассоциативных связей слов, а не только усвоение их значений и основ грамматики. Лингвометодическая задача Словаря – продемонстрировать, объяснить и сформировать ассоциативные связи слов в процессе изучения русского языка» [там же]. Данное издание занимает промежуточное положение между словарём и учебным пособием, представляя ассоциативное окружение наиболее употребительных слов для использования на занятиях по РКИ. Концепция словаря предполагает работу с предложенными словарными статьями, в которых содержатся данные толковых словарей, наиболее употребительные слова-реакции и примеры их употребления в текстах. Появление такого учебного пособия, подтверждающего целесообразность применения результатов психолингвистических исследований в лингводидактике, можно только приветствовать, хотя, что, в общем-то, вполне естественно, нельзя не отметить и некоторые спорные моменты в практическом воплощении его концепции: весьма расплывчатое представление целевой аудитории («Словарём могут пользоваться иностранцы, изучающие русский язык в России и за её пределами» [там же]), т. е. никак не конкретизируется уровень владения русским языком учащихся, из чего следует и сильно различающийся по степени сложности иллюстративный материал – от довольно примитивного до слишком сложного (например, контексты из поэтической речи); отсутствие верификации использованного текстового материала с точки зрения его константности и коммуникативности (например, вряд ли можно считать актуальными для современного русского языкового сознания такие ил-

люстрации к статье «девочка», как «А у нас есть девочка, / Звать её Алёнушка, / Девочка-припевочка, / Круглая головушка. / Целый день «уа-уа» – / Вот и все её слова») и нек. др. По всей видимости, одной из причин таких недочётов является то, что первоначально концепция Словаря была направлена на обучение русских учеников начальной школы (см. [Тарасов и др. 2010]).

4. Продуктивно использовать ассоциативные словари и материалы ассоциативных экспериментов различного типа при создании учебников и учебных пособий, в основном по обучению русской лексике. Одна из таких возможностей была обоснована нами в [Красильникова, Ружицкий, Ружицкая 2015], где предлагалось создание национально ориентированного учебного пособия «Русская лексика по-новому», предназначенного в основном для студентов Барселонского университета и опирающегося на базовый для данного вуза учебник – «Курс русского языка. 1–2» (Marc Ruiz-Zorilla Crusate, Joan Castellvi Vives, Pyotr K. Kornakov). Отличительная черта данного пособия заключается прежде всего в том, что в нём активно задействован как материал ассоциативных словарей, в основном [РАС; Караулов и др. 2001], так и проведённый ассоциативный эксперимент со студентами Барселонского университета (76 респондентов), т. е. в среде основной целевой аудитории издания. «Это позволило отразить в предлагаемых заданиях и учебных текстах не просто особенности лексической системы, но и раскрыть общую картину живой речи носителей русского языка, показать речемыслительный портрет русских, дать картину сочетаемости слов и, как результат, развивать не только лексические навыки и умения, но и приблизиться к формированию билингвальной личности – человека думающего и говорящего по-русски. Такой подход вовсе не исключает привлечения других материалов – словарей и учебных пособий, а также существующих лексических минимумов» [Красильникова, Ружицкий, Ружицкая 2015: 206].

Структура пособия отражает основные лексические трудности, которые могут возникнуть у каталанскоговорящих учащихся уровня В1–В2. Материал для заданий в основном соответствует лексическому минимуму данного этапа обучения и распределяется по лексико-семантическим группам, обеспечивающим коммуникацию в рамках таких тем, как «Образование», «Се-

мья», «Транспорт» и др. Каждый урок начинается с предъявления фрагментов русского и каталанского ассоциативного поля, которые в дальнейшем дополняются актуальными, по мнению авторов пособия, данными из других лексикографических источников и учебных пособий по лексике. Для русского ассоциативного поля ассоциации группируются в зависимости от типов отношений, в которые они вступают со словом-стимулом: (1) синтагматические (**СЧТ**); (2–3) парадигматические, как «ближние», образующие центр ассоциативного поля (**П-1**), так и «дальние» (**П-2**); к **П-1** относятся в первую очередь слова той же лексико-семантической группы, включая антонимы, а также однокоренные слова, к **П-2** – слова других лексико-семантических групп, но того же семантического поля; (4) фоновые, куда входят ассоциации-когнемы, единицы знаний, например, имена, названия, фразеологические единицы с ярко выраженным фоновым компонентом значения, отсылки к прецедентным текстам и др. (**Ф**); (5) прагматические (**Пр**), т. е. лексические единицы с ярко выраженным эмоционально-оценочным компонентом, а также стилистически маркированная лексика. Для каталанского ассоциативного поля ассоциации распределяются по частоте их появления.

Например, раздел «**ЖИТЬ, ПРОЖИТЬ/ПРОЖИВАТЬ, ПЕРЕЖИТЬ/ПЕРЕЖИВАТЬ**» начинается со следующего задания:

Задание 1. Прочитайте ассоциации к слову *жить*, возникающие у русских, сравните их с каталанскими.

ЖИТЬ

СЧТ: хорошо, хорошо-хорошо, лучше всех, здорово, красиво, нормально, прекрасно, дружно, весело, долго, вечно, счастливо, припеваючи, интересно, бедно, скромно, захлёб, впроголодь, в мире, в своё удовольствие, мирно, плохо, богато, по-человечески, честно, без оглядки, в дружбе, в любви, в нищете, в удовольствие, вольготно, достойно, легко, напрасно, завтрашним днём, зря, нараспашку, свободно, сложно, трудно, тяжело, ужасно, поздно, радостно, спокойно; вдвоём, вместе; для всех, для людей, для себя; молча, радуясь, не спеша, работая, думая; по совести, по средствам, по-людски, по-новому; всегда, дальше, душой, не даром; дома, в доме, в городе, в квартире, вблизи, везде, на земле, на свете, далеко, здесь, по соседству; с любов-

ником, с мужем, с пользой, с родителями, с удобствами, с целью; ехать

П-1 жизнь, общежитие, (да) поживать, быть, (или) умереть, (не) умирать, (а не) существовать, бытовать; учиться, (не) хочется

П-2: дом, любовь, смерть, солнце, существо, счастье, труд, благосостояние, день, деньги, дерево, интерес, лето, люди, мир, надежда, подъезд, поле, прописка, смысл, сосед, страна, успех, учёба, человек; любить, дружить, пить, бить, бежать, бороться, верить, гнить, тлеть, маяться, общаться, петь, прозябать, работать, трудиться, искать, действовать, дышать, влачить, смеяться; и любить, и страдать

Ф: былины, существование, экзистенция, спираль, торопиться; и добра наживать; как аристократ, как кошка с собакой, как все, как в тумане; или не жить; стало веселее; путь к смерти

Пр: сам по себе, возня, наслаждение, наслаждаться, простор, свет, (и) радоваться, мучиться, терпеть; надо, уметь, хочу, нужно, стремиться, хотеть; не на что; (не) тужить, Родине служить; зачем, ради чего, лучше не надо; надо правильно

VIURE

(20) morir, (14) familia, (13) casa, (13) vida, (12) felicitat, (8) muerte, (7) amor, (7) crecer, (6) disfrutar, (6) neixer, (6) respirar, (5) amics, (5) felic, (5) salud, (5) tiempo, (4) alegria, (4) amistad, (4) aprender, (4) bien, (4) experiencia, (4) llibertat, (4) menjar, (4) riure, (4) trabajo, (3) animales, (3) ciutat, (3) dormir, (3) experimentar, (3) musica, (3) natura, (3) sentir, (3) viajar, (3) vivencia, (2) agua, (2) aire, (2) anima, (2) beure, (2) coneixer, (2) deporte, (2) diversio, (2) esperanca, (2) fiesta, (2) gaudir, (2) joven, (2) lluire, (2) lluitar, (2) madurar, (2) magia, (2) pais, (2) sol, (2) somvivir, (2) sort, (2) sueno, (2) tristesa, (2) verd, (2) viejo, adn, alcohol, aplegment, amar, años, aprendizaje, arbre, arriesgar, art, autogestionado, bienestar, breve, cami, caminar, camino, campo, carrer, castigo, cielo, colors, companyia, competir, content, contrarreloj, crecimiento, desarrollarse, dia, diners, disputar, divertirse, dormir, enfermedad, envejecer, escripture, esfuerzo, esser viu, estar, estimar, estudio, europa, europeo, explorar, extasi, futur, gente, habitacio, habitar, harmonia, hermana, hogar, humanidad, illusion, intensament, larga, llar, lloc, logro, lugar, luz, mare, meta,

momentos, mundo, musica, naixement, nen, obert, obligaci3n, oxigen, paissatge, pare, pares, passion, patir, placer, plantes, poble, poesia, privilegio, records, reproduir-se, reto, risa, sabiduria, sentiments, sentir, sostre, suerte, supercar, tierra, tope, tranquil, tristor, treball, univer, vacances, veins, velocitat, vitalitat, viu, viure, viuidor²²

Именно эти лексические единицы, при безусловной верифи-

---

²² (20) смерть, (14) семья, (13) дом, (13) жизнь, (12) счастье, (8) muerte (смерть – *исп.*), (7) любовь, (7) crecer (расти – *исп.*), (6) наслаждайтесь, (6) родился, (6) дыхание, (5) друзья, (5) счастливый, (5) здоровье, (5) tiempo (время – *исп.*), (4) радость, (4) amistad (дружба – *исп.*), (4) aprender (учиться – *исп.*), (4) bien (хорошо – *исп.*), (4) опыт, (4) свобода, (4) есть, (4) смех, (4) работа, (3) животные, (3) город, (3) сон, (3) опыт, (3) музыка, (3) природа, (3) чувство, (3) путешествия, (3) vivencia (опыт – *исп.*), (2) вода, (2) воздух, (2) приветствуется, (2) пить, (2) знать, (2) спорт, (2) веселье, (2) надежда, (2) фиеста, (2) рестораны, (2) молодёжь, (2) давать свет, (2) борьба, (2) зрелый, (2) магия, (2) страна, (2) солнце, (2) мечтать, (2) удача, (2) мечта, (2) печаль, (2) зелёный, (2) viejo (зелёный – *исп.*), ДНК, алкоголь, радостно, любовь, años (лет – *исп.*), обучение, дерево, рисковать, искусство, autogestionado (управлять собой – *исп.*), благосостояние, breve (короткая – *исп.*), ходить, ходьба, camino (путь – *исп.*), campo (поле – *исп.*), на улице, наказание, cielo (небо – *исп.*), цветы, компания, конкурировать, счастливый, contrarreloj (испытание на время – *исп.*), crecimiento (рост – *исп.*), desarrollarse (развивать – *исп.*), день, деньги, играть, divertirse (веселиться – *исп.*), сон, болезнь, envejecer (стареть – *исп.*), escritura (дело – *исп.*), усилия, быть живым, быть, любить, estudio (исследование – *исп.*), Европа, европейский, исследовать, экстаз, будущее, люди, комната, гостиная, гармония, сестра, дом, человечество, иллюзия, интенсивно, larga (долго – *исп.*), дома, место, logro (достижение – *исп.*), lugar (место – *исп.*), luz (свет – *исп.*), мать, meta (цель – *исп.*), momentos (моменты – *исп.*), mundo (мир – *исп.*), музыка, рождение, ребёнок, открытие, обязательство, кислород, пейзаж, отец, родители, страсть, страдать, удовольствие, растения, люди, поэзия, privilegio (привилегия – *исп.*), воспоминания, воспроизведение, вызов, смех, мудрость, чувства, чувствую, крыша, удача, хорошая машина, земля, остановить, спокойствие, печаль, работа, университет, каникулы, вены, скорость, стойкость, живой, жить, viuidor (живущий – *исп.*)

кации их значимости и константности, осуществляемой через сравнение с материалом других словарей (толковых, словообразовательных, языка писателя и т. д.) и баз данных (например, представленной в Национальном корпусе русского языка), и следует, на наш взгляд, вводить в ходе учебного процесса в активную коммуникацию, создавая на этой основе систему заданий и учебные тексты. Исходный материал может также пополняться данными, полученными в результате реконструкции текстового ассоциативного поля. Таким образом, опора на ассоциативный словарь позволяет отразить в учебных заданиях не просто особенности лексической системы, но и раскрыть общую картину живой речи носителей русского языка, показать речемыслительный портрет русских, дать картину сочетаемости слов и, как результат, развить не только лексические навыки и умения, но и приблизиться к формированию билингвальной личности, к формированию человека говорящего, понимающего и думающего по-русски.

После **Задания 1** предлагаются вполне традиционные упражнения, языковые и речевые, однако и в этом случае для их лексического наполнения используется материал реконструированного ассоциативного поля:

Задание 2. Прочитайте и сравните предложения, обратите внимание на сходства и различия в значении и употреблении глаголов *жить, прожить/проживать, пережить/переживать*. Выделите их наиболее типичную сочетаемость.

Задание 3. Прочитайте словосочетания со словами *жить, прожить/проживать, пережить/переживать*. Составьте с некоторыми из них предложения.

Задание 4. Измените предложения таким образом, чтобы в них можно было употребить глаголы *жить, прожить/проживать, пережить/переживать*.

Задание 5. Вставьте вместо точек пропущенный глагол *жить, прожить/проживать, пережить/переживать*, объясните свой выбор.

Задание 6. Прочитайте текст. Как вы понимаете выражение *Жизнь прожить – не поле перейти*? Продолжите текст, используя некоторые из следующих слов и выражений: *жить как кошка с собакой, пережить тяжёлые испытания, пережить разлу-*

ку, жить и добра наживать, решить пожить отдельно, не по средствам, пережить семейный кризис.

Задание 7. Расскажите о своей жизни и учёбе, используя изученные слова и выражения с глаголами *жить, прожить/проживать, пережить/переживать*.

Предлагаемый алгоритм создания учебного пособия по лексике ориентирован прежде всего на студентов, говорящих на каталанском языке, что, однако, не означает невозможности использования данного подхода для аудитории учащихся других лингвокультур, конечно, при условии проведения соответствующего сравнительного ассоциативного эксперимента. Следует также отметить, что учёт данных ассоциативного поля в практике преподавания РКИ позволяет не только ознакомить учащихся с лексико-грамматическими свойствами той или иной лексики, но и показать на её примере элементы национально-культурной обусловленности языкового сознания, а также когнитивные компоненты концептуального поля.

ЛИТЕРАТУРА

АСШС – Ассоциативный словарь школьников Саратова и Саратовской области: база данных на платформе MS Office Access. Версия 1.05.00 / сост. В. Е. Гольдин, А. П. Сдобнова, А. О. Мартьянов. – Саратов, 1998–2008.

Гридина Т. А. Актуальная грамматика детской речи: когнитивные модели семантизации и механизмы порождения словоформ // *Языковая личность: аспекты изучения*: Сб. науч. ст. памяти члена-корр. РАН Ю. Н. Караулова / под ред. И. В. Ружицкого и Е. В. Потёмкиной. – М., 2017. С. 110–122.

Караулов Ю. Н. Ассоциативная грамматика русского языка. – М.: Русский язык, 1993. – 330 с.

Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М., 1999. – 180 с.

Караулов Ю. Н., Санчес Пуиг, М., Черкасова Г. Н. Ассоциативные нормы испанского и русского языков. – М.; Мадрид, 2001.

Коновалова Н. И. Метаязыковое знание в вербальной памяти говорящих (по данным «Русского ассоциативного словаря») // *Языковая личность: аспекты изучения*: Сб. науч. ст. памяти чле-

на-корр. РАН Ю. Н. Караулова / под ред. И. В. Ружицкого и Е. В. Потёмкиной. – М., 2017. С. 137–146.

Красильникова Л. В., Ружицкий И. В., Ruiz-Zorilla Crusate M. Русская лексика по-новому // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Межд. конгресс исследователей русского языка. Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г. С. 491.

Красильникова Л. В., Ружицкий И. В., Ружицкая Э. А. О возможностях использования ассоциативного словаря в практике преподавания русского языка как иностранного // Вопросы психолингвистики. 2015. № 2(24). С. 204–209.

Онякова А. Л., Потёмкина Е. В. Ассоциативный подход к анализу художественного текста в иностранной аудитории (на материале рассказа Л. Улицкой «Коридорная система») // Языковая личность: аспекты изучения: Сб. науч. ст. памяти члена-корр. РАН Ю. Н. Караулова / под ред. И. В. Ружицкого и Е. В. Потёмкиной. – М., 2017. С. 197–220.

Онякова А. Л., Ружицкий И. В. Цепочка ассоциаций как лингвометодическая категория // Вопросы психолингвистики. 2016. № 1(27). С. 186–193.

РАС – Русский ассоциативный словарь: В 2 т. / Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Т. I. От стимула к реакции. – М., 2002. Т. II. От стимула к реакции. – М., 2002.

САС – Славянский ассоциативный словарь / Караулов Ю. Н., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. – М., 2004.

Словарь ассоциаций. URL: http://slovesa.ru/?fbclid=IwAR15b-pHqzHT9uLyjlz8Bbj_px_kT2a_SNzn4Gvv-pIPTfmlNmng2C4_kujs (дата обращения: 27.01.2019)

Тарасов Е. Ф., Дронов В. В., Ощепкова Е. С. Ассоциативный словарики русского языка. Предлагаю и понимаю: пособие для учащихся начальной школы. – М., 2010.

Тарасов Е. Ф., Дронов В. В., Ощепкова Е. С. Учебный ассоциативный словарь русского языка. – СПб., 2017. URL: <https://7books.ru/e-tarasov-v-dronov-e-oshhepkova-uchebnyy-associativnyy-slovar-russkogo-yazyka/> (дата обращения: 05.01.2019)

©Ружицкий И. В., 2019

Т. И. СТЕКСОВА

(Новосибирский государственный педагогический университет
г. Новосибирск, Россия)

УДК 81'23:81'367

К ПРОБЛЕМЕ ВЫБОРА ОДНОЙ ИЗ ВОЗМОЖНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ (ПО ДАННЫМ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Аннотация. В статье рассматривается проблема выбора одного из синтаксических вариантов смысловой парадигмы высказывания. Автор при помощи психолингвистического эксперимента пытается проследить выбор говорящим одной из конструкций при порождении текста и при восприятии и интерпретации конструкции в предложенном тексте. В эксперименте, который состоял из двух этапов, приняли участие студенты-филологи и студенты-журналисты. На первом этапе было предложено написать два фрагмента текста с использованием заданных конструкций. На втором этапе испытуемым предлагалось объяснить, почему автор использовал одну из возможных конструкций. Эксперимент показал, что выбор конструкции контекстуально обусловлен и зависит, в частности, от особенностей осмысления денотативной ситуации говорящим.

Ключевые слова: стихийная конструкция, смысловая парадигма, активная конструкция, безличная конструкция, психолингвистический эксперимент, психолингвистика.

Как известно, одну и ту же семантику можно передать с помощью разных языковых средств. Под смысловой парадигмой предложения понимается отражение одной и той же денотативной ситуации различными синтаксическими конструкциями, в частности двусоставной активной конструкцией, двусоставной пассивной конструкцией и односоставной безличной конструкцией. Так, семантику фраз *Ветер снес крышу*, *Ветром была снесена крыша* и *Ветром снесло крышу* нужно истолковать одинаково: «они имеют одно и то же денотативное (инвариантное), но разные презентативные (вариантные) значения» [Мустайоки, Копотев 2005: 2]. Подобная смысловая парадигма характерна для так называемых стихийных конструкций, типовое значение которой заключается в том, что субъектом действия является

стихийная природная сила, вызывающая изменения в состоянии субъекта [Шелякин 2001]. Специфика подобных конструкций, по мнению А.В.Бондарко, заключается в том, что «субъектное значение источника действия сопряжено с орудийностью таким образом, что нет отдельно субъекта и отдельно орудия, а есть единство орудия и стихийной силы как источника и в вместе с тем причины действия» [Бондарко 2002: 638]. В научной литературе уделено достаточно большое внимание этим конструкциям (подробный обзор по этому вопросу см. в [Сулейманова 1999: 171-178]). Как отмечает А. Мустайоки, если действительные и страдательные конструкции характерны для индоевропейских языков, то стихийные конструкции отсутствуют даже в других славянских языках. Поэтому он соглашается с А.Вежицкой, считающей эту конструкцию явлением, отражающим русскую ментальность [Мустайоки 2019].

Но если наличие разных конструкций для выражения одной и той же семантики уже давно признано в лингвистической литературе и определено их место в синтаксической системе [Сальников 1977, Стекова 1986, 2002, Сулейманова 1993, Мустайоки, Копотев 2005 и мн.др.], то по сей день не до конца решенной остается проблема выбора говорящим одной из возможных конструкций. Как отмечал Д.Р. Шарафутдинов, «грамматика речевой деятельности принципиально вторична по отношению к грамматике языковой системы – как «грамматика реализации системы» по отношению к «грамматике устройства системы» соответственно [Шарафутдинов 2006: 153]. По его мнению, «... в настоящее время русистика не располагает полными системными грамматическими описаниями, ориентированными на речевую деятельность» [Шарафутдинов 2006: 154].

Данная статья представляет собой попытку в какой-то мере заполнить эту лакуну. Представляется, что психолингвистический эксперимент дает такую возможность.

Как известно, языковая личность проявляет себя в процессах порождения и восприятия текстов. Поэтому эксперимент по выявлению причин выбора одной из возможных конструкций состоял из двух этапов. **На первом этапе** задачей являлось выявление влияния исходной конструкции на порождение текста.

Поэтому для первого этапа эксперимента была выбрана методика завершения текста, причем она была несколько изменена: задание предполагало не только завершение связанного текста по данному предложению, но и допускало возможность встраивания данного предложения внутрь текстового фрагмента. Как справедливо замечал Б. Ю. Норман, процесс речепорождения – это «претворение исходной интенции и смысла в окончательный продукт – текст» [Норман 2011:8]. Соглашаясь с Т. А. Гридиной в том, что «современные студенты и школьники, «зараженные» визуально-клиповым стилем мышления, часто оказываются беспомощными в технике создания развернутых вербальных текстов» [Гридина 2012: 19], все-таки считаю продуктивным попытку создания текста с заданной конструкцией, ожидая, что эта конструкция каким-то образом повлияет на построение целого текстового фрагмента, ибо говорящий «не просто принимает помощь языка, но оказывается не в силах противостоять его влиянию, выбирая те единицы, которые подсказываются правилами комбинаторики» [Норман 2011: 79-84].

В качестве гипотезы было взято предположение Т. А. Гридиной о том, что «текстопорождающие стратегии – в плане их когнитивной и языковой обусловленности – должны обнаружить зависимость от грамматической формы заданного стимула» [Гридина 2012: 21].

Задание: в течение 15 минут написать связанный текст, используя данное предложение либо в качестве начала, конца текста, либо встраивая его в текст. В 1 этапе эксперимента приняли анонимное участие 72 студента: филологи и журналисты. Им были даны два предложения: *Лодку унесло течением* и *Течение унесло лодку*.

Анализ полученных текстов показал следующее.

С точки зрения того, какую позицию в тексте заняли предложенные высказывания:

предложение	препозиция	интерпозиция	постпозиция
<i>Лодку унесло течением.</i>	8	32	32
<i>Течение унесло лодку.</i>	16	30	26

Как видим, беличная конструкция одинаково частотно функционирует внутри текста и завершает его. Но значительно реже с подобной конструкции испытуемые начинали свой текст. А вот личная двусоставная конструкция в два раза чаще начинала текст и реже завершала его.

Анализ текстов с безличной конструкцией, начинающей текст, показал, что только в одном случае данное предложение «спровоцировало» цепочную связь предложений в тексте: *«Лодку унесло течением. Со стихией бороться было бессмысленно...»*. Один испытуемый продолжил текст, поместив в центр повествования лодку, в которой находились трое мужчин, и последующее их спасение. Шесть человек, начав текст с заданного предложения, сменили тему повествования, перейдя к рассказу о своих чувствах, эмоциях, переживаниях в связи с утратой лодки. Но во всех этих случаях лексема *течение* в Тв.п. выступает в роли орудия-каузатора, а не активно действующего субъекта, действиям которого был бы посвящен текст.

Интерпозиция и постпозиция данного предложения оказалась одинаково частотной. Безличная конструкция в постпозитивной позиции является как бы выводом, резюмирует описываемую ситуацию: *«Однако прибыв на место, Арсений Матвеевич обнаружил, что его лодку унесло течением»; «Когда мы проснулись, ребята обнаружили, что нашу лодку унесло течением»; «Приплыв к берегу, мы были так рады нашему улову, что забыли привязать лодку к мостику. Как только мы вспомнили об этом, сразу оглянулись, а ее уже не было. Лодку унесло течением»* и под. В интерпозиции чаще всего эта конструкция вытупает в качестве объекта восприятия, обнаружения: *«Мы собрались уплывать с острова, но вдруг заметили, что лодку унесло течением»; «А на утро они заметили, что их лодку унесло течением»*.

Но более показательным является тот любопытный факт, что все тексты с беличной конструкцией оказались посвящены действиям людей, именно человек является субъектом, который либо активно действует в предложенных обстоятельствах, либо является наблюдателем, воспринимающим внешние обстоятельства и сообщаящим о них другим: *«Больше всего мне запомнилось сообщение о том, что с нашей набережной лодку унесло*

течением и до сих пор неизвестно, где она. Я рассказала об этом всем своим друзьям»; «Но каково было наше удивление, когда лодку унесло течением. Мы были весьма разочарованы».

Из 16 текстов, начинающихся личным предложением *«Течение унесло лодку»*, в 14 случаях оно оказалось зачином, после которого шел фрагмент текста о действиях людей, обусловленных этим обстоятельством. Два текста «выбиваются» из этой группы. В них данное первое предложение породило фрагмент текста о стихии: *«Течение унесло лодку. Оно было довольно сильным. Шумел сильный ветер...»*; *«Течение унесло лодку, когда поднялась ночная буря. Сильный ветер дул в лицо...»*. Обратим внимание на то, что в этих фрагментах, кроме данной стихийной конструкции, появляется еще одно предложение о стихии, причем также используется личная конструкция (*шумел ветер*; *ветер дул*). Стихийные силы представлены в этих текстах в качестве активно действующих субъектов.

Тексты с личной стихийной конструкцией в интерпозиции в 27 случаях были посвящены людям. Чаще всего заданная конструкция в тексте выступала в качестве объекта слухового или визуального восприятия: *«С полными корзинами грибов мы возвращались на наше место. И увидели, что течение унесло лодку! Мы отправились домой пешком...»*. В четырех текстах данная конструкция служила объяснением причины переживания людей, объектом оценки: *«Жаль, что течение унесло лодку»*; *«Случилось неприятное происшествие: течение унесло лодку»*; *«Но больше всего ему было обидно, что течение унесло лодку»*. В двух текстах стихийная конструкция вступает в причинно-следственные отношения с другими предложениями: *«Под вечер выяснилось, что мы сбились с курса: течение унесло лодку»*; *«Наши старания оказались тщетными: течение унесло лодку»*.

Особое внимание вызывают три текста из 30. Два из них полностью посвящены описанию природных явлений: 1. *«Море разбушевалось не на шутку. На прибрежные скалы непрерывно обрушивались волны. Птиц, которые по нелепой случайности не нашли укрытия до начала бури, сносил ветер. Течение унесло чью-то лодку. Через минуту сильный поток воды разбил ее о скалы»*. 2. *«Шел дождь. Выл ветер. Течение унесло лодку. По-*

года была ужасная». В третьем тексте два участника события: люди и стихия: *«Внезапно поднялся ветер. <...> Но течение начало усиливаться. Друзья с замиранием сердца наблюдали эту борьбу стихии с человеческим изобретением. Победу одержал первый участник. Течение унесло лодку...»*. В этих трех текстах стихия интерпретируется как активный участник события. Неслучайно все другие стихийные конструкции также имеют личную форму. Эта активность субъекта, его «одушевленность» подчеркивается в третьем тексте, где говорится о противостоянии контрагенсов, двух субъектов-противников: людей и стихии.

Из 26 текстов с завершающей позицией стихийной конструкции 23 были о людях. В подавляющем большинстве из них стихийная конструкция являлась объектом человеческого восприятия: тексты завершались сообщением о том, что они увидели, услышали, поняли и под.: *«А утром мы поняли: течение унесло лодку»*. В одном из этих текстов стихия воспринимается как активный субъект, действующий сознательно и целенаправленно: *«Когда я плыл на корабле, я увидел мощное спиральное течение. Оно всасывало, уносило все, что находилось рядом с ним. <....> Течение унесло лодку»*. Кроме объекта восприятия, данная личная конструкция выступает в качестве объяснения какой-либо ситуации: *«Как оказалось позже, они не могли уплыть на другой берег. Течение унесло лодку»*; *«Однако плыть дальше было не суждено: течение унесло лодку»*.

Темой двух текстов со стихийной конструкцией в постпозиции оказалось описание природы: *«Был солнечный летний день. Ничто не предвещало беды. Внезапно набежали тучи, начался сильный дождь. Вода стала беспокойной, и течение унесло лодку»*; *«Вдруг резко похолодало. Поднялся ветер и стал гнуть ивы. Солнце спряталось за тучи и пошел дождь. Мелкая рябь на воде сменилась волнами. Течение унесло лодку»*. Здесь также не только течение, но и другие стихийные субъекты стоят в форме Им.п., что подчеркивает их активность, значение субъектов действия. Один текст описывает противостояние человека и стихии, причем стихия оказывается сильнее: *«Костя рыбачил на реке. Вдруг течение начало уносить лодку от берега. Парень не*

растерялся и стал активно грести к берегу. Но его усилия оказались тщетными: течение унесло лодку».

2 этап:

На втором этапе было важно выявить различие между личной и безличной конструкциями с позиций читательского восприятия, интерпретации текста. Процесс восприятия Ю. А. Сорокин рассматривает как процесс соотнесения структуры текста со структурой ситуации [Сорокин 1988: 2]. И. А. Зимняя, выделяя факторы, обуславливающие сложность смыслового восприятия текста, к объективным факторам относит, в частности, и особенность самого текста, его внутренней структуры [Зимняя 1976]. Как считает О. Я. Гойхман, интерпретация является компонентом в процессе восприятия и предполагает раскрытие внутреннего смысла сообщения [Гойхман 1997]. Интерпретация предполагает рефлексию над осмыслением. Поэтому студентам было предложено проанализировать фрагмент текста, включающий «стихийную» конструкцию, подумать, изменится ли восприятие текста при замене исходной конструкции на синонимичную. Задание было предложено студентам-филологам 4 курса.

Задание:

Прочитайте фрагмент газетного очерка (Известия 04.12.88). Чем обусловлен переход автора от моделей с творительным стихийного субъекта-каузатора к моделям с субъектом-каузатором в именительном падеже?

*С материка ощутимо **дохнуло ветром**. (...) А когда принялись заводить двигатель, **волна** его уже **захлестывала**. (...) Ночью **волны сорвали** лодку вместе с якорем, **погнали** в открытое море. Сильная **волна выбила** стекло, под которым друзья прижимались друг к другу. Другая **волна** – боковая – **чуть не перевернула** лодку, **обрушила** внутрь водопад. (...) Такой **ветер гонит** волну до четырех метров.*

Сравните с нейтральной газетной информацией: *Сообщается также, что во время спасательных работ **волной смыло** в море одного из советских моряков (Известия 26.01.90).*

Из 32 человек шестеро затруднились с ответом (либо не ответили, либо дали невнятный ответ). Остальные обратили вни-

мание на то, что выбор формы с Им.п. субъекта связан с представлением стихии как активного субъекта, которому приписываются свойства активного одушевленного субъекта, который проявляет активность намеренно, контролирует ее: *«Волна начинает выступать как активный субъект, разрушающий и ломающий все вокруг»*; *«дохнуло ветром – ветер пассивный, им будто кто-то управляет, а далее ветер и волны становятся активными участниками. Может, чтобы показать борьбу между стихией и людьми, которые принялись заводить двигатель»*; *«Все разрушительные действия приписываются именно волне, потому что это была сила, которую нельзя контролировать. Она способна выбивать стекла, переворачивать лодку и т.д.»*; *«При переходе к субъекту в Им.п. субъект наделяется большей активностью, эти слова (волна, ветер) становятся схожи с одушевленными субъектами, будто имеют волю действовать. Акцент внимания переключается с самого действия на его исполнителя»*; *«На мой взгляд, переход обусловлен тем, что стихия воспринимается говорящим как нечто самостоятельное, одушевленное, сильное»*; *«таким образом волны становятся активным субъектом и умеют действовать, как люди. Волны в этом смысле не просто феномены, связанные с природой, а у них человеческие черты»*; *«уже сама стихия представляется действующим лицом, наделяется признаками живого. Это помогает обрисовать действие более живо и ярко»*

Таким образом, выбор формы Им.п. для обозначения субъекта-стихии связан с желанием представить стихию как активно действующего субъекта. Семантика орудийности, свойственная форме Тв. п., нейтрализуется. Неслучайно, некоторые участники эксперимента отмечают, что за счет этого *«создается ощущение присутствия и участия в происходящем»*; *«Возникает эффект, что процесс происходит на глазах прямо сейчас. Сам переход обусловлен тем, что автор намеренно пытается погрузить читателя в эпицентр события»*; *«В первом предложении есть ощущение, что какой-то субъект (человек) ощущает воздействие природы. В последующих предложениях сама природа и является субъектом»*.

В нейтральной же газетной информации *«волна воспринимается как инструмент, с помощью которого совершается действие»*, причем *«важнее оказывается событие (одного из моряков смыло)»*, *результат действия, чем производитель действия»*.

Итак, эксперимент и по порождению текста, и по восприятию и интерпретации текста показал, что выбор личной или безличной стихийной конструкции зависит от ряда факторов, в частности от того, как говорящим осмысливается вся денотативная ситуация и субъект (как активно действующий или совмещающий семантику субъекта и орудия) как часть ее; кроме того, можно говорить о контекстуальной обусловленности выбора конструкции.

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики. – М., 2002.

Гойхман О. Я. Основы речевой коммуникации. – М., 1977.

Гридина Т. А. Методика завершения высказывания: стратегии текстопорождения // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2012. – Вып.10. С.18– 34.

Зимняя И. А. Смысловое восприятие речевого сообщения// Смысловое восприятие речевого сообщения. – М., 1976.

Мустайоки А., Коптев М. Лодку унесло ветром: условия и контексты употребления русской «стихийной» конструкции // Russian Linguistics, 2005, № 1. С. 1–38.

Мустайоки А. Почему говорящий прибегает в «стихийным» конструкциям? //«Проблемы функциональной грамматики». – СПб., 2019 (в печати).

Норман Б. Ю. Основы психолингвистики. Курс лекций. – Минск, 2011.

Сальников Н. М. Безличные предложения типа: Крышу сорвало ветром// Russian Linguistics, № 3, 1977, с. 271-292.

Стексова Т. И. Формально-семантическая соотносительность диалектных безличных предложений с другими типами простых предложений. Автореферат дисс...канд. филол. наук. – Томск, 1986.

Стексова Т. И. Семантика невольности в русском языке (значение, выражение, функции). – Новосибирск, 2002.

Сулейманова О. А. Еще раз о предложениях типа Крышу сорвало ветром// Коммуникативные системы и лингвистический анализ. – М., 1993, с. 60-76.

Сулейманова О.А. Проблемы русского синтаксиса. – М., 1999.

Сорокин Ю. А. Психологические аспекты изучения текста. – М., 1988.

Шарафутдинов Д. Р. Грамматика языковой системы и грамматика речевой деятельности: специфика взаимоотношений // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – Екатеринбург, 2006. – Вып.4. – С.137 – 155.

Шелякин М. А. Функциональная грамматика русского языка, – М., 2001.

©Стексова Т. И., 2019

В. К. ХАРЧЕНКО

*(ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород, Россия)*

УДК 81'23

«ЧУЖОЕ СЛОВО» В ДИНАМИКЕ ДЕТСКОЙ РЕЧИ

Аннотация. На примере трёх блоков высказываний одного ребенка (3 года 3 месяца, 4 года 3 месяца и 6 лет 3 месяца) анализируется соотношение своего и чужого в детской речи. Рассматривается употребление цитат из детской поэзии, подчёркивается связь цитирования со знанием литературы, свободное владение функционально-семантическим аспектом цитации. Отмечается тесная связь собственных употреблений слова и заимствований из речи окружающих. Ранняя стадия цитат связана с заучиванием наизусть отрывков из детской художественной литературы. В отрывках представлено также дублирование взрослых оборотов речи, феномен самоцитирования, гиперболизация высказываний.

Ключевые слова: детская речь, высказывание, цитата, функционально-семантический, речевая деятельность, гиперболы, метафора.

«Чужое слово» издавна привлекало внимание исследователей детской речи. Отсылаем читателя к работам Е. А. Авакумовой [Авакумова 2008: 6-7], К. В. Гарганеевой [Гарганеева 2004: 42-46], М. В. Елисеевой [Елисеева 2001: 59-76]. В своей статье «Чужое слово в детском поэтическом творчестве» Т. А. Круглякова подробно охарактеризовала мотивы, «жанры», формы заимствования, типы содержательных изменений текстов и изменения, направленные на модернизацию или усовершенствование формы выражения мыслей в цитируемых источниках [Круглякова 2009: 226-232]. В статье «Цитирование в речи ребёнка (по материалам материнского дневника)» Е. А. Офицера выделяет такие разновидности детского цитирования, как неточное, ненамеренное, намеренное цитирование, более-менее удачное и др. Анализируются метатекстовые высказывания, рефлексия ребёнка по поводу произнесённой цитаты [Офицера 2018: 348-350].

Как видим, проблематика «чужого слова» в онтолингвистике не является новой, что, однако, не свидетельствует об абсолютном её понимании. Детская речь развивается в сложных ситуациях диалектики своего и чужого, и на первый взгляд трудно бывает определить, что обусловило то или иное словоупотребление: подражание ли «чужой», взрослой речи (или относительно взрослой, если речь идёт о сиблингах) или же это своё собственное, «авторское» словоизобретение.

Сравним три блока высказываний одного и того же ребёнка. Первый блок: девочке 3 года 3 месяца 19 дней:

Ну это чтобы камни не упали, а то там порядок надо устроить! // *Папе! Он же старший!* – А я постаршее! // *О телефонной трубке:* Я на правильно положу! // *Я люблю, когда мало снегу* (нога плохо ходит по скользкому). – А я люблю ходить по много снегу! // Ой, я зацепилась! // Ты бумажку сюда положи, чтобы не забудь! // Ой, как она горячая сильнее (*трогает скумбрию*). *Развернём*, чтобы она остУдилась! // А это что? – *Масло! Блины печь.* – Ну, если я приходу к тебе (*приду*), ты испеки мне. // *Всё! Съели голодные!* (*«кормит» яблочком*) // *О куртке:* Это высохнула. // *Об эркере:* А тут папа не спит зато! // *Феечка смотрит, как ты собираешь!* – Но ты мне подавай, главное! // Ой, а фея упала! // – Ну, пока не надо (*подавать голубые мозаички*). Ну, потом, если я «захочу и проглочу тебя» (*улыбается, шутит*). // А момонтёнок не видел маму, куда мама задевалась. А дедушка морж ему помог на льдину. // Мила (*из мультика*) хотела на фею пойти (*быть похожей*). // Ну вот это будет коврик, ну как тебе сказать? (*часто повторяет*). // *Играем:* А сколько будет две конфеты и две конфеты? – Будет много конфет. А много надо оставить конфет, а то будут щёки красные и губка (*трогает*). // Они будут смотреть, как ты играешь в «Колобка»: Но только не боитесь (бойтесь). // А там мне кажется плохое привидение. Я с ним повоеваю (*повоюю*). // *Трогает конфорку:* А тут нет огня! // А это «ложка» называется! Её нож обтряхивает (*счищая манную кашу*). // Я такой сделала план: идти к папе (*в другую комнату*), а потом идти манную кашу кушать! // А можно собачку взять? // Видела, как я кувыркнулась? Видела, я кувырок сделала? Хороший я прыг сделала? //

Подожди, я вытру пыль. – Но его (гномика) нельзя вытереть! // Опля! (*снимаю со стола её*) – А «опля» – это приличное слово? Девочке 4 г.3 мес.19 дней.

Какие чудненькие! Я бы ела и ела твои семечки! // О! А может, мне ложку дать большую, я ей буду ем (*есть*). // Боюсь, мы успеем гулять? Боюсь, мы не пойдём гулять? Кость, сыр ещё! *Маша подхватывает:* Чего не ешь? Что случилось, чего не ешь?// *Что ты убираешь (тарелку).* – Чтобы место поместилась (*освободилось*). // А как ты всё запоминаешь (*запоминаешь*)? // А я обычно ничего не боюсь. Ни воды! Ни воды с мылом. Я же большая (*разводит руки в стороны ладонками вверх*). // *О прозрачных пуговицах с белыми разводами:* Это ледяная! И эта ледяная! // *Достала?* – Я двумя руками! Двумя! // *Достала гладкий камень (гальку):* Это ткань! Он гладится! // А это ракушка! Ракушка. Серьёзно я тебе говорю! // *Трудно сюда попасть.* – Такое не каждому под силу. А зачем ты записываешь? Для могущества? // *Льёт воду мне на голову, мою, кружкой грохнет о кастрюлю:* Как колокола! // *Тебе почитать?* – Нет, я это уже знаю. Легко. // Спасибо тебе! Я поела чай! // *О «пуговице».* Это непонятно что! *Маша подхватывает:* Это чёрте что! // Интересные – от них польза! От них польза есть! // Ты меня не уколола? // *Прижми к себе Пафнутия. (Маша легла с мишкой):* Да я прижала! // *Укрылась одеялом (согреться не может).* Снега нам только не хватало! // *О часах:* Я под них и засыпаю. Тебе что, ничто не надо на укачивание ставить, мультик какой?

Записи той же девочки возраста 6 лет 3 месяцев 19 дней:

Нельзя двигаться, когда пища! Иначе будет у вас желудочный сок такой противный! // Просто пластилин – феноменальная дрянь! Ну, ладно! Шучу! // *Лепит торт.* – Теперь пламя! «Море пламени горит! Выбежал из моря кит. Эй, пожарные, бегите! Помогите, помогите!» // *О пластилине:* Давай ещё дерево сделаем! – Да будет так же падать, как цветок. Вот тебе это надо?! // Ты не сиди на краю обрыва. Можешь провалиться туда и уже умрёшь! // Не успел нажать кнопку, чтоб не бахнуться! // Да ладно! Они засыпают по пять минут! Думала, они там быстро засыпают? // *Теперь купаться!* Они же все не поместятся. –

Они три хотят! Три хотят купаться (трое). // *О девочке из пластилина*: Лида будет копать. Потому что это её кирка, её ответственность! // Ну что, накупались? Ну тогда вылезайте, а то будете... будете мокнуть, как бобики! // Вы посохнете, а я полежу. Устала! Как собака! (*смеется*). // Пора вставать! А то вы загорите, как огонь! На солнышке таком.

Мы взяли три блока детских непопаданий в норму и можем пронаблюдать следующее.

Строго говоря, цитирования во «взрослом» понимании здесь почти нет, за исключением двух высказываний в первом и последнем фрагментах: *Ну, потом, если я «захочу и проглочу тебя»* (улыбается, шутит) и *«Море пламенем горит. Выбежал из моря кит...»*. Ребёнок свободно цитирует то, что выучено наизусть, несколько раз прочитано взрослым и, конечно, как раз то, что особенно понравилось ему. Показательно, что уже в трехлетнем возрасте ребёнок хорошо владеет функционально-семантическим аспектом интертекстуальности, «метафорой связи реплик в диалоге», в аспекте взаимовлияния и заимствования текстовых структур, а не конкретных текстов. О четырёх аспектах связи речевого жанра и интертекстуальности (семиотическом, лингвистическом, эстетическом и функционально-семантическом) пишет В. В. Дементьев [Дементьев 2015: 24]. Отчасти на феномен цитирования в речи детей, пишут исследователи, влияет и пример взрослой речи. Особенностью русского язычного взрослого человека является его щедрое цитирование. Мы наблюдали это особенно пристально ранее, в 2012-2015 годах. Причём, как отмечает Ю. А. Лысикова в диссертации «Лексикографирование цитат», весьма сложно объяснить, почему одно произведение разобрано на цитаты, а другое, тоже классическое, осталось нетронутым, хотя читается не реже первого [Лысикова 2005]. На этот вопрос можно ответить проекцией на сенсорику, перцепцию: *и дым отечества... кроет уж лист золотой... мороз и солнце...* Запах, зрительный образ, тактильное переживание холода и солнца играют большую роль в закреплении строчек текста как крылатых слов. Однако для детской речи такое объяснение представляется неполным. Для ребенка ведущим звеном в употреблении цитаты становится слово: «захочу»

(первый пример) и «море» (в третьем фрагменте). Тема «цитаты» в разговорной речи весьма привлекательна для исследования жанрового разнообразия, однако у детей цитация стихов, песен, сказок постепенно сменяется цитацией из художественных произведений, из фильмов, а также из анекдотов, рекламных роликов, но это уже старший возраст испытуемых.

Попробуем теперь применительно к приведённым выше блокам детских высказываний соотнести цитацию с другими непопаданиями в детской речи. Заметим, что «чужое слово» представлено во всех случаях, и цитированием оно, однако, не исчерпывается. Рассмотрим, что мы имеем в виду, представляя «годовые» срезы детских высказываний.

Прежде всего, наблюдается теснейшая связь своего и «чужого» в обычной речи. Мы не ставили своей целью отследить феномен чужого слова, а записывали «всё подряд», помечая возраст ребёнка. Если в трёхлетнем возрасте правили бал в становлении правильной речи глаголы (*вытереть, возьми, повоюю, приходу*) и та же ситуация продолжалась в четырёхлетнем возрасте (*прижмила, уколола, запоминаешь*), то к шести годам лексика с глаголами выправляется, однако налицо непопадания с устойчивыми сравнениями: *мокнуть как бобики, загорите, как огонь*. Кстати, таких сравнений наблюдается маловато и в речи взрослых, о чём пишет А.В. Элмасын. Бросается в глаза почти полное отсутствие устойчивых сравнений (*как соком налилась* – о беременной). Этот тип сравнений подробно исследован в работе [Элмасын 2010].

Наблюдается частое повторение некоторых оборотов в речи: *ну как тебе сказать?*(1). *Вот тебе это надо?* (3). Когда проводишь с ребёнком долгое время в течение дня, то замечаешь эти повторения оборотов. Эффект идёт на запоминание, чтобы впоследствии использовать эти обороты по мере надобности.

Вместе с тем наблюдается детское дублирование взрослых слов и оборотов речи. *Но ты подавай, главное* (1). *Серьёзно я тебе говорю!* (2). *Снега нам только не хватало!* (2). *Это чёрте что!* (2). *Устала! Как собака* (3). Та же девочка в ответ, как тебе новые обои, сказала: «По-моему, элегантно!». То есть использование лексики взрослого продолжается, но со временем

становится менее заметным в силу своей грамотной включенности в детскую речь.

Обращает на себя внимание слово «феноменальная» (*дрянь*), которое в детской речи почерпнуто из речи взрослых. Заметим здесь же, что шестилетний ребёнок уже воспринимает его как слово, не совсем подходящее к ситуации: *Ну ладно. Шучу*. Феномен шутки широко используется детьми: и как вынужденная ложь, и как не совсем удачная шутка.

Далее, имеет место феномен самоцитирования: *чтоб не бахнуть* (3). «Бахнуть» считается «детским» словом, и ребёнок осознаёт это.

Наконец, обращает на себя внимание некоторая гиперболизация высказываний. Отчасти это объясняется особенностями национального менталитета, склонного к полярности, резкости [Лотман 1992]. *А там мне кажется плохое привидение. Я с ним повоеваю* (1). *Такое не каждому под силу* (2). *Снега нам только не хватало!* (2) *Нельзя двигаться, когда пища! Иначе будет у вас желудочный сок такой противный!* (3). *А то вы загорите, как огонь. На солнышке таком* (3). Дети рано усваивают гиперболизацию высказываний, ориентируясь на взрослую речь. Этот эффект гиперболизации замечен и при рассмотрении цитат: «захочу и проглочу», «море пламенем горит...». Цитация необходима ребёнку как способ гиперболизации высказывания, и в этом плане она соотносима с другими характеристиками детской речи, что наблюдается в каждом из приведённых фрагментов.

Отдельная тема – продолжение цитаты, заряжающей высоким тоном пространство общения. Например [Ректор и профессор-нанотехнолог]: Нам нужны деньги, чтоб развивать науку. Цифра плотная, предельная. Есть потенциал, но не такой, чтоб мы так высоко прыгнули. – То есть по китайской схеме «Пусть расцветают все цветы!» (смех). – И мне не хотелось, чтоб Вы занимались коммерцией. И мне хотелось, чтоб при встрече Вы мне говорили: «Олег Николаевич! Я счастлив! Мне никто не мешает!». Чтоб вы расцвели, как китайский цветок! А не то, что Вы всем должны: и коммерция, и всё! (14.02.2013). В приведён-

ных «детских» блоках нет продолжения цитат, но обращение к высокому стилю присутствует.

Третий фрагмент свидетельствует также о возможном расширении опасений. Во взрослой речи говорится даже о горе. О высоком нарративном потенциале горя пишут современные писатели. «Ах, бросьте! Когда она будет рассказывать об этом приключении – и, между прочим, чем больше времени пройдёт, с тем большим удовольствием она будет это делать, таков закон человеческой психики, осознание отдалённости неприятности во времени вызывает у нас удовольствие, странным образом вызывает удовольствие даже сам факт, что неприятность была, – имея в биографии этот случай, человек себя чувствует богаче, ему есть о чём поговорить в служебный обеденный перерыв, с соседом, с другом или подругой, в праздничном застолье...» [Слаповский 1999: 293]. В высказываемых ребёнком репликах тоже присутствует нарратив опасности, не такой яркий, как у взрослых, но почва к этому уже создаётся. *А много надо оставить конфет, а то будут щёки красные и губка (трогает) (1). Такое не каждому под силу (2). Нельзя двигаться, когда пища! Иначе будет у вас желудочный сок такой противный! (3). Ты не сиди на краю обрыва. Можешь провалиться туда и уже умрёшь! (3). Ну тогда вылезайте, а то будете... будете мокнуть, как бобики! (3). А то вы загорите, как огонь! На солнышке таком (3).* Показательно увеличение нарратива опасности в третьем периоде по сравнению с периодами предыдущими.

Мы обратили внимание на тесное взаимодействие чужого слова и своего в детской речи. Конечно, впереди у ребят ещё много неосвоенного, например, каламбур. В. М. Мокиенко подчёркивал, что, в отличие от анекдота и афоризма, каламбур не может быть приготовлен заранее. «Упущен момент – и игра слов уже становится невозможной. Вот почему контекст играет в создании каламбура огромную роль» [Мокиенко 1968: 32]. Такими же новыми для ребёнка темами являются цитата в цитате, гендерное своеобразие цитат, аллюзии, феномен дисфемизмов как выразителей агрессии.

ЛИТЕРАТУРА

Авакумова Е. А. Функции цитаты в детской речи // Проблемы онтолингвистики – 2008. Материалы международной конференции. – СПб., 2008. – С. 6-7.

Гарганеева К. В. Цитата в речи ребёнка и становление коммуникативных навыков на ранних этапах речевого онтогенеза // Детская речь как предмет лингвистического исследования: Материалы международной конференции. – СПб., 2004. – С. 42-46.

Елисеева М. Б. От 2 до 5: речь «для других» и речь «для себя» // Ребёнок как партнёр в диалоге. Труды постоянно действующего семинара по онтолингвистике. Вып.2. – СПб., 2001. – С.59-76.

Дементьев В. В. Интертекстуальный аспект речевых жанров // Жанры речи, 2015, № 2. – С. 11-26.

Круглякова Т. А. «Чужое слово» в детском поэтическом творчестве // Проблемы онтолингвистики – 2009: Материалы международной конференции. СПб., 2009. – С. 226-232.

Лысикова Ю. А. Лексикографирование цитат. Дис. ...канд. филол. наук. – Орел, 2005.

Лотман Ю.М. Культура и взрыв. – М., 1992.

Мокиенко В. М. Каламбуры у Горького // Русская речь, 1968. № 2.

Офицерова Е. А. Цитирование в речи ребёнка (по материалам материнского дневника): Проблемы онтолингвистики – 2018: Материалы ежегодной международной научной конференции. СПб., 2018. – С.348-351.

Слаповский А. Первое второе пришествие. Анкета. Я – не я. М., 1999.

Элмасын А. В. Лингвистические основы создания двуязычного (русско-английского) тематического словаря устойчивых сравнений: Дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2010.

©Харченко В. К., 2019

Н. Н. ЩЕРБАКОВА

*(Омский государственный педагогический университет,
г. Омск, Россия)*

УДК 81'23:378.182

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДАННЫХ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ПРОБЛЕМ АДАПТАЦИИ ПЕРВОКУРСНИКОВ

Аннотация. Известно, что использование психолингвистического эксперимента позволяет обнаружить проблемы, которые при обычном анкетировании выявляются в меньшей степени. В статье рассматриваются результаты цепочечного ассоциативного эксперимента, проведенного в рамках комплексного психолого-педагогического обследования первокурсников педагогического вуза с целью выявления проблем их адаптации к учебному процессу, а также ожиданий в связи с подготовкой к профессиональной деятельности. На основе сравнения данных, полученных путем психологического и педагогического анкетирования, и ассоциативного эксперимента сделаны выводы о степени соответствия результатов разных видов обследования друг другу. Анализ словесных цепочек позволил увидеть не только отражение учебных проблем первокурсников, в частности, переживаний по поводу будущей сессии, но и важность построения гармоничных межличностных отношений, а также представления о будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: цепочечный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, методы анализа ассоциативного поля, коннотация, психолого-педагогическое обследование, психолингвистика.

По свидетельству ряда исследователей, ассоциативный эксперимент на сегодняшний день является одним из эффективных средств изучения языкового сознания, «поскольку он позволяет выявить, каковы те ментальные образы мира, которые присущи представителям того или иного этноса» [Архипова 2011: 6]. Представляется, что данное утверждение верно не только для этноса, но и для социальных групп, в связи с чем данные ассоциативного эксперимента могут быть использованы при комплексном обследовании различных коллективов. Такое обследо-

вание было предпринято в 2017 году среди первокурсников факультета начального, дошкольного и специального образования Омского педагогического университета с целью выявления проблем их адаптации к учебному процессу, мотива выбора будущей профессии, а также ожиданий в связи с подготовкой к профессиональной деятельности. Студентам была предложена анкета-опросник [Щербаков 2018: 266-268], а затем был проведён цепочечный ассоциативный эксперимент с использованием стимула *университет*.

«Большой психологический словарь» определяет ассоциативный эксперимент как особый метод исследования мотивации личности, которая выявляется путём исследования реакций, возникающих на тот или иной речевой стимул [Мещеряков, Зинченко 2008: 26]. Как известно, ассоциативный эксперимент сейчас широко и успешно используется для анализа самых разнообразных проблем, связанных с изучением языковой личности [Миронова 2016: 192-199]. «Ассоциативный эксперимент <...> служит ценным материалом для изучения психологических эквивалентов того, что в лингвистике называется семантическим полем, и вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов» [Белянин 2003: 70]. Одной из его разновидностей является цепочечный эксперимент, называемый также цепным или экспериментом на продолжающуюся реакцию [Леонтьев 1983: 50]. Получаемый в результате языковой материал демонстрирует многообразие ассоциаций, и поэтому всегда возникает проблема его адекватной интерпретации. На сегодняшний день существуют разные подходы к анализу материала. Так, например, психологи, активно использующие данный вид ассоциативного эксперимента в психоанализе, рекомендуют обращать внимание на длину цепочки, состав и количество семантических гнёзд, соотношение адекватных и неадекватных реакций и т. д. [Баскакова, Глухов 2008: 39-42]. Психолингвистические подходы к анализу материала обобщены Н. И. Мироновой, которая установила, что полученные в ходе эксперимента ассоциативные поля (АП) могут исследоваться по следующим параметрам: «сплошное сравнение одноименных АП по составу и частоте первых двух реакций;

пословное сопоставление одноименных АП; сравнение семантической структуры одноименных АП; анализ ядра лексиконов представителей разных этносов; определение степени стандартности (ритуализованности) ответов в разных языках; установление доминирующих структур – номинативной или предикативной; гендерный анализ ответов и не-ответов (отказов)» [Миронова 2011: 110]. Ю. Н. Караулов, кроме того, предлагает уровневый подход к анализу полученного материала, выделяя три уровня анализа: грамматический и лексико-семантический (он обнаруживается во взаимоотношениях словоформ), когнитивный (показывает взаимосвязь между лексемами, определяемую языковой картиной мира) и прагматический (характеризует взаимоотношения человека с миром) [Караулов: 45-46].

Получаемый в процессе цепочечного эксперимента материал, таким образом, требует чётких установок в процессе интерпретации. Наиболее адекватным задачам комплексного обследования первокурсников представляется метод анализа семантического поля, предложенный в работах Н. И. Мироновой. В качестве основы анализа используется понятие универсальной схемы: «схема есть индивидуальное знание; она отсылает к знаниям о мире конкретного человека; схема есть нечто обобщенное; она содержит информацию не об одной особой ситуации, а скорее, об особом типе ситуаций; схема обладает структурой, она не только состоит из некоторого набора фактов, но и включает информацию о том, как эти факты связаны друг с другом; схема используется для получения выводных знаний; схемы служат основой интерпретации действительности и используются в процессе понимания; схемы связаны между собой и могут образовывать иерархии» [Миронова 2011: 112].

В эксперименте приняли участие 73 студента первого курса, из них 39 обучаются по направлению «Специальное (дефектологическое) образование» (профили «Логопедия» и «Дошкольная дефектология») и 34 – по направлению «Педагогическое образование» (профили «Начальное образование» и «Дошкольное образование»).

Анализ полученных результатов показал, что самая объёмная группа реакций на стимул *университет* связана с действиями,

состояниями и характеристиками учебного процесса: *автомат, баллы* (иногда с конкретизацией типа *75 баллов* – нижний порог для получения оценки «хорошо»), *бюджет, задание, зачёт, зачётная неделя, знания, долги, коммерция* (имеется в виду обучение на коммерческой основе), *лекция, математика, образование, отработки, оценки, пары, образовательный портал,, отчисление, передача, русский язык, реферат, семинар, сессия, стипендия, тесты, ум, учеба, экзамен*. Обращает на себя внимание объёмность группы, связанной с оценкой учебной деятельности студента (*сессия, зачет, экзамен, реферат* и т.д.). Эта группа, несомненно, входит в ядро поля, поскольку она представлена самым большим количеством реакций – 243. Все участники эксперимента указывали хотя бы одно слово из данной тематической группы, а 81 % участников давал 2 и более подобных реакций, что свидетельствует о тревоге перед первым испытанием в новом статусе (эксперимент проводился накануне первой в их жизни сессии). Психолого-педагогическое анкетирование выявило значительный уровень тревожности у 2/3 первокурсников в связи с предстоящей сессией, однако по результатам ассоциативного эксперимента можно сделать вывод о том, что в той или иной степени тревожность присуща практически всем первокурсникам.

Вторая по численности группа представлена номинациями других субъектов – участников ситуации (под термином «ситуация», вслед за Н. И. Мироновой, понимается «типовая ситуация, т.е. определенный стереотип, выработанный на основе прошлого опыта человека» [Миронова 2011: 114]): *бакалавр, группа, декан, доктор, доцент, коллектив магистр, однокурсники, охрана, преподаватель, профессор, ректор, староста, студент*. Среди реакций есть небольшая группа, называющая имена конкретных людей: преподавателей, сотрудников деканата, ректората, студенческого профкома – всего 10 номинаций. Судя по реакциям испытуемых, главным участником образовательного процесса является преподаватель: 100 % участников эксперимента указали либо это слово, либо имя конкретного преподавателя, либо его должность и звание: *профессор, доцент, доктор*. Эта группа также входит в ядро поля.

Все остальные группы реакций находятся на периферии семантического поля.

Третьей по численности стала группа ассоциаций, которые называют место ситуации: *аудитория, буфет, вахта, гардероб, деканат, дорога, кафедра, корпус, общежитие, помещение, столовая, факультет, Центр развития детей, школа.*

Примерно такой же по количеству реакций стала группа ассоциаций, которая связана с состоянием участников учебного процесса, их чувствами и эмоциями: *взаимопомощь, веселье, взрослая жизнь, голод, друзья, дружба, любовь, недосып, общение, отношения, самостоятельность, смех, страх, стресс, суматоха, усталость.* Спектр названных чувств и эмоций, как видно из этого списка, разнообразен, причем положительные эмоции называются в 1,5 раза чаще, чем отрицательные, хотя упомянутая выше тревожность, связанная с ожиданием сессии, ставит под сомнение отсутствие отрицательных эмоций у тех студентов, которые их не назвали. Совершенно закономерно номинации положительных эмоций возникали в ассоциативной цепочке рядом с названиями событий, связанных с внеучебной деятельностью: *вожатый, волонтер, еда, капуста, каникулы, конкурсы, мероприятия, посвящение в студенты, праздники.*

Наличие ассоциативных рядов, связанных с характеристикой межличностных отношений показывает их важность для молодых людей, важно также то, что эти реакции исключительно положительные, что свидетельствует об отсутствии серьёзных эмоциональных проблем в процессе адаптации к новым условиям жизни. Эти результаты адекватны полученным при анкетировании.

Объекты – участники ситуации представлены следующей группой реакций: *журнал, зачётка, изрисованные парты, книги, ручка, рюкзак, студенческий, тетрадь.* Интересно то, что ни один из опрошенных не дал реакции, связанной с названиями современных гаджетов, хотя и сами студенты, и преподаватели факультета активно используют их в учебном процессе.

Интересно и то, что периферийное положение заняла группа ассоциаций, связанных с действиями, состояниями и характеристиками других субъектов – участников ситуации: они встреча-

лись как редкие, единичные характеристики: *злые охранники, любимые и родные одноклассники, весёлые, добрые и квалифицированные педагоги, добрые преподаватели*.

Наконец, возможные референты слова-стимула тоже встретились в полученном языковом материале: название университета и факультета, на котором обучаются испытуемые, слова *вуз, институт*, а также точный адрес учебного корпуса и название микрорайона, в котором он расположен (*Нефтяники*). Один из участников эксперимента дал реакцию *Политех*, что объясняется не только соседством педагогического вуза с Техническим университетом, но, по-видимому, и с названием остановки общественного транспорта.

В 97 % ответов реакция испытуемых отражена существительным, редко используются другие части речи, содержащие коннотативный компонент с мелиоративной оценкой: *важно, добрый коллектив, много нового и интересного, почётно, престиж, ученье – свет, неученье – тьма, хороший, хорошие преподаватели* или характеристику личного состояния в процессе обучения: *активная жизнь, всегда интересно, всегда хорошее настроение, обожаю, стремление, старание, учиться трудно*.

У цепочечного эксперимента есть одно несомненное достоинство: цепочка ассоциаций в целом ряде случаев даёт возможность точно определить смысл реакции. Так, слово *коммерция* в нашем материале явно употреблено в значении «обучение за свой счёт», поскольку оно располагается в ответе испытуемого сразу же за словом *бюджет*.

Конечно, среди реакций обнаруживаются такие, которые невозможно однозначно отнести к одной ситуации. Так, например, реакции *деканат* и *кафедра* могут называть и помещение, и сотрудников. Но, исходя из наблюдений за употреблением этих слов в речи студентов факультета, а также их местом в цепочке, можно с большой долей вероятности предположить, что они чаще всего относятся к ситуации места, поскольку *деканат* обычно обнаруживается в цепочке после слова *зачётка* (зачетки хранятся в деканате), а *кафедра* – после слова *консультация* (консультации проводятся на кафедре). Сложнее с реакцией *автомат*, поскольку она может соотноситься как с автоматами по

продаже кофе и воды, так и с выставляемой итоговой оценкой по результатам работы студента в семестре. Но, учитывая реалии корпуса, в котором обучаются студенты факультета, можно всё же утверждать, что речь идёт именно об оценке: автоматов по продаже кофе, воды и пр. в корпусе просто нет.

Самой сложной для интерпретации оказалась реакция *школа*. В полученном языковом материале *школа* чаще всего соотносится с местом проведения практических занятий, так, один из участников эксперимента даже уточнил: *школы (посещение школ)*. Кроме того, в цепочке эта реакция чаще всего наблюдается после слов *семинар* или *практика* у студентов, обучающихся по профилю «Начальное образование», которые систематически посещают школы во время практических занятий. В то же время есть и такие реакции, которые не связаны с учебным процессом в вузе. Это демонстрирует, например, такое звено цепочки, как *ЕГЭ, школа* или такая реакция, как *этап после школы*. В некоторых случаях точно определить смысловое наполнение реакции было невозможно, как невозможно было и установление смыслового наполнения реакции *дети*, возникавшей в той части цепочки, которая у половины участников эксперимента явно увязывалась с представлениями о будущем. Предположим, что речь в данном случае шла всё же о тех, с кем предстоит реализация в профессиональном плане, а не о собственных детях, но полной уверенности по всем подобным реакциям нет, так же, как нет уверенности в том, каким смыслом может быть наполнена реакция *диплом*: это может быть и документ об образовании и обозначение выпускной квалификационной работы.

Представление о перспективах, которые даёт обучение, выражались реакциями типа *аспирантура, будущее, возможности, высшее образование, дети, диплом, перспективы, профессия, работа, статус, стабильность, ученики*. Символом удачного будущего становится *путешествие, открытие новых возможностей, заработок, движение вперёд*.

Полученные нами данные полностью подтверждают выводы И. В. Шапошниковой о том, что образ будущего у молодых людей «позитивен, насыщен безопасными и добрыми, светлыми

ожиданиями, что свидетельствует об открытости нового поколения миру и готовности жить» [Шапошникова 2017: 130]. Вместе с тем эксперимент выявил явную зависимость конкретизации будущего от направления подготовки. Указанные выше позитивные ассоциации возникли у 93 % студентов-дефектологов, обучающихся по профилю «Логопедия», при этом обращает на себя внимание прагматическая оценка будущего как периода материального благополучия. У студентов, обучающихся по другим профилям, тема будущего возникала реже (её продемонстрировали всего 20 % испытуемых, обучающихся по другим профилям), при этом будущее не вызывает реакций типа *зарплата* или *путешествие*, список реакций ограничивается таким рядом: *будущее, профессия, стабильность*.

Если сравнить результаты проведенного эксперимента с результатами психолого-педагогического анкетирования, то можно констатировать соответствие полученных данных, что свидетельствует о ценности ассоциативного эксперимента и достоверности его результатов. Помимо этого, проведенный цепочечный эксперимент гораздо точнее психолого-педагогического анкетирования показал те проблемы, которые возникают у первокурсника в плане адаптации к новым условиям жизни. Так, 2/3 студентов указали в анкете, что их основная проблема – неумение правильно организовать свою жизнь. Как правило, это утверждение и студенты, и проводившие анкетирование преподаватели в первую очередь связывали с учебной деятельностью, и психолингвистический эксперимент этот вывод, безусловно, подтверждает: как уже отмечено, именно учёба вызывает самое большое беспокойство первокурсников. Однако результаты цепочечного ассоциативного эксперимента конкретизируют и другие аспекты этого неумения. Так, 23 % испытуемых продемонстрировали реакции, связанные с проблемами временных затрат на дорогу, что отразилось либо в названии транспортного средства (*троллейбус, маршрутка, автобус*), либо в упоминании о пробках на улицах города, причём такие реакции следовали за эмоциональными компонентами цепочки (*недосып, рано вставать, страх опоздания*). Ещё одна извечная студенческая проблема связана с неорганизованным питанием, о чем свидетель-

ствует появление реакций типа *голод* у 15 % участников эксперимента.

Таким образом, ассоциативный эксперимент, несомненно, имеет большое практическое значение и может быть использован наряду с другими методами изучения проблем, возникающих у первокурсников, с целью планирования дальнейшей работы по их адаптации в вузе.

ЛИТЕРАТУРА

Архипова С. В. Ассоциативный эксперимент в психолингвистике // Вестник Бурятского университета. 2011. № 11.

Баскакова И. Л., Глухов В. П. Практикум по психолингвистике. – М., 2008.

Белянин В. П. Психолингвистика. – М., 2004.

Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. – М., 1999.

Леонтьев А. Н. Опыт структурного анализа цепных ассоциативных рядов (экспериментальное исследование) // Избранные психологические произведения : в 2-х т. – М., 1983. – Т. II.

Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П. Большой психологический словарь. – М., 2008.

Миронова Н. И. Ассоциативный эксперимент: методы анализа данных и анализ на основе универсальной схемы // Вопросы психолингвистики. 2011. № 2, том 14. С. 108–119.

Миронова Н. И. Семантический анализ ассоциативного поля // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2.

Шапошникова И. В. Мотивационная база реформы образования и профессиональная идентификация русской языковой личности поля // Вопросы психолингвистики. 2017. № 2.

Щербаков С. В. Профессиональное самоопределение студентов первого курса педагогического университета // Детство, открытое миру: Материалы Всеросс. науч.-практ. конф. Омск, 28 февраля 2018 г. – Омск, 2018.

©Щербакова Н. Н., 2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Абрамова Надежда Сергеевна – аспирант, Уральский государственный медицинский университет, г. Екатеринбург, Россия.

e-mail: abns@list.ru

Беглова Елена Ивановна – д. филол. н., профессор, Нижегородская академия МВД России, г. Нижний Новгород, Россия

beglova-elena@yandex.ru

Брюханова Елена Николаевна – магистр пед. образования, учитель высшей категории МАОУ «Лицей №17», г. Сухой Лог Свердловской области, Россия.

e-mail: bryuxanova.83@mail.ru

Бубнова Ирина Александровна – д. филол. н., профессор, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия.

e-mail: aribubnova@gmail.com

Бутакова Лариса Олеговна – д. филол. н., профессор, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, г. Омск, Россия.

e-mail: larisabut@rambler.ru

Ваулина Ирина Александровна – к. филол. н., ст. преп., Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия.

e-mail: phonosemant@mail.ru

Вепрева Ирина Трофимовна, д. филол. н., профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

e-mail: irina_vepreva@mail.ru

Гоголина Татьяна Владимировна – канд. филол. наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет г. Екатеринбург, Россия.

e-mail: gogolintv@yandex.ru

Гридина Татьяна Александровна – д. филол. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия.

e-mail: tatyana_gridina@mail.ru

Доброва Галина Радмировна – д. филол. н., профессор, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

e-mail: galdobr@peterlink.ru

Еливанова Мария Анатольевна – к. филол. наук, доцент, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия.

e-mail: melivanova@yandex.ru

Иванова Евгения Николаевна – к. филол. наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия.

e-mail: z3411828@yandex.ru

Казаченко Оксана Васильевна – к. филол. наук, доцент, Московский городской университет, г. Москва, Россия.

e-mail: kazachenko_07@mail.ru

Коновалова Надежда Ильинична – д. филол. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: sakralist@mail.ru

Малявина Анастасия Михайловна – магистр пед. образования, учитель высшей категории МАОУ «Гимназия №2», г. Екатеринбург, Россия.

E-mail: kam2873@yandex.ru

Менг Катарина – доктор филологии, профессор, Институт немецкого языка, Мангеймский университет, г. Мангейм, Германия.

kathmeng@online.de

Мухин Михаил Юрьевич - д. филол. н., профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

Норман Борис Юстинович, д. филол. н., профессор, Белорусский государственный университет, г. Минск, Беларусь; Трирский университет, г. Трир, Германия.

e-mail: boris.norman@gmail.ru

Протасова Екатерина Юрьевна – д. пед. н., профессор-адъюнкт, доцент, Хельсинкский университет, г. Хельсинки, Финляндия.

Ружицкий Игорь Васильевич – д. филол. н., профессор, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия.

E-mail: konnitie@mail.ru

Семушина Валерия Анатольевна – к. филол. наук, ст. преп., Институт иностранных языков, г. Санкт-Петербург, Россия.

e-mail: haleria@yandex.ru

Стексова Татьяна Ивановна – д. филол. н., профессор, Новосибирский государственный педагогический университет, г. Новосибирск, Россия

e-mail: steksova@inbox.ru

Уонг Минь Туан – аспирант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия.

e-mail: irina_vepreva@mail.ru

Харченко Вера Константиновна – д. филол. н., профессор, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

vera_kharchenko@mail.ru

Щербакова Наталья Николаевна – д. филол. н., профессор Омский государственный педагогический университет, г. Омск, Россия.

E-mail: nata.ro@mail.ru

SUMMARY

Abramova Nadezhda. Cluster analysis as a method of diagnosing a cultural and speech competence of a recipient of a literary text

Annotation. This article includes the results of experimental diagnostic research on the level of development of a perceptive-reflexive component of a students' standard of speech competence in the process of text perception. The leading experimental method is cluster analysis which is based on the procedure of a language material classification. This research allows to broaden the opportunities of practical application of the given method as a diagnostic procedure for philological education. The object of a reader's reception is a game text, representing a special type of a literary text in which a language game is a plot-developing and a meaning-forming basis (T. A. Gridina). The specific character of texts of this type is determined by distinctive features of their perception. Experimental methods practising allowed the author to set the dependence of an adequate perception and understanding of a game text on the level of recipient's cultural competence as well as on the degree of the development of lingual-creative abilities and skills necessary for interpretation of a non-standard language sign.

Keywords: psycholinguistic experiment, text perception, a standard of cultural and speech competence, cluster analysis, game-text, S. D. Krzhizhanowsky.

Beglova Elena. Women's names by occupation (gender and functional aspects)

Annotation. The article analyzes a synonymous series of words and phraseological units those serve as the names of women by occupation; are contrary to the moral foundations of society at different periods of its development in different countries, and which function in speech throughout the ages. Special attention is paid to the gender aspect, manifested in the relationship of a man to a woman; the dynamics of this relationship resulting from a change in the status of a woman being in the same conditions as a man, in particular due to the role of a woman in the moving troops, is traced. The main functions of words and phraseological units in speech that constitute a synonymic series of names of women leading an immoral lifestyle

are determined: these are euphemistic and esoteric functions. It is revealed that these functions in some words are caused by the presence in their lexical meaning of the main and implicit peripheral senses, as well as by the etymology and meaning of lexical and phraseological units; the meaning of these words and phraseological units is caused by the metaphorical transference.

Keywords: word, phraseological unit, synonyms, gender aspect, lexical analysis, function, linguocultural and psycholinguistic aspects.

Bubnova Irina. Functional illiteracy: unforeseen risks or planned results?

Annotation. The article discusses the problem of functional illiteracy as a new form of civilization risk. Careful consideration is given to the links between this characteristic of a modern person and the process of globalization under the influence of which Russian classical school has been transformed totally. Similarity between some personal traits including functional illiteracy as typical characteristics of an average representative of a modern young generation and a model of future man described in B. Russell's works are analyzed. The results of experimental research, which prove that personal characteristics planned in XX century are becoming a reality, are produced. The author puts forward some arguments in favour of the existence of causal relationship between a new model of a human being pushed forward into Russian society and the problem of civilizations' clash discussed in S.P. Huntington's article and book.

Keywords: functional illiteracy, globalization, type of personality, personal traits, education, a model of future man, civilizations' clash.

Butakova Larisa. Complex psycholinguistic reconstruction of the "age" vocabulary's semantics

Annotation. Methods of experimental reconstruction of the subjective semantics of the word is one of the urgent problems of modern psycholinguistics. The article proves the effectiveness of applying several psycholinguistic procedures to a single stimulant list. Free and directed associative experiments, receptive experiment serve as a means of stimulating various types of speech activity of the recipient and obtaining a volume model of value as an individu-

al's wealth simultaneously. The free associative experiment shows stable and moving parts of subjective meaning, directed associative experiment (completion of the linguistic sign) establishes the situational structure available in the mental lexicon, the semantic differential reveals the emotionally-sensual meaning of the stimulus.

Keywords: Psychological meaning, subjective semantics, meaning, associative field, cognitive structure of the associative field, situational structure of meaning, emotive-sensory meaning.

Vaulina Irina. The factors of perception of sound symbolic units: psycholinguistic experiment

Annotation. The article is devoted to one of the least studied aspects of the expressiveness of the Russian word – phonosemantic, which is based on the idea of interconnection and interdependence of the formal and substantive sides of the language sign (imitation of sound and sound transmission of the image). Phonosemantic expressiveness as a complex, subjective phenomenon needs psycholinguistic verification. It is proposed to study the phonosemantic expressiveness of the word by cluster analysis, which is that a random set of stimulus words (phonosemants) should be systematized at the discretion of each individual Respondent in compliance with the clustering algorithm until all the selected clusters are reduced to one generalizing feature. At each stage, the subjects are additionally required to specify the basis of clustering. Stimulus material was represented by onomatopoeic and sound-symbolic units (16 words in total). As a result of the experiment, the following strategies of clustering of stimulus words were revealed: convergence of lexemes on a rational basis, according to their denotative content, actualization of the potential situational connection of phenomena, reliance on system connections of stimuli. As a result of the experiment, it was concluded that the leading factors of perception of sound units of the selected group are, firstly, the expressiveness of their sound shell, and secondly, connotative semes, which often prevail over denotative content.

Keywords: phonosemantic expression, psycholinguistic experiment, cluster analysis.

Vepreva Irina, Uong Minh Tuan. About psycholinguistic experiment in researching onomastic concept (based on perceptive image of Vietnam)

Annotation. The article presents the results of an experimental research that reveals the perceptual image of Vietnam. At the preliminary stage of the research, a cognitive matrix of the onomastic concept *Vietnam*, the core of which is the name of a geographic object, is built on the basis of encyclopedic dictionaries. The peripheral part of the matrix is formed by various areas of knowledge about geography, government, economy, culture, religion, history, etc. A summary description of the reactions obtained during the experiment, shows that the perceptual image of Vietnam in the linguistic consciousness of Russian speakers is formed. As the leading conceptual signs there presented signs characterizing the location of the country, climatic and natural conditions, culture, infrastructure, language, religion. The perceptual image of Vietnam in the consciousness of a native speaker correlates with the conceptual features of the scientific world picture.

Keywords: experiment, onomastic concept, perceptual image, cognitive matrix.

Gogolina Tatiana. Verification of the basic means of expressing the semantic category of doubtfulness

Annotation. The article presents the results of a psycholinguistic experiment to verify the means of expression of the semantic category of doubt in the representation of modern native speakers.

The author on the basis of experimental data analyzed verbal and nonverbal means of expression of this category, the most actively used in youth discourse. The hypothesis of connection of the considered category with the concepts of evaluation and emotivity is experimentally confirmed. The experiment confirms the importance of including the meaning of doubt in the semantic space of reliability/unreliability and its connection with the expression of evaluation, emotions and will of the speaker. The nature of the emotions expressed in combination with doubt is psychologically uncomfortable for the subject, which is transmitted by both verbal and non-verbal means.

Keywords: doubtfulness, verbal and non-verbal means of expression of doubtfulness, psycholinguistic experiment, emotively, evaluation.

Gridina Tatiana, Konovalova Nadezhda. Associative projections of the word in play media text

Annotation. The article discusses the features of modern creolized media text using language game codes. Is characterized by transformed the lyrics of a famous song "Everything in life is me...", based on the identification of the realities of the Soviet era with their conventional "equivalents" presented in the new song media version of the relevant modern nominations. Decoding of game implicatures in the structure of media text is achieved by correlating its verbal and nonverbal series. The mechanisms of associative identification and associative provocation as the basis of game effect construction are revealed. The classification of cognitive and evaluative bases of associative identification of nonverbal and verbal components of the game media text is proposed.

Keywords: media text, language game, presuppositions, associative context of the sign.

Dobrova Galina. Lexicon acquisition differences in boys and girls

Annotation. This article studies the speech production of children from 2.10 to 3 years old. 100 MacArthur questionnaires (50 boys and 50 girls) are analyzed, as well as the results of the experiment (11 boys and 11 girls). There are differences in the vocabulary of boys and girls, but it turns out that these differences are not entirely consistent with those generally accepted. Thus, it is found that the lexicon of girls as a whole, indeed, develops earlier than the lexicon of boys, but in general this only applies to the active (but not passive) lexicon. It turns out that the differences in girls' and boys' knowledge of the words of some thematic groups are not as significant as it is commonly believed (although they do exist), and that these differences are very much due to the relevance of the corresponding referents in the practical activity of children of different sexes. The greater inclination of boys is revealed to rely on the function of the subject in the process of learning vocabulary, and of girls to rely on

its form. In addition, it turns out that in the course of mastering the hypo-hyperonymic nests, boys and girls can begin with mastering different levels of lexical hierarchies.

Keywords: child language, language acquisition, vocabulary of boys and girls, reliance on the function of the object, reliance on the form of the object, mastering hypo-hyperonymic relations.

Elivanova Maria, Semushina Valeria. Phono-Semantic Heterogeneity of Poetic Texts with Semantic Alternativeness in Synesthets' comprehension

Annotation. The article is concerned with investigating the problem of synesthesia that manifests itself in the fact that stimulation in one sensory-based system or cognitive system leads to automatic reaction in another one.

Subjective method of sound-color and phono-semantic analysis by synesthets partly coincides with the method of automatic analysis based on the signification of letter frequency of occurrence in a text. Only those synesthets who rely on their imaginative mentality and spontaneous emotional evaluation of sound-color can find phono-semantic inconsistency of poetic texts containing semantic alternativeness. They can understand ambiguousness of sound and color of the text in varying degrees or feel uncomfortable with cognitive dissonance caused by unclear for them phono-semantic heterogeneity of the poem.

Keywords: synesthesia, synesthet, intuitive phono-semantic analysis, letter, sound, color, semantic alternativeness, cognitive dissonance.

Ivanova Evgeniya. Experience of discursive representation of lexicon of historical language personality

Annotation. The article deals with the reconstruction of the lexicon of the language personality. There are various models in the representation of the lexicon of personality, collected by textual sampling. The discursive model can be successfully implemented in the description of the lexicon of a historical language personality. A fragment of the dictionary of A.N. Demidov - the famous Ural industrialist of the XVIII century. The vocabulary of this lexicon contains about 6 300 units. The structure of the dictionary entry, litter system

is considered. The material for the dictionary are the business letters of A.N. Demidov to the higher and lower recipients. Depending on the distance between the addresser and the addressee, we can confidently speak of two types of texts. The conclusion is made about the lexical and grammatical differences of texts (the predominance of lexical and grammatical archaisms, the complexity of the syntax in the texts of the first type). A.N. Demidov had used common words in a professional context.

Keywords: language personality, discursive personality practices, the preferences of the linguistic personality.

Kazachenko Oksana. Individual meaning of the word as a part of the worldview

Annotation. The article deals with the problem of individual meaning of the word, forming a certain image of a person's worldview, through the prism of which there is a connection with the outside world. The worldview is multi-level and includes various components. According to the author, the worldview exists in two forms: generalized, with conventional meanings and individual, including connotations and personal meanings. Individual meaning is formed under the influence of the subjective experience, individual vision of the world, peculiarities of perception, profession, intelligence, belonging to a social group and some other factors. This meaning of the word is the property of the individual's consciousness and manifests itself in verbal associations presented to the word-stimulus. On the example of the word patriotism, the author shows the individual peculiarities of understanding of this lexical unit, which is one of the national values of Russia.

Keywords: individual meaning, worldview, personal meaning, patriotism, value.

Malyavina Anastasiya, Bryukhanova Elena. The use of symbolic means when creating text

Annotation. The article is devoted to the description of psycholinguistic methods of using symbolic means in the process of creating texts of different types of speech in preparation for an oral interview in the Russian language in grade 9. It is noted how this approach is associated with the leading modality of perception. The

technique of application of sign-symbolic means and possibilities of its application are described.

Keywords: final interview, psycholinguistic technique, modality of perception, mental operation, sign-symbol, text, type of speech, learning outcomes.

Mukhin Mikhail. At the Crossing of Statistics, Idiostylistics and Psycholinguistics

Annotation. The article reviews some possibilities of using of statistical data in text linguistics and idiostylistics. Based on the interpretation of these data, psycholinguistic conclusions about the authors literary texts are possible. The most suitable for statistical measurements hallmarks of texts, especially formal ones, are discussed. In detail, not only from a quantitative, but also from a qualitative point of view, the parameter of the volume of a piece of art (on the material of Russian prose of the XIX-XX centuries) is considered. On the prose material of the twentieth century (V. Nabokov, A. Platonov, M. Bulgakov, M. Sholokhov) the distribution of words of different parts of speech, the average length of a sentence, and the relative vocabulary (the coefficient of typicality of characters) in the works of different authors are analyzed. Information about the differences in the statistical parameters which indicate the idiostylistic and psycholinguistic attitudes of the Russian prose writers of the XIX-XX centuries is presented.

Keywords: statistical analysis, idiostyle, linguistic text analysis, psycholinguistics, V. Nabokov, A. Platonov, M. Bulgakov, M. Sholokhov.

Norman Boris. «Distant familiarity of words»

Annotation. The study of the connections between words in the human consciousness leads to the conclusion that besides (in addition to) direct connections there are also mediated (polynomial) ones. The article examines the chains of associations that develop in a person's head in the process of speech-thinking activity. One part of the article is devoted to the results of psycholinguistic experiments (dictionaries of the associative norms of the Russian language), the other one – to the analysis of texts of Russian poetry of the twentieth century. The focus is on the process of finding and choosing the right

word. The role of sound (phonetic) connections between words is noted; the article describes the phenomenon of anaphonia and anagrams in a poetic text. It is shown that the figurative (metaphoric) use of the word is closely connected with the processes of syntactic changing of the phrase. Numerous examples of semantic-syntactic transformations from Russian poetry are given. The works of Osip Mandelstam and Boris Pasternak are studied in detail: their meaning and interpretation possibilities by the reader.

Keywords: connections of words in the consciousness, associative norms, Russian poetry, anaphonia, figurative meanings, syntactic transformations of the phrase.

Meng Katharina, Protassova Ekaterina. Growing up with two languages: Experience of the two young bilinguals in Germany

Annotation. The present article considers the communicative and verbal experience of the two young bilingual Russian German women who grew up in Germany in bilingual environment leaning upon the interview materials collected from the participants. It demonstrates what the level of their Russian language is, where can they succeed especially well, what are their weakest points, and how they reflect upon their capacities in the two languages. Their Russian has an oral spoken everyday language quality, whereas in German, they have developed various high quality oral and written skills. The article demonstrates the factors influencing development of unbalanced bilingualism. The knowledge of the Russian culture is also restricted, although they would like to maintain the language and to know more about different things connected with it. They would like to transmit the language to their children in the future. The study is a part of a many years project concerning linguistic integration of the Russian Germans in Germany, which is carried out in the Institute of German Language in Mannheim.

Keywords: development of bilingual personality, bilingual development, Russian Germans, linguistic integration, self-reflection, unbalanced bilingualism, linguistic biography.

Ruzhitskiy Igor. Associative Dictionary in Teaching Russian as a Foreign Language

Annotation. The article shows the possibilities of using the Russian associative dictionary materials, as well as comparative associative dictionaries to solve a number of linguodidactics problems: (1) development of determining the lexical and linguoculturological minimum for different stages of learning algorithm; (2) determining of relevant to the modern Russian language consciousness structural-semantic and grammatical relations between lexical units; (3) training texts and exercises creation that implement a functional-communicative approach in teaching Russian as a foreign language; (4) lexical unit analysis in terms of the lexical meaning component actualization; (5) the associative series as a unit of training consideration and some others. The associative dictionaries materials are supplemented with data of the associative experiment conducted in a foreign audience, and the linguistic and didactic potential of this material is illustrated by specific examples.

Keywords: associative dictionary, associative series, Russian as a foreign language, the problem of lexical minimum, Russian language textbook.

Steksova Tatiana. On the problem of the selection of one of the possible syntactic structures (according to the psycholinguistic experiment)

Annotation. The article deals with the problem of choosing one of the syntactic variants of the semantic paradigm of utterance. With the help of a psycholinguistic experiment, the author tries to trace the choice of one of the constructors when generating the text and when perceiving and interpreting the construction in the proposed text. The experiment, which consisted of two stages, was attended by philology students and journalism students. At the first stage, it was proposed to write two fragments of text using the specified constructions. At the second stage, the subjects were asked to explain why the author used one of the possible constructions. The experiment showed that the choice of construction is contextually determined and depends, in particular, on the peculiarities of understanding the denotative situation of the speaker.

Keywords: semantic paradigm, active construction, impersonal construction, psycholinguistic experiment.

Kharchenko Vera. «Strange word» in dynamic of children's speech.

Annotation. Relation personal and stranger remarks in children's speech on material trio fragments of children's speech (3 year 3 month, 4 year 3 month and 6 year 3 month) analyzes. Use of quotations by children's poetry considers, communication quotation with knowledge of literature emphasizes, fluency function-semantic aspect of citation. Close communication use of the personal word and adoption in speech associates notes. Early stages of quotation connect with memorization by heart fragments by children's fiction. Duplicate of adult speech turnover, phenomenon self-quotation, hyperbolae of remarks in fragments presented too.

Keywords: children's speech, remark, quotation, function-semantic, duplicate, hyperbolae, metaphor.

Shcherbakova Natalia. The usage of the data from associative experiment for revealing first-year students adaptation problems.

Annotation. It is known that the usage of psycholinguistic experiment allows to better detect problems, which reveal themselves in case of regular polls in the lesser degree. In the article results of the associative experiment are examined. The experiment was a part of the complex psychoeducational survey of first-year students from pedagogical university. The goal was to reveal problems of student adaptation to educational process and to find out their expectations about the future job. The data was acquired using different types of survey and then compared to make a conclusion about similarity of the survey results. Analysis of verbal chains allowed to see not only the reflection of educational problems of first-years, particularly the anxiety about the upcoming exams, but also the importance of building harmonious interpersonal relationships and getting ideas about the future professional activities.

Keywords: associative experiment, associative field, associative field analysis methods, connotation.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧЕВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Выпуск 17

Издатель: ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет»

Адрес издателя и редакции:

620017, г. Екатеринбург, пр-т Космонавтов, 26, к. 281

E-mail: linguacreativ@mail.ru

Тел.: (343)235-76-64

Периодичность издания: 1 раз в год

Подписано в печать 19.03.2019. Формат 60x84 ¹/₁₆

Гарнитура «Times New Roman»

Усл. печ. л. – 14,6.

Тираж 500 экз.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники
Уральского государственного педагогического университета
620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.me